

Городъ раздѣляется на три слѣдующіе квартала, идущіе по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку: *Кіо-Басси*, *Ниппонъ-Басси* и *Ниппонъ-Кита*. Въ этомъ послѣднемъ городъ расположенъ по набережной, тогда какъ въ двухъ первыхъ берегъ и острова рѣки заняти большею частью публичными зданіями и домами знатныхъ. Тутъ находится съ десятокъ дворцовъ, нѣскольکو маленкихъ *іаски* гаттамотосовъ, и невдалекѣ отъ поля, предназначеннаго для скачекъ, возмншается обширный храмъ Низиконгаиджи, нѣскольکو береговыхъ баштарей и морская школа.

Все остальное пространство между дворцомъ и О-Гавой имѣетъ подобіе огромной шахматной доски; улицы пересѣкаются подъ совершенно прямыми углами, и всѣ другія части города, окомлеленныя голубыми водами каналовъ, представляютъ совершенно симметрической видъ.

Кварталь Ниппонъ-Басси, составляющій центръ города, заключается въ себѣ, на пространствѣ четырехъ квадратныхъ верстъ, пять главныхъ улицъ, пересѣкаемыхъ подъ прямымъ угломъ двадцатью двумя побочными улицами и образующихъ семьдесятъ восемь квадратовъ почти одинаковой величины; слѣдовательно этотъ кварталъ имѣетъ фигуру единеннаго параллелограмма. Судоходные каналы окружаютъ его со всѣхъ сторонъ; пятнадцать мостовъ устроены для сообщенія его съ соседними кварталами; два изъ этихъ мостовъ, находящіеся на западѣ, перекинута черезъ широкій ровъ, окружающій замокъ, пять на востокѣ, пять на югѣ, и три на сѣверѣ.

Въ числѣ послѣднихъ, мостъ, находящійся посрединѣ, называется Ниппонъ-Басси, откуда произошло и самое названіе квартала. Этотъ мостъ считается за геометрической центръ Иппонъ, отъ котораго измѣряютъ всѣ географическія разстоянія въ имперіи, подобно тому, какъ въ Англіи они измѣряются отъ Лондонскаго моста; къ нему же примыкаетъ и Токаидо. Начиная отъ предмѣстья Синагавы, Токаидо идетъ, подъ именемъ улицы Оттори, черезъ кварталы Таканавы, Атакосты, Кіо-Басси и Ниппонъ-Басси. Въ концѣ послѣдняго квартала, центральный мостъ образуетъ границу между этой великой политической, военной и торговой артеріей юга имперіи, и другой, не менѣе важной артеріей, направляющейся къ сѣверу. Въ чертѣ ея, Токаидо называется тоже Оттори, а за чертою — Осію-Каидо; онъ оканчивается на сѣверной оконечности острова Ниппона, откуда перебѣгаютъ черезъ Лаверузовъ проливъ, если желаютъ попасть въ Хакодате, на островъ Иессо.

Не смотря на совершенно однообразный характеръ кварталовъ города, они не производятъ того скучнаго и чопорнаго впечатлѣнія, которое оставляетъ по себѣ видъ придворныхъ *іаски* и построекъ феодальнаго дворянства. Мыцанскіе дома, такъ же какъ и дворцы, не уклоняются отъ общепринятаго типа архитектуры; они обыкновенно выстроены изъ дерева, съ однимъ этажемъ наверху, обнесенымъ по большей части галлереею со стороны улицы, и покрыты низкими кровлями изъ черепицы, цвѣта аспидной доски, съ лѣбными украшеніями изъ гипса по обѣимъ сторонамъ крыши. Если рамка нѣсколько однообразна, то картины, содержащіяся въ ней, поражаютъ своею живостию предельно, неожиданностию и живостию.

Вотъ, наиримѣръ, при входѣ въ улицу Ниппонъ-Басси, передъ нами — цирюльная лавочка. Въ ней сидятъ два или три посѣтителя въ самомъ простомъ костюмѣ и совершаютъ свой утренній туалетъ. Услѣвшіе на скамеечкахъ, они съ важностию придерживаютъ лѣвою рукою лаковый подносочекъ, въ которой, послѣ каждаго взмаха бритвы или ножницъ, падаютъ обрѣзанные волосы. Съ своей стороны, артисты-кауферы, сивши съ себя все, что можетъ стѣснять ихъ движенія, пригибаются то налѣво, то направо отъ головы своего пациента и попеременно проводятъ по ней то рукою, то инструментомъ подобно тому, какъ это дѣлали древніе скульпторы, когда лѣпили каріатиды. Безполезно прибавлять, что подобное сопоставленіе само собою разрушается, когда кауферъ беретъ въ зубы длинный шелковой снурокъ и крѣпко стягиваетъ съ двухъ сторонъ колбасообразную косичку.

Въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія мы наткнемся на сапожную лавочку. Она вся усажена гвоздями, на которыхъ виситъ безчисленное множество соломенныхъ сандалій на соломенныхъ же завязкахъ. Хозяинъ лавки, неподвижно сидѣвшій на алтарѣ своихъ произведеній, напоминаетъ тѣхъ туземныхъ идоловъ, которыми выиграннымъ и примѣривающъ товаръ, обмѣниваютъ дружескими привѣтствіями съ хозяиномъ и, не тревожа его неподвижности, кладутъ къ ногамъ его условленную плату. Я замѣтилъ, что здѣсь счеты производятся посредствомъ цени, небольшихъ желѣзныхъ монетъ, которыхъ сотня составляетъ темную мѣдную монету, равняющуюся пятидесяти саптамъ. Цени выѣзютъ посрединѣ квадратное отверстіе, ихъ называютъ на снурокъ и привязываютъ къ поясу.

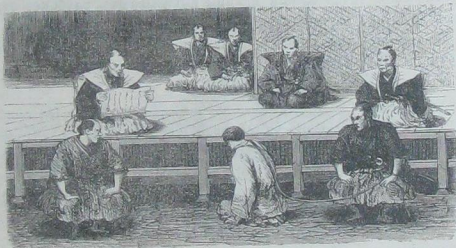
За сапожникомъ мы перейдемъ къ честному промышленнику, который, по моимъ собраніямъ, точно также обреченъ судьбою получать за свой товаръ желѣзную монету. Это одинъ изъ мелочныхъ

торговцевъ съѣдобными морскими травами, которыя, подъ китайскимъ именемъ *тани* и подъ англійскимъ *севедъ* (seaweed), составляютъ одинъ изъ главныхъ предметовъ торговли Японіи съ Китаемъ. На мѣстѣ ихъ покупаютъ только однѣ японскія хозяйки. Морская капуста эта встрѣчается огром-

Преступники.

ными плавающими массами во всѣхъ заливахъ островной имперіи. При спокойномъ состояніи моря она придаетъ блестящей лазури водъ свои богатія краски, состоящія въ пурпуровыхъ, золотистыхъ и оливковыхъ оттѣнкахъ. Рыбаки вытаскиваютъ ее изъ моря съ помощью багровъ, какъ огромную

Чтеніе обвинительнаго акта преступникамъ.

сѣть, пагружаютъ ею свои лодки и весьма тщательно чистятъ ее, старательно собираютъ съ нея раковины, которыхъ прилипаетъ къ ней великое множество. Когда грузъ вытасченъ на землю, его сушатъ на солнцѣ и отдѣляютъ два или три вида или сорта съѣдобныхъ водорослей, какія окажутся нало-

Одинъ изъ видовъ нител.

вленими въ теченіе дневнаго сбора. Потомъ ихъ складываютъ или въ тюки, перетянутые соломенными веревками, или въ небольшіе пакеты, завернутые въ бумагу: первые предназначаются для вывоза и продаются на вѣсъ судохозяевамъ джонокъ, а вторые облачаются пошлюпою, по нѣскольку цѣнѣвъ за пакетъ и идутъ въ продажу на рынки, для народнаго продовольствія.

Можно сказать, что из морских продуктов ничто не пропадает даромъ въ Японіи; обыкновенный фукусъ, негодный для употребленія какъ овощи, и варехъ, выжимаемый морскими волнами на берегъ, даютъ студенистый сокъ, который легко получить посредствомъ развариванія. Японцы сумагъ его плитками и, подъ именемъ *нури*, употребляютъ на разныя домашнія потребности. Въ Иедо раковины расходятся въ огромномъ количествѣ. Торговцы наполняютъ ими свои кадки и не прежде пускаютъ товаръ въ продажу, какъ вымѣшавши и перетрясавъ его хорошенько бамбуковыми палками. Для успѣшнаго вымѣшиванія раковинъ необходимо, чтобы человѣкъ всталъ на кадку, разставилъ ноги и держалъ въ рукахъ двѣ діагонально скрещенныя палки такимъ образомъ, чтобы правая рука его могла сообщать полукруглое вращеніе раковинамъ, находящимся на лѣвой сторонѣ, а лѣвая тѣмъ, которыя находятся на правой.

Морскія пиявки и всякаго рода мелкія моллюски, трепанги, голотурія и весь классъ лучистыхъ поступаютъ въ продажу въ совершенно сухомъ видѣ. Ихъ ѣдятъ варенныя и большею частью разрыванныя на мелкіе куски вмѣстѣ съ рисомъ.

Есть особый родъ тонкой, длинной и небольшой рыбы, которую ѣдятъ безъ всякаго другаго приготовленія, кромѣ высушиванія на солнцѣ.

Устрицы многочисленны; онѣ мясисты и грубы на вкусъ. Японцы раскрываютъ ихъ не иначе, какъ разбивая верхнюю створку камнемъ.

Урага снабжаетъ всю имперію сухими устрицами, принадлежащими къ обширному виду авабисовъ, которыхъ раковины покрыты перламутромъ.

Говорятъ, что право производить торговлю этимъ товаромъ составляетъ регалію тайкуна.

Хотя съ эстетической точки зрѣнія японцы выказываютъ глубокое отвращеніе къ моллюскамъ, что подтверждаютъ даже ихъ карикатурные листки, однако нѣсколько имъ не пренебрегаютъ, когда тѣ являются въ хорошо приготовленномъ зажаренномъ видѣ. аккуратно разложенныя на травахъ или на цѣтной бумагѣ. Я замѣтилъ, что лавки, специально устроенныя для продажи жареной рыбы, пользуются особымъ расположеніемъ публики.

Передъ магазиномъ торговца разными сѣменами, гдѣ нѣсколько дамъ занимались дѣланіемъ коробокъ, промелькнула поставщица рыбы. Остановившись передъ ними, онѣ ловкимъ взмахомъ крючка вытащили изъ своей корзины безобразнѣйшую медузу. Тотчасъ дамы закрылись до самыхъ глазъ широкими рукавами своихъ кимоно, что у красавицъ имперіи Восходящаго Солнца считается знакомъ стыдливости. Воздавши эту дань своему справедливому отвращенію, онѣ, смѣясь, позвали хозяйку, который купилъ молоску.

Выставка въ сѣмьинныхъ магазинахъ Иедо представляетъ живой интересъ. Огромное количество выставленныхъ продуктовъ, ихъ безконечное разнообразіе, варианты ихъ цвѣтовъ и формъ, необыкновенное искусство, съ которымъ они разставлены на этажеркахъ, все содѣйствуетъ къ тому, чтобы съ перваго взгляда привлечь вниманіе, но вскорѣ удивленіе и восхищеніе смѣняется любопытствомъ, когда вы видите, что на каждомъ пакетѣ, завернутомъ въ бумагу, на каждомъ мѣшечкѣ, готовящемся къ продажѣ, приложено изображеніе красками самого растенія, отъ котораго происходятъ зерна. Рисунокъ исполненъ съ такимъ совершенствомъ, что можно подумать, что онъ вырванъ изъ какого нибудь превосходнаго альбома, гдѣ представляется японская флора, а между тѣмъ, тутъ же по близости находится и самъ художникъ съ своей мастерской: это какай нибудь молодой работорница, состоящая при магазинѣ, которая лежитъ, растаявшій на рогожахъ, заваленныхъ цвѣтами и бумагою, и рисуетъ съ изумительною быстротою, не смотря на странное положеніе тѣла.

По мѣрѣ нашего приближенія къ центральному мосту, толпа все болѣе и болѣе возрастаетъ и лавки, съ обѣихъ сторонъ улицы, замѣняются ресторанами, пирожными съ просыянными печеньями и палатками съ распродажей чаю и горячаго саки (пиво изъ сарачинскаго пшена).

Теперь мы находимся неподалеку отъ главнаго рыбнаго рынка. Весь каналь возлѣ него запруженъ рыбачьими лодками. Здѣсь выгружаютъ изъ судовъ добычу, наполненную въ морѣ и въ рѣкахъ, рыбъ, идущихъ съ полными морскими теченіемъ и съ экваторіальнымъ, черепашъ и ракушекъ изъ Ниппонскаго залива, уродливыхъ улитокъ и фантастическихъ ракообразныхъ животныхъ. Зибольдъ насчиталъ на этомъ самомъ мѣстѣ до шестидесяти двухъ различныхъ породъ рыбъ, краббровъ, моллюсковъ и до двадцати шести сортовъ ракушекъ и раковинъ.

Рыбныя лавки, устроенныя у самой гавани, осаждаются поставщиками съѣстныхъ припасовъ, которые приходятъ сюда для закупокъ. Среди этой волнующейся толпы могучія руки берутъ корзины, наполненныя рыбою и сваливаютъ ихъ въ лакированныя коробки или ящики кузиевъ. По временамъ

тогда разступается, чтобы дать дорогу двумъ куліямъ, несущимъ на длинныхъ бамбуковыхъ палкахъ, привязанныхъ къ нимъ веревками, или морскую свинью, или дельфина, или акулу. Ило ил вывариваютъ мясо этихъ животныхъ, а китовый жиръ они обыкновенно солитъ.

Тѣлесное наказаніе въ присутствіи губернатора и тюремнаго лекаря.

На окраинахъ Ниппонъ-Басси насъ поражаютъ группы торговцовъ, продающихъ мясо акулъ и китовъ, оптомъ и по мелочамъ. Фигура и жесты этихъ субъектовъ, фантастическій нарядъ, огромный ножъ, которымъ они рѣжутъ мясо морскихъ чудовищъ, все, повидимому, зываетъ, что для насъ

Отсѣченіе приговоренный къ расятію.

шенія этого обширнаго города потребны громадныя человѣческія силы, и не менѣ громадныя источники съѣстныхъ припасовъ.

На южной оконечности Ниппонъ-Басси находится возвышеніе, окруженное колоннами, на которомъ

Отсѣченіе головы.

наклеены афиши, написанныя на деревянныхъ бѣлыхъ дощечкахъ, а немного далѣ стоитъ на гранитной платформѣ высокій павильонъ, съ вывѣшанными на немъ печатными объявленіями. Это мѣсто, называемое *Кукузатсу*, предназначено для вывѣшиванія старыхъ законовъ, имѣющихъ еще силу, а также для обнародованія дневныхъ приказовъ японской полиціи.

По сосѣдству находятся кордегардіи якуиницевъ и постъ пожарной команды. У крыльца магазиновъ и на тротуарахъ, въ известномъ разстояніи другъ отъ друга, стоятъ ведра и кадки, наполненные водою; послѣднія составлены въ формѣ пирамидъ. Эти мѣры предосторожности соблюдаются во всѣхъ населенныхъ улицахъ Іеддо и вообще во всѣхъ японскихъ городахъ. Такіе же резервуары съ водою находятся на галереяхъ верхнихъ этажей и на самыхъ кровляхъ домовъ. Длинные и крѣпкіе лѣстницы постоянно приставлены къ деревяннымъ зданіямъ въ родѣ храмовъ и пагодъ. Амбары, въ которыхъ помѣщаются склады товаровъ, извѣстнае на коммерческомъ языкѣ крайняго востока подѣ именемъ годоунъ, считаются, какъ слышно, совершенно безопасными отъ пожара. Ихъ строить въ большемъ числѣ и по возможности, стараются размѣстить въ тѣхъ частяхъ города, которыя застроены деревянными домами, съ цѣлю воспрепятствовать распространенію пожара; это высокія квадратныя зданія, построенныя изъ камня и битой глины, покрытыя снаружы толстымъ слоемъ извести и запертыя желѣзными дверями или такими же ставнями. Обыкновенно на всѣхъ четырехъ стѣнахъ этихъ зданій биваются толстые крыши, на которые, въ случаѣ крайней опасности, навѣшиваются цановки или толстыя холсты, весь пропитанный водою.

Само собою разумѣется, что годоуны, лѣстницы и кадки съ водою не могутъ придать красоты столичному городу; въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ подробностяхъ японской жизни прекрасное приписится въ жертву полезному.

ГЛАВА XXIX.

ЯПОНСКІЕ МЕДИКИ.

Обыкновенная пища японцевъ. — Злоупотребленіе горячими напитками. — Гигіена. — Болѣзни. — Доктора придворные и частные. — Содержаніе ихъ. — Первая аптека и первая больница. — Вліаніе европейцевъ.

Лѣтомъ около полудня улицы Іеддо пустѣютъ, берега каналовъ загромождаются пустыми судами, причащенными къ рифамъ, обнаженнымъ во время отлива; ни малѣйшаго звука или шума не слышно въ большомъ городѣ. Если и встрѣчается кое-гдѣ путешественникъ или странникъ, поспѣшующій къ своей полуденной стоянкѣ, то онъ идетъ молча, съ опущенною головою и полузакрытыми глазами отъ усталости пройденнаго пути. Между тѣмъ яркій солнечный свѣтъ лѣнью обрисовываетъ контуры густыхъ тѣней, падающихъ съ широкихъ крышъ на каменные плиты тротуаровъ, или отбрасываемыхъ столбными деревьями на дорожки священныя роицъ и на зеленой дернъ, украшающій мѣста для прогулокъ.

Люди, работающіе на улицахъ и на каналахъ, разбредаютъ по тротуарамъ или по домамъ, чтобы пообѣдать и потомъ отдохнуть.

Переходя изъ улицы въ улицу и стараясь идти по тѣнистой сторонѣ тротуаровъ, нашимъ глазамъ представляется, худо скрываемая полураздвинутыми ставнями домовъ японской буржуазіи, картина ихъ семейнаго бѣга, представляющая живописную группу мужчинъ, женщинъ и дѣтей, собравшихся вокругъ своей скромной трапезы.

Скатерть изъ плетеной соломы накладывается на цановки пола; въ центрѣ помѣщается большая чаша изъ лакированного дерева, заключающая въ себѣ рисъ, составляющій главную пищу всѣхъ сословій японскаго общества. Лучшій способъ приготовленія риса состоитъ въ томъ, что его насыпаютъ въ небольшой деревянный боченокъ и опускаютъ на нѣсколько времени въ кипятокъ. Каждый участвующій въ обѣдѣ беретъ изъ общей чаши свою порцію, накладываетъ ее верхомъ въ фарфоровую чашку и безъ риса, поднося его ко рту безъ помощи деревянныхъ палочекъ, заминаящихъ вилки и входящихъ въ дѣло только при послѣднихъ глоткахъ, или когда хотятъ прибавить къ этой растительной пищѣ нѣсколько кусочковъ рыбы, крабба или дичи, которые стоятъ тутъ же на лаковыхъ подносахъ, предназначенныхъ для продуктовъ растительнаго царства.

Эти кушанья приправляют морскою солью, индйским перцем и соей, соусомъ весьма острымъ на вкусъ, который добываютъ изъ черныхъ бобовъ, подвергая ихъ броженію. Къ этому списку кушаньевъ японскаго мѣшанскаго обѣда, нужно еще прибавить свѣжія или лежавшія яйца въ жидкомъ и твердомъ видѣ, вареные овощи, какъ, напр., рѣпа, морковь, сладкія земляныя груши, винегретъ изъ молодыхъ отрискосовъ бамбука и салатъ изъ луковичъ лотоса. Чай и саки — непременная принадлежность всякаго обѣда; ихъ обыкновенно пьютъ горячими и не прибавляя ничего, даже сахара.

Чайники съ этими напитками ставятъ на небольшую жаровню, въ формѣ ящика, въ родѣ тѣхъ, которые употребляются для табаку, угольевъ, трубокъ и другихъ принадлежностей куренья.

Когда мнѣ случалось наблюдать японцевъ, употреблявшихъ въ дѣло множество чашечекъ, блюдецъ, ящичковъ, лаковыхъ подносковъ, вазочекъ, фарфоровыхъ флакончиковъ, чайниковъ изъ пористой глины, и любоваться граціозными движеніями ихъ рукъ, большею частью весьма тонкихъ и нѣжныхъ, мнѣ всегда приходило въ голову, что я нахожусь въ обществѣ большихъ дѣтей, играющихъ въ маленькое хозяйство и употребляющихъ пищу болѣе для забавы, чѣмъ для утоленія аппетита.

Болѣзни, происходящія отъ невоздержанія въ пищѣ, имъ совершенно неизвѣстны; но чрезмѣрное употребленіе національных напитковъ часто ведетъ за собою значительное расстройство здоровья. Мнѣ не разъ приходилось видѣть случаи горячекъ (*delirium tremens*).

Опустошенія, производимыя диссентеріею и холерою въ нѣкоторыхъ частяхъ Японіи и, между прочимъ, въ Іеддо, не удивятъ живущаго тамъ европейца, который часто могъ замѣтить, съ какою безразсудною жадностью дѣти и взрослые низшаго сословія набрасывались на недозрѣвшіе плоды, дыни, лимоны, памелусы и пр. Къ тому же въ Японіи очень немногіе дома пользуются вполне здоровою водою; туземцы обыкновенно употребляютъ воду изъ цистернъ, даже въ Іеддо, не смотря на то, что, при обилии ключей, легко было бы устроить во всѣхъ кварталахъ города бьющіе фонтаны. Впрочемъ, неудобства такого порядка вещей отчасти устраняются тѣмъ, что туземцы во всякое время года имѣютъ обыкновеніе пить теплое.

У японскихъ народовъ гигиена ограничивается теплыми ваннами, въ которыя они садятся каждый день. Эта вложенная чистоплотность и здоровый климатъ, также какъ воздержаніе въ пищѣ, должны бы сдѣлать изъ Японцевъ одинъ изъ самыхъ здоровыхъ и самыхъ сильныхъ народовъ въ мірѣ; между тѣмъ немного найдется народовъ, которые бы страдали въ такой степени, какъ японцы, разнаго рода болѣзнями кожи и другими хроническими неизлечимыми недугами, и, конечно, причину этого печальнаго феномена нельзя отыскивать въ естественныхъ условіяхъ существованія націи. Напротивъ, все заставляетъ думать, что для открытія причины нѣтъ надобности спускаться въ глубь исторіи: начало ея относится къ той эпохѣ, когда японское правительство разрѣшило основать одно беззавѣтное учрежденіе и стало оказывать покровительство его дальнѣйшему развитію. Пагубный послѣдствій этого, внося порчу въ среду семейства, подрывали естественную основу всего общественнаго зданія.

Въ Японіи, и въ особенности въ Іеддо, существуетъ много множество докторовъ. Придворные врачи тайкуна принадлежатъ къ сословію гаттаматосовъ, носятъ двѣ сабли, брѣютъ голову и занимаютъ болѣе или менѣе высокой рангъ, сообразно которому ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи чиновниковъ. Къ первой, весьма незначительной числомъ, относятся доктора, состоящіе при дворѣ тайкуна. Они не занимаются практикою внѣ дворца. Вознагражденіе, которое они получаютъ, какъ плату за услуги, такъ и деньгами, простирается, среднимъ числомъ, отъ пятидесяти до двадцати тысячъ франковъ въ годъ. Вторую категорію составляютъ врачи, состоящіе при арміи въ военное время. Они получаютъ жалованье, не превосходящее десяти тысячъ франковъ, и когда не состоятъ на службѣ, то пользуются только своихъ знакомыхъ.

Тѣ и другіе опредѣляются на службу тайкуномъ или его правительствомъ.

Члены медицинскій корпорации, которые не состоятъ ни на гражданской, ни на военной службѣ, т. е. собственно такъ называемые практики или врачи третьяго разряда, все выходятъ изъ среды мѣшанства. Большая часть изъ нихъ нѣкоторое время посѣщала университеты Кіото и Іеддо, но есть и такіе, которые принадлежатъ къ семейству врачей, издавна практикующихъ, и совѣтъ не получали уроковъ внѣ родительскаго дома.

Такъ какъ въ Японіи не требуется экзамена на право заниматься медицинскою практикою, то всякій желающій можетъ сдѣлаться докторомъ и лечить по той методѣ, которая ему больше нравится.

один придерживается рутинной туземной докторов-эмпириков; другой пользуется своих пациентов по правилам китайской медицинской науки; третий выдает себя за приверженца голландской медицины, но на самом деле ни у кого из них нет ни методы, ни системы. Образование, даваемое в университете Японии, в высшей степени поверхностно; иначе быть не может в стране, где студенты не обладают предварительными сведениями. Этот недостаток, по всей вероятности, может быть устранен только после продолжительного сообщения с европейцами. Японская публика, во всяком случае, пока не требует реформы в этом отношении; она заботится только о том, чтобы издать как можно больше докторов и желает быть менее скорбна по трем методам выдать, чем по одной рациональной, если только такая имеется. Вообще она требует, чтобы служители науки были ее служителями, относились снисходительно к больным и не противоречили бы их желаниям, и, кроме того, старались бы о поддержании доверия, коим пользуется их профессия. Это последнее требование обязывает медиков к соблюдению известных форм, отличающих их от остального общества и придающих им особое значение в глазах японцев.

Практикующего доктора в Японии можно узнать по строгости его одежды, по методичности его похода и по некоторым особенностям туалета, которая эти важные особы позволяют себе варьировать по воле собственной фантазии. Мне случалось видеть некоторых из них с обритого голову, как у бонзы или у придворного врача, тогда как они принадлежали к третьему разряду врачей; другие носили длинные волосы, уложенные на затылке, третьи — длинную бороду. Так как японское происхождение не позволяет им носить на левом боку двух сабель, то они стараются вознаградить себя за это, прича саблю в складках пояса; но эта сабля так мала, что можно только догадываться об ее присутствии сквозь крепь и бархат, которые ее покрывают. Некоторые представители медицинского сословия отличаются еще тем, что стараются никогда не показываться в публике без сопровождения кокеиса, несущего в руках их фулэри и медикаменты.

Таким-то образом медики, даже третьего разряда, успевают приобрести всеобщее уважение и получить известный вес в обществе. Я слышал даже, что когда их приглашают в аристократические дома, то там им преимущественно платят эгою монетою, а не иебу. В Японии весьма и весьма, что большинством докторов едва имеют средства жить собственными домою, не исключая даже тех, которые имеют обширную практику. В самом деле, жизненные условия большинства японской буржуазии таковы, что после удовлетворения необходимых нужд, как-то: потребностей домашнего хозяйства, стола, театров, бань, праздничных годовых торжеств, плата бонзам и разные увеселительные прогулки, на долю доктора приходится самая незначительная часть.

Доктор, как истинный философ, мирится с своим положением, и в чести его нужно признать, что эта самоотверженность с его стороны совершенно безорыстна. Она часто сопровождается страстью к научным исследованиям и стремлением к изучению природы; все это могло бы повести к замечательным результатам, если бы имело более твердые основания, а именно: если бы доктор обладали достаточными предварительными сведениями. Во всяком случае, эти качества делают сословие медиков в Японии одним из самых могущественных двигателей цивилизации.

Корпорация медиков принадлежит к числу профессий художников и ремесленников, пользующихся в Японии официальной санкцией и известными привилегиями. Она поставлена духовным императором под покровительство одного святого, по имени Якудэ. Все заставляет думать, что возникновение ее относится ко времени глубокой древности. Из императорских летописей Киото видно, что первая аптека в Японии была основана в 730 году; в 808 медицинская наука обогатилась составлением сборника рецептов, изданного в ста томах доктором Фиро-Садою, а в 825 была основана первая больница в Японии.

Не смотря на то, Япония в продолжение долгого времени находилась в зависимости от Китая как в отношении медицинских, так и других отраслей человеческих знаний. Небесная империя поставляла японцам сошения по анатомии, ботанике и фармакологии, точно также профессоры практических врачей и совершенно приготовленные медикаменты для излечения всевозможных болезней.

Во второй половине одиннадцатого столетия, китайский купец Вангманг приобрел себе большое состояние, продавая в Японии привезенные им лекарства и популяризуя. Другие шарлатаны не довольствовались приобретенными научными сведениями, прибегали к помощи магии. Еще в настоящее время, последователи их носят по городам и деревням киримоны, испещренные капи-

истическими знаками, увѣряя, что если надѣть эту одежду при соблюденіи извѣстныхъ обрядовъ и въ извѣстное время, то она мгновенно вылечитъ больного, хотя бы онъ лежалъ при смерти. Монахи съ своей стороны знаютъ молитвы и заклинанія противъ кровотеченія, врачуютъ раны и обжоги, изгоняютъ насѣкомыхъ и заговариваютъ порчу, наущенную на людей или животныхъ.

Два великія событія, совершившіяся одно въ началѣ, другое въ концѣ семнадцатаго столѣтія, не позволили предрасудкамъ буддизма между японцами погубить окончательно ученыхъ трудовъ медицинскаго сословія. Первымъ изъ этихъ событій было прибытіе голландцевъ, которые получили свободный доступъ въ Японию и основали свою факторію въ Фирато, подъ руководствомъ главнаго

Церузия.

директора Фанъ Спекса въ 1609 году, а вторымъ — основаніе университета въ Еддо, который былъ открытъ въ царствованіе тридцати шестаго сёгуна, Цуна-Иоси, четвертаго изъ династіи Гіа-йса, въ первый годъ пребыванія въ Японіи Кемпфера въ 1690 года.

Тунбергъ рассказываетъ, что въ половинѣ слѣдующаго столѣтія, находясь въ Еддо при двухъ-годовичномъ посольствѣ главнаго директора голландской факторіи въ Дежимъ, онъ получилъ отъ сёгуна разрѣшеніе имѣть свиданіе съ пятью медиками и двумя придворными астрономами. Онъ долго бесѣдовалъ съ ними и имѣлъ случай убѣдиться, въ особенности изъ разговоровъ съ медиками, что они почерпнули различныя свѣдѣнія въ естественныхъ наукахъ, физикѣ, медицинѣ и хирургіи не

только из источников китайской литературы, но и из голландских сочинений по этому предмету.

Послѣ доктора Децимской факторіи, будучи уполномочены заниматься съ японцами, соперничали другъ передъ другомъ въ горячемъ рвеніи, съ которыми они старались познакомить этихъ послѣднихъ съ западными науками.

Заболѣвъ имѣлъ постоянную открытую школу въ своей прелестной резиденціи въ долинѣ Нарутаки, близъ Нагасаки. Когда я посѣтилъ ее весною 1863 года, онъ уже уѣхалъ въ Европу, но въ обширной заѣздъ его богатой бібліотеки, и все таки засталъ двухъ японскихъ студентовъ; другіе занимались работами въ его ботаническомъ саду.

За нѣсколько мѣсяцевъ до этого, когда я проѣзжалъ въ Батавію, докторъ Моникъ разсказывалъ мнѣ трагикомическую, по увѣнчавшуюся успѣхомъ, эпопею борьбы, которую ему пришлось выдерживать, намереваясь ввести въ Японію оспопрививаніе.

Въ Децимѣ, докторъ Бодуэнъ повѣствоваль мнѣ о томъ, какъ ему пришлось бороться съ духовными и гражданскими властями, когда онъ старался доказывать необходимость замѣнить или дополнить употребленіе манекеновъ и людей, въ медицинскихъ школахъ Киото и Іеддо, изученіями въ клиникѣ и въ анатомическихъ театрахъ.

Предшественнику его, доктору Помпу фанъ-Мердервоорту, принадлежить честь одной, изъ самыхъ рѣшительныхъ побѣдъ, одержанныхъ наукою надъ предрассудками крайняго Востока. Девятаго сентября 1859 г., докторъ, имѣя въ рукахъ уполномочивающій листъ отъ тайкуна, собралъ въ восемь часовъ утра на мысъ бухты въ Нагасаки сорокъ пять докторовъ-туземцевъ и одну повивальную бабку. Онъ разложилъ передъ ними трупъ убійцы и произвелъ надъ нимъ полное анатомическое разсѣченіе, давши присутствующимъ урокъ практической и теоретической анатоміи, продолжавшійся до захожденія солнца. Это не прошло однако безъ нѣкотораго волненія въ народѣ, которое, впрочемъ, было мгновенно успокоено слѣдующимъ объявленіемъ губернатора: «Принимая въ соображеніе, что трупъ убійцы принесъ пользу медицинскимъ наукѣ и общественному благу, правительство не замедлитъ сдѣлать распоряженіе, чтобы въ теченіе двадцати четырехъ часовъ останки казеннаго были съ честью погребены, при содѣйствіи японскаго духовенства.

Тотъ же докторъ Помпъ склонилъ тайкуна на постройку въ Нагасаки, на счетъ городскихъ суммъ, госпиталя въ 124 кровати, въ который могли бы поступать безразлично больные всѣхъ сословій. Это превосходное учрежденіе, переданное тайкуномъ подъ главное вѣдомство лица, подававшего мысль объ его устройствѣ, было основано 20-го сентября 1861 года. Въ первый же годъ въ госпиталь поступило не менѣе ста тридцати больныхъ обоого пола, и не менѣе пятидесяти студентовъ, прошедшихъ полный курсъ клиники по методу директора. Еслибъ сужденія цивилизованныхъ народовъ не были извращены тѣмъ способомъ, по которому они изучаютъ исторію; еслибъ они поняли, что наука имѣетъ своихъ героевъ, точно такъ же какъ и война, то можетъ быть съ чувствомъ благоговѣнія отнеслись бы они къ мирнымъ побѣдамъ, совершеннымъ во имя общаго блага въ Японской имперіи, докторами децимской факторіи, со времени Кемпфера до нашихъ дней.

Докторъ Помпъ фанъ-Мердервоортъ служилъ своему искусству, какъ истинный миссіонеръ, изъ любви къ человѣчеству во все пятилѣтнее пребываніе свое въ Нагасаки, отъ 1857 до 1863 года. Этотъ періодъ времени былъ ознаменованъ двумя свирѣпствовавшими холерными эпидеміями, сильнѣйшимъ припадкомъ которыхъ подвергся и самъ докторъ. Число туземцевъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей которыхъ онъ лечилъ въ теченіе этого пятилѣтія, достигаетъ цифры тринадцати тысячъ шести сотъ человѣкъ, не считая госпитальныхъ больныхъ, леченіемъ которыхъ онъ тоже завѣдывалъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ поселился въ Нагасаки и до послѣдняго дня его отъѣзда, его постоянно окружали ученики медицинской науки, не менѣе сорока и пятидесяти человѣкъ, слѣзавшихся къ нему изъ разныхъ провинцій имперіи. Передавъ свое дѣло въ руки достойнаго преемника, доктора Бодуэна, онъ возвратился въ Гагу, гдѣ издалъ въ свѣтъ результаты своихъ наблюденій и работъ, въ превосходномъ сочиненіи, обогатившемъ двумя томами, съ чрезвычайно интересными описаніями, литературу оригинальныхъ произведеній по Японіи.

ГЛАВА XXX.

ШКОЛА КОНФУЦИЯ, ВЪ ЕДДО.

Раздѣльность сословій. — Значеніе религіи въ дѣлѣ образованія. — Различіе между языками китайскимъ и японскимъ. — Японскіе письма. — Отсутствие критической литературы. — Сказки.

Высшія школы, составляющія университетъ Еддо, — быть можетъ, единственное мѣсто, гдѣ сѣмья японскаго дворянства ежедневно встрѣчаются и живутъ вмѣстѣ съ молодежью буржуазнаго класса.

Тѣмъ не менѣе, раздѣльность сословій существуетъ между ними во всей своей строгости.

Точно также различаются они по предмету изученія, его цѣли и назначенію. Университетскій курсъ даетъ молодымъ дворянамъ лишь поверхностное классическое образованіе, основанное на сочиненіяхъ китайскихъ философовъ, между тѣмъ какъ воспитанники, принадлежащіе къ буржуазіи, готовятся къ занятію специальныхъ должностей, какъ, напримеръ — преподавателей языковъ, медика, переводчика, секретаря и инженера — въ правительственной службѣ.

Продажа соломенной обуви.

Японскій университетъ не только считаетъ Конфуція своимъ патрономъ, но и самъ оказываетъ покровительство ученіямъ китайскаго философа и распространяетъ ихъ между образованными классами японскаго общества. Эта пропаганда не имѣетъ въ себѣ ничего враждебнаго противъ господствующей религіи; она не затрогиваетъ формы учрежденій, н. э., такъ сказать, вынимаетъ душу, составляющую силу этихъ учрежденій. Однажды я слышалъ слѣдующее замѣчаніе отъ одного изъ переводчиковъ въ Еддо: «воспитанники нашего университета ни во что болѣе не вѣруютъ». Разсказывали также объ одномъ придворномъ чиновникѣ, который, на дипломатическомъ обѣдѣ, любезно объявлялъ, что порядочные люди въ Японіи нисколько не отличаются, въ своихъ религіозныхъ понятіяхъ, отъ насъ, европейцевъ.

Духовенство, сознавая, что ему не грозитъ опасность въ его свѣтскомъ положеніи, держится откровенно дружелюбно къ ученымъ и литераторамъ. Бонзы, менѣе тѣмъ кто нибудь, расположены подкапывать подъ популярность, которую пользуется Конфуцій въ Японіи; его вездѣ почитаютъ под именемъ Коо-си. Не смотря на то, онъ сдѣлался извѣстнымъ японцамъ только въ 285 году нашего лѣтосчисленія. Въ эту эпоху, Озипъ, шестнадцатый микадо, огорченный тѣмъ, что его

благія напѣренія разбиваются о невѣжество его подданныхъ, просилъ корейскаго короля Петзи (Paik-Tse) научить его, что нужно дѣлать для распространенія образованія между народомъ. Король къ нему прислалъ книжника Ванъ-Жина, который познакомилъ даяри съ сочиненіями великаго философа, распространившаго, между китайцами, цивилизацію и благосостояніе, которыми они пользовались больше шести столѣтій. Услуги, оказанныя ученымъ корейцемъ японской имперіи, были такъ высоко оценены, что, не смотря на иностранное происхожденіе Ванъ-Жина, онъ былъ причисленъ къ національнымъ камисамъ, наравнѣ съ основателями японской монархіи и героями или благодѣтелями этой имперіи.

Что касается вліянія, произведеннаго на японское общество сочиненіями Конфуція, то мнѣ кажется, что оно способствовало болѣе всего развитію въ Японіи не цивилизаціи, но учтивости, которую такъ гордятся японцы.

Въ самомъ дѣлѣ, прочное основаніе японской цивилизаціи положено въ героическія времена Цинму. Буддизмъ, проникшій въ Японію послѣ философіи Конфуція, уничтожилъ господство этой послѣдней въ массѣ народа, какъ всякая религія, обращающаяся къ совѣсти человѣка, вытѣсняетъ систему нравственности, основанную исключительно на требованіяхъ одного разума.

Намъ даже довольно трудно понять, какимъ образомъ въ Китаѣ, или въ Японіи могли дать такое важное значеніе самымъ простымъ правиламъ здраваго смысла, въ числѣ которыхъ встрѣчается множество изреченій, невольно напоминающихъ намъ аксіомы г. ла-Палисса.

Но если мы сообразимъ, что Конфуцій жилъ въ 551 году до Рождества Христова, среди народовъ, погруженныхъ въ глубокой мракъ невѣжества, то намъ станетъ понятно и доступно то благоговѣнное удивленіе, которое должна была возбудить его философія, основанная на чистомъ анализѣ, отвергающая все, что ускользаетъ отъ наблюденій чувствъ, недопускающая ни одного факта, который бы не имѣлъ за собою исторической санкціи.

Такимъ образомъ, Конфуцій подвергаетъ свѣту разума опыты многихъ пережитыхъ годовъ, подъ владычествомъ древнихъ династій, и выводитъ изъ него всѣ обязанности человѣка, живущаго въ обществѣ: обоюдныя обязанности подданныхъ и ихъ государя, отношенія отцовъ и дѣтей, мужей и женъ, отношенія друзей между собою, и, наконецъ, правила, не менѣе важныя въ глазахъ великаго учителя, касающіяся общаго соблюденія обыкновенныхъ условій вѣжливости и приличія.

Что касается до общихъ принциповъ, изъ которыхъ китайскій мудрецъ выводитъ свои нравственныя сентенціи, то ихъ довольно трудно изложить въ систематической формѣ.

По мнѣнію Конфуція, люди, по своей натурѣ, любятъ другъ друга, и только привычка и воспитаніе ихъ раздѣляютъ.

Самоусовершенствованіе есть основа всякаго нравственнаго развитія.

Чтобы достигнуть этого развитія, надобно слѣдовать ясному принципу разума, даруемаго намъ небомъ.

Этотъ разумъ учитъ насъ неуклонно слѣдовать по прямому пути, удаленному въ равной степени отъ обихъ крайностей.

Неизмѣнность соблюденія справедливой середины — вотъ правило или формула мудрости.

Самоусовершенствованіе, однакоже, есть только первая часть добродѣтели; вторая и важнѣйшая половина заключается въ совершенствованіи другихъ.

Верховное правило гуманности — дѣйствовать въ отношеніи другихъ такъ, какъ хотѣлось бы самому, чтобы дѣйствовали въ отношеніи меня.

Не всѣ общественныя условія въ одинаковой мѣрѣ способны развивать врожденные добрыя наклонности.

Тотъ, кто можетъ или способенъ преслѣдовать дѣло своего нравственнаго развитія и достигать этого, — отличается отъ остальной толпы, и Небо даетъ власть управлять и поучать народы.

Но, хотя государь получаетъ свою власть отъ Неба, лучшемъ гарантіею для сохраненія его множества служить поддержаніе къ нему любви его народа.

Наконецъ, люди вполнѣ совершенные имѣютъ способность не только управлять народами, но содѣйствовать дѣлу содержанія и развитія всего живущаго, и посредствомъ своихъ дѣлъ отождествляться съ небомъ и землей *).

Вотъ, на сколько можно судить, самые существенные принципы ученія Конфуція, и дѣйствительно, они были бы вполнѣ рациональны, если бы мы не смотрѣли на человѣка, какъ на существо разумъ-

*) Confucius et Mencius, traduits du chinois par M. G. Pauthiers. Paris, 1865.

нос. Но хотя человѣческому организму присущи любовь, сердечная жизнь съ ея безконечными стремленіями и таинственнымъ прозрѣніемъ вѣчности,—тѣмъ не менѣе мудрецъ, Небесной имперіи ошибся: его докторина недостаточна, въ ней только призракъ жизни, она замыкаетъ человѣка и государства въ томъ кругу, гдѣ человѣчеству нѣтъ ходу. Великія идеи исходятъ изъ сердца, пентузіамъ дѣлаетъ народъ великимъ. Дисциплинированный Конфуціемъ, Китай сдѣлался типомъ стоящаго на одной точкѣ народа. Японская нація избѣгла участи своихъ сосѣдей; но правительство ея, воспитанное въ принципахъ китайскаго философа, не могло стать въ уровень съ европейской цивилизаціей, и умѣло только отказаться отъ власти въ пользу своей древней національной теократіи.

Замѣчательно, что Конфууи всегда былъ ацодостодомъ однихъ аристократическихъ классовъ общества.

Рибные разношди.

Истинное нравственное величіе его заключается въ томъ, что въ самомъ разгарѣ идолопоклонства онъ стоитъ особнякомъ въ области разума, какъ въ вѣрности, и не обнаруживаетъ никогда ни малѣйшаго поползновенія выдавать себя за основателя новой религіи. Онъ даже старается именно защитить себя отъ упрековъ въ какомъ бы то ни было нововведеніи. Всѣ его предписанія ограничиваются наставленіемъ изучать старинные нравы и дѣйствовать по ихъ примѣрамъ. Поклоненіе, воздаваемое ему въ Китаѣ и въ Іеддо, въ университетскомъ храмѣ, составляетъ, собственно говоря, не обоготвореніе, но набожную почесть въ память великаго законодателя.

Къ сожалѣнію, надо сознаться, что набожное празднованіе его памяти перерождается въ свѣрное обожаніе къ словамъ учителя, что усиливается даже самою трудностью, какую представляетъ безплодное изученіе его твореній.

Въ Китаѣ, какъ и во всѣхъ странахъ, гдѣ преобладаетъ китайская классическая литература, ученый тѣмъ болѣе привязанъ къ философскимъ доктринамъ своего учителя или любимого писателя, чѣмъ болѣе ему стоило труда заучить на память его теорій.

Изученіе китайскаго языка составляетъ громадный трудъ даже для японца, потому что національный языкъ послѣдняго не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ китайскимъ. По мнѣнію г. Леона Роши (Rosny), *) японскій языкъ не подходитъ ни подъ одну изъ лингвистическихъ группъ, признаваемыхъ современной наукой. Скорѣе его можно назвать типомъ новой семьи языковъ, въ которой ему принадлежитъ первая роль. Это обстоятельство служитъ причиной того, что изученіе японскаго языка также трудно для европейца, какъ и для туземца.

Трудность изученія увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Японіи существуетъ множество мѣстныхъ нарѣчій. Многія изъ нихъ до сихъ поръ еще въ употребленіи: одно на сѣверѣ имперіи, въ Хокодате; другое—на югѣ, въ Нагасаки; третье—въ архипелагѣ острововъ Лиу-Киу. На большомъ островѣ Ниппонѣ, при дворѣ даири, сохраняется древнее яматское нарѣчіе, считаемое классическимъ языкомъ японцевъ. Также, въ торговыхъ городахъ, лежащихъ на берегу моря и въ самомъ Иеддо, этотъ языкъ употребляется въ администраціи, въ судопроизводствѣ и въ международныхъ сношеніяхъ. Мнѣ рассказывали, что миссіонеры, пріѣзжавшіе съ острововъ Лиу-Киу на островъ Ниппонъ, должны были снова начинать изученіе японскаго языка, чтобы быть въ состояніи объясняться на стодичномъ нарѣчьи. Резиденты, живущіе въ Йокогамѣ, усвоиваютъ это нарѣчіе на практикѣ, такъ что черезъ годъ или полтора могутъ объясняться словесно съ маклерами, членами таможенъ и съ туземными негодіантами. Но трудности письменнаго языка могли преодолѣть только весьма немногіе изъ европейцевъ, не болѣе шести или восьми человѣкъ, находившихся на службѣ при миссіяхъ или дипломатическихъ сношеніяхъ.

Форма первобытнаго японскаго письма теперь существуетъ только какъ археологическая рѣдкость. Она была замѣнена китайскими письмами, а эти, въ свою очередь, преобразились подъ кистью японцевъ въ самую неожиданную и оригинальную форму, какую только можно себѣ представить.

Извѣстно, что китайскій письменный языкъ состоитъ не изъ азбуки, но изъ идеографическихъ знаковъ, изъ коихъ каждый образуетъ слогъ, слово и воспроизводитъ цѣлое понятіе. Изъ этихъ многихъ тысячъ китайскихъ знаковъ, японцы выбрали сорокъ восемь, независимо отъ ихъ значенія, и взяли ихъ за основаніе новой графической системы, въ которой каждый знакъ представляетъ одинъ изъ основныхъ звуковъ японскаго языка. Всѣ эти сорокъ знаковъ или основныхъ звуковъ соединяются въ чetyрестисіи Ировы, которое уже было приведено нами въ переводѣ.

Такова сущность графической системы. Что касается ея формы, то нужно замѣтить, что японцы не удержали китайскіе знаки въ ихъ первоначальномъ видѣ, но составили изъ нихъ, при помощи разнаго рода сокращеній, нѣсколько различныхъ шрифтовъ, которые распадаются на двѣ главные категоріи.

Къ первой категоріи относятся шрифты, происходящіе отъ китайскихъ знаковъ прямыхъ и правильныхъ. Сюда принадлежатъ преимущественно *катакана*, родъ письма, употребляемаго въ высокомъ слогѣ и при печатаніи священныя книгъ, и *манѵкана*, которымъ были написаны старинный сборникъ стиховъ, извѣстный подъ именемъ «Собраніе Десяти Тысячъ Листовъ».

Типомъ второй категоріи служатъ *иракана* (или *фиракана*), который происходитъ отъ китайской скорописной системы, и, подобно этой послѣдней, весьма удобенъ для писанія курсивомъ. Какъ въ той, такъ и въ другой категоріи пишется сверху внизъ, вертикальными колоннами, слѣдующими отъ правой руки къ лѣвой.

Одинъ японскій артистъ характеризовалъ оба эти шрифта двумя аллегорическими рисунками. Первый изъ нихъ представляетъ доктора словесныхъ наукъ, на лицѣ и плечѣ котораго собраны всѣ главные знамѣна *катаканы* (высокаго слога); второй представляетъ нищаго, на которомъ воспроизведены всѣ главные штрихи *ираканы*, народнаго слога, принадлежащаго также легкой литературѣ, скорописи и женскому письму.

Вообще говоря, иеддскому студенту предстоитъ пройти весьма трудное поприще. Сначала онъ

*) Grammaire japonaise, par Léon de Rosny. 2 édit. 1865.

учится только гираканѣ; но для того, чтобы понимать серьезные произведенія національной литературы, онъ долженъ изучить также катакану; кроме того, ему необходимо приобрести довольно обширныя свѣдѣнія въ китайскомъ языкѣ, чтобы по крайней мѣрѣ читать бесѣды Конфуція и Мемѣуса.

Покончивъ съ этою частью воспитанія, ему остается только выказать его съ самой блестящей стороны въ придворномъ обществѣ и въ чиновничьемъ и артистическомъ мірѣ, посредствомъ строжайшаго соблюденія правилъ этикета и законовъ приличія. Подобно тому какъ въ Германіи эпитетъ (allerhöchst) неизбѣжно прибавляется къ слову «величество» во всемъ, что относится дѣйстви́те́льно государя, даже когда о немъ говорятъ послѣ его смерти (Seine allerhöchstselige Majestät), такъ и въ Японіи языкъ придворныхъ и чиновниковъ долженъ быть весь испещренъ почтительными частичками и добавленіями, которыя надо умѣть очень ловко вводить въ свою рѣчь, т. е. употреблять ксати, именно тамъ, гдѣ этого требуютъ постановленія строгаго этикета. Существовать особія слова, извѣстные обороты рѣчи, словомъ, дѣльный строй разговора, который употребляется только въ отношеніи къ высшимъ. Самое письмо имѣетъ свою іерархію: такъ называемый квадратный катакана, служащій прототипомъ, находится на вершинѣ этой лѣстницы, гдѣ господствуетъ слогъ, называемый «каишо»; за нимъ идетъ «гюшо», слогъ, употребляемый въ официальныхъ актахъ и документахъ, въ который уже входятъ знаки, заимствованные изъ гираканы; и, наконецъ, на послѣдней ступени лѣстницы, слогъ «дошо», въ которомъ куривныя формы знаковъ гираканы примѣняются къ обыкновеннымъ дѣламъ и частной перепискѣ, причемъ пишущему предоставляется полная свобода комбинировать подъ своею кистью самые разнообразные элементы письменнаго искусства.

Киото былъ нѣкогда единственнымъ центромъ литературной дѣятельности. Въ настоящее время эта древняя резиденція духовнаго императора сохраняетъ за собою монополію изданій миниатюрныхъ альбомовъ, придворныхъ альманаховъ, религиозныхъ книгъ, романовъ и стихотвореній, печатаемыхъ на веленовой бумагѣ, пересыпанной золотыми блестками; но іедскія типографіи имѣютъ перевѣсъ надъ нею въ отношеніи количества, популярности и огромнаго сбыта своихъ изданій. Столица обязана большею частью своихъ новыхъ литературныхъ произведеній кисти профессоровъ университетовъ или лучшимъ ученикамъ изъ школы переводчиковъ. Почти всѣ ихъ сочиненія носятъ на себѣ дидактическій характеръ, отличаются практическими стремленіями и имѣютъ въ виду утилитарную цѣль. Есть такія книги, которыя можно назвать специально учеными журналами, журналами открытій и изобрѣтеній, статистикою государствъ Европы и Сѣверной Америки, руководствомъ къ исторіи новаго времени, очерками современной географіи, лѣтописями естественныхъ наукъ, медицины, морскихъ наукъ, механики и военнаго искусства. Старинныя энциклопедіи, состоявшія изъ двухъ сотъ и болѣе томовъ, замѣнены чѣмъ-то въ родѣ «Dictionnaire de la Conversation», который издается ежегодно въ одномъ томѣ и съ множествомъ гравюръ на деревѣ. Впрочемъ, въ этомъ изданіи одинъ только этнографическій отдѣлъ представляетъ дѣйствительный интересъ. Все, что относится къ духовенству или учрежденіямъ имперіи, сводится къ сухой номенклатурѣ. Отдѣлы, посвященные описаніямъ иностранныхъ народовъ, страдаютъ недостаткомъ критической оцѣнки; одинъ изъ самыхъ категорическихъ отзывовъ сдѣланъ объ испанцахъ и португальцахъ, о которыхъ говорится просто, что «они придерживаются весьма дурной религіи».

Я не думаю, чтобы въ Японіи могли существовать книги, занимающіяся разборомъ религиозныхъ или философскихъ вопросовъ. Самая докторина Конфуція исключаетъ возможность полемики въ этомъ отношеніи, потому что если люди отъ природы существа добрыя, и если нѣкоторымъ изъ нихъ удалось во времена отдаленной древности достичь совершенства, то значить не о чѣмъ разсуждать; способы къ усовершенствованію становятся бессмыслицей и прогрессъ состоитъ въ томъ, чтобы вернуться назадъ, къ эпохѣ тѣхъ древнихъ императоровъ, которые, по словамъ китайскаго философа, сообщили человѣчеству, однажды навсегда, окончательный и самый совершенный типъ.

Наконецъ, надо признать, что время произносить окончательное сужденіе объ японской литературѣ еще не наступило. Тѣ изъ европейскихъ ученыхъ, которые въ состояніи дать намъ о ней понятіе, должны прибѣгать прежде всего къ самому свѣдѣнному дѣлу, а именно—къ переводамъ полезныхъ книгъ и сочиненій, изъ которыхъ можно извлечь немедленно матеріалы для нашей промышленности, таковы, напр., превосходныя сочиненія о выдѣлкѣ фарфора какъ въ Японіи, такъ и въ Китаѣ, изданныя въ 1848 году старинными докторами Г. Гофмана, г. Матте Бонафуса и г. Станислава Юліана.

Что касается до чисто-литературныхъ произведеній японскихъ писателей, то мы обладаемъ весьма

немногими ихъ образцами, и притомъ выборъ переводчиковъ былъ не совсѣмъ удаченъ. Вѣроятно болѣе тщательныя изслѣдованія дадутъ лучшіе результаты, но, во всякомъ случаѣ, они тогда только будутъ имѣть значеніе, когда намъ удастся проникнуть въ самые сокровенные изгибы жизни буржуазіи, завладѣть репертурами ея театральныхъ пьесъ, ея легендами и сказками, исторіею ея семейныхъ тайнъ и смысломъ ея праздничныхъ пѣсень.

Въ Японіи, простонародіе страстно, какъ дѣти, любить, чтобъ ему рассказывали сказки. Въ часъ, когда оканчиваются работы ремесленниковъ и прекращается перевозка товаровъ, на перекресткахъ улицъ и по сѣдству дровяныхъ дворовъ появляются кучи мужчинъ и женщинъ, становящихся полукругомъ передъ раскаишомъ, который обыкновенно стоитъ прислонившись къ выдающейся астради какой нибудь стѣны. Онъ говоритъ съ большимъ одушевленіемъ, но весьма умѣренно употребляя жесты. Иногда онъ прерываетъ свои рассказы, чтобъ выпить чашку чаю или затануться нѣсколько разъ изъ маленькой металлической трубки, потому что при немъ всегда находятся бразеро, самоваръ и табакко-бонъ, составляющіе необходимыя принадлежности японскаго общества. Въ это время слушатели курятъ, смѣются и толкуютъ между собою о его послѣднемъ рассказѣ до тѣхъ поръ, пока ораторъ, почтительно поклонившись и обратившись къ публикѣ съ какою нибудь любезностью, не возобновитъ прерванную нить рассказа или не начнетъ новаго.

Подъ верандами чайныхъ домовъ и на особыхъ скамьяхъ, расположенныхъ въ базарныхъ проходахъ часто встрѣчаются женщины, поющія романсы или національныя легенды. Когда поющая одна, то она становится за маленький пюпитръ, на которомъ раскладываетъ свои легенды и, поетъ ихъ речитативомъ, сопровождая его звуками особенной гитары, называемой *самсеномъ*. Это инструментъ о трехъ струнахъ, не совсѣмъ гармоническій, на которомъ играютъ, ударяя по струнамъ палочкою изъ слоновой кости.

Болѣе извѣстныя пѣвицы являются въ общество не иначе, какъ въ сопровожденіи двухъ или трехъ музыкантовъ, и сами уже ни на чемъ не играютъ. Оркестръ, аккомпанирующій различныя пѣски ихъ репертуара, какъ-то: романсы и декламацию, состоитъ обыкновенно изъ одной или двухъ гитаръ и изъ рода виолончели, называемой *юкю* или *бива* смотря по тому, сопровождается ли игра на ней ударами смычка или нѣтъ. Наконецъ, на землю кладется *ютто*, большая девяти-струнная арфа, т. е. длинный, звенящій ящикъ съ натянутыми во всю длину его струнами, на которыхъ не иначе можно играть, какъ нажавши на первые три пальца правой руки искусственные ногти изъ простой или слоновой кости.

И такъ эти артистическія пѣсы, исполняемыя собраніемъ женщины, представляютъ въ одно и то же время драматическій и музыкальный интересъ. Онѣ производятъ прелестный эффектъ въ тихіе лѣтніе вечера, на чистомъ воздухѣ, въ тѣни воздушныхъ бамбуковыхъ строеній, украшенныхъ гирляндами изъ фонариковъ цвѣтной бумаги.

ГЛАВА XXXI.

МОСТЫ ВЪ ІЕДДО.

Четыре моста. — Развѣченія на водѣ. — Музыкальные вечера. — Музыкальные инструменты. — Гитара. — Арфа.

Мнѣ кажется, что изъ всѣхъ большихъ городовъ міра Іеддо лучше всѣхъ надѣленъ природою въ отношеніи мѣстополюженія, климата, богатства растительности и изобилія текучей воды.

Онъ построенъ при устьѣ двухъ рѣкъ, изъ которыхъ одна омываетъ восточные берега Хондзо, а другая, протекая съ сѣвера на югъ, по самымъ населеннымъ округамъ города, отдѣляетъ Хондзо отъ торговой части и двухъ кварталовъ Асака.

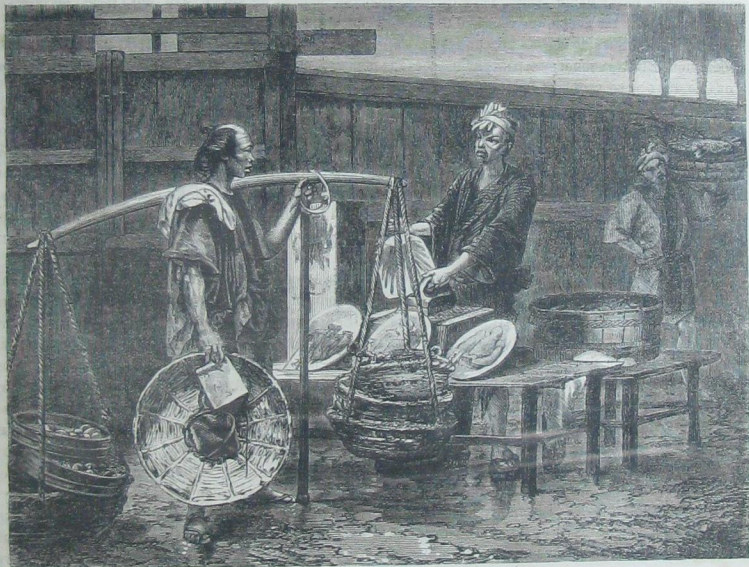
Двѣ красивыя рѣки, изъ числа семи или восьми менѣе значительныхъ, бороздятъ кварталы вокругъ Замка; эти рѣки — Таморинкѣ и Іеддо-гава.

Бассейны, снабженные шлюзами, пруды, рвы, цѣлая сеть судоходныхъ каналовъ связываютъ одни съ другими естественные потоки и разносятъ въ самую средину торговой части города, равно какъ въ центръ и окранны Хонджо торговое кругообращеніе, народное оживленіе, движеніе и жизнь громадной столицы.

Въ числѣ каналовъ, расходящихся радіусами отъ рововъ Замка къ морю, главное мѣсто принадлежитъ Ниппонъ-Басси, второе—каналу Кіо-Басси, которые оба протекаютъ посреди торгового города.

Самый живописный видъ на Иеддо открывается съ дугобразнаго моста, который находится на высшей точкѣ Ниппонъ-Басси.

По направленію къ югу, на горизонтѣ рисуется бѣлая пирамида Фузи-Яма; по правую руку возвышаются надъ городомъ террасы, парки, четырехугольныя башни тайкунской резиденціи, и, по тому же направленію, берега Ниппонъ-Басси, вплоть до соединенія его со ровомъ, окружающимъ Замокъ, застроенные зданіями, гдѣ находятся склады шелка, хлопка, риса и саки. По лѣвую сторону,

Торговецъ жареныхъ продуктовъ.

за рыбнымъ рынкомъ, тянутся на необозримое пространство улицы и каналы, примыкающіе къ О-Гавѣ. Сотни длинныхъ барокъ, нагруженныхъ дровами, углемъ, бамбуковыми палками, цыновками, корзинами, ящиками, боченками и огромными рыбами, скользятъ туда и сюда по всемъ направленіямъ воднаго пространства, тогда какъ улицы исключительно предоставляются пѣшеходамъ. Изрѣдка только, среди идущей толпы, попадаются лошади, тяжело навьюченные, или телѣжки, на которыхъ искусно уложены въ нѣсколько этажей тюки съ товарами. Телѣжки эти, о двухъ колесахъ, везутся обыкновенно куліями; другого экипажнаго шума совсѣмъ не слышать. Звучные удары деревянныхъ башмаковъ о тротуары и мосты, звонъ бубенчиковъ на лошадяхъ, бряданье колокольчиковъ въ рукахъ сборщиковъ милостыни, жѣрные крики купцевъ и смѣшанный шумъ, доносящійся изъ каналовъ, все это вмѣстѣ, составляетъ странную гармонію, совершенно особаго рода, исключительно принадлежащую городу; всякій большой городъ имѣетъ особый, свойственный ему одному шумъ. Въ Лондонѣ преобладаетъ глухой шумъ прилива; въ Иеддо—ропотъ волны, то прибывающій, то замирающій. Какъ волна слѣдуетъ непрерывно одна за другою, такъ нѣтъшнее поколѣніе японцевъ, повидимому, исче-

засть, унося съ собою самое драгоценное наследіе, завѣщенное имъ предками: древнія вѣрованія, обычаи, оружіе, законы,—все это скоро сдѣлается отдаленнымъ воспоминаніемъ для новаго японскаго общества, которое въ настоящее время образуется подъ вліяніемъ цивилизаціи западныхъ народовъ.

О-Гава — главная артерія путей сообщенія въ Иеддо.

Портъ джонокъ, при устьѣ великой рѣки, занимаетъ все пространство между небольшимъ островомъ Исава и большимъ треугольнымъ островомъ, составляющимъ часть округа Ниппонъ-Басси. Мостъ Итаи простирается надъ каналомъ того же имени, отъ сѣверо-восточнаго края треугольника до западнаго берега округа Фукагавы въ Хонджо.

Населеніе обоихъ береговъ, главнымъ образомъ, плебейское. Исключая нѣсколькихъ второклассныхъ и третеклассныхъ йаски, построенныхъ надъ рѣкою, вы не встрѣтите въ этихъ кварталахъ другихъ домиковъ, кромѣ рабочихъ, судовщичьихъ, ремесленниковъ и мелочныхъ торговцовъ. Мостъ площади и близъ лежація улицы постоянно кишатъ толпой простаго народа, большая часть котораго ищетъ здѣсь развлечения. Такъ, дѣти бѣгутъ толпами играть на мостъ или подальше, не боясь ни сами помѣшать движению, ни терпѣть самимъ стѣсненія отъ проходившихъ.

Четыре гигантскихъ моста, перекинутые съ одного берега О-Гавы на другой, находятся между собою почти на одинаковомъ разстояніи, составляющемъ около получаса ходьбы и, какъ со стороны Гондзо такъ и со стороны Иеддо, выходятъ на обширныя площади.

Поднимаясь вверхъ по теченію къ сѣверу отъ Иета-Басси, первымъ встрѣчается большой мостъ—О-Басси, названный такъ потому, что онъ больше всѣхъ четырехъ. Онъ имѣетъ въ длину 160 японскихъ маттовъ, что составляетъ около трехъ сотъ двадцати метровъ. Третій и четвертый мосты, извѣстные подъ названіемъ Ріогюку и Адсумы, уступаютъ ему только на нѣсколько метровъ въ длину. Они выстроены на двадцати бѣгахъ, состоящихъ каждый изъ трехъ рядовъ свай, связанныхъ между собою поперечными перекладинами. Начиная отъ Асума-Басси, вверхъ по теченію, рѣка называется Семида-Гава. Ея прозрачныя воды образуютъ крайнюю границу кварталовъ, расположенныхъ на сѣверной сторонѣ резиденціи тайкуна.

Для сообщенія этой части города съ загородными садами, дачами, съ сельскими чайными домами и съ предмѣстьемъ, служить одинъ только мостъ, построенный на шестнадцати рядахъ свай, называемый Сеиджжо-Басси, или Осію-Кандо (сѣверная дорога). Вся эта мѣстность прекрасно обработана, славится великолѣпнымъ мѣстоположеніемъ и считается любимымъ мѣстомъ загородныхъ увеселеній японской буржуазіи. Жители города Иеддо равно гордятся какъ своимъ прекраснымъ городомъ, такъ и его предмѣстьемъ, называемымъ Инака, потому что и тотъ и другой одинаково удовлетворяютъ ихъ главнѣйшимъ вкусамъ: любви къ природѣ и къ общественнымъ удовольствіямъ. Для нихъ столько же необходимъ гнѣистые уголки на берегахъ Семида-Гавы, сколько шумныя развлечения на мостовыхъ большаго города. Собственно говоря, они имѣютъ антипатію только къ тремъ вещамъ: во-первыхъ къ морю, коварной стихіи, которую они предоставляютъ рыбакамъ, морякамъ и гарнизону шести укрѣпленій, стоящихъ на берегу; во-вторыхъ—къ суровымъ и уединеннымъ мѣстамъ, гдѣ живутъ бонзы, и въ третьихъ, къ страшному валу, окружающему дворецъ и Даймю-Кюдзи. На сколько возможно, они стараются держаться отъ нихъ въ сторонѣ, и для своихъ городскихъ увеселеній ищутъ самыхъ удаленныхъ отъ надзора правительства мѣстъ. Въ этомъ случаѣ Ріогюку-Басси представляетъ центръ ночныхъ увеселеній буржуазіи и гаттаматосовъ. Этотъ мостъ, соединяющій Гондзо съ двумя кварталами Асакса, которые представляютъ на правомъ берегу Иеддо нѣчто въ родѣ Елисейскихъ полей, совершенно удаленъ отъ всякой городской торговой дѣятельности. Великая рѣка въ этомъ мѣстѣ не можетъ поднимать купеческихъ джонокъ; но она достаточно глубока для того, чтобы по ея поверхности легко могли плавать сотни небольшихъ судовъ во всѣхъ направленіяхъ. Въ ясныя лѣтнія ночи, лодки, нагруженные полнымъ снарядомъ для фейерверка, скользятъ вверхъ по теченію, пуская къ небу огненные полосы свѣта и роскошные букеты изъ звѣздъ. Гондолы, украшенныя яркими цвѣтными фонариками, плаваютъ взадъ и впередъ между обими берегами, а по срединѣ медленно проходятъ большія барки, увѣшанныя длинными гирляндами изъ фонарей, и переправы, съ веселыми компаніями, въ кругу которыхъ раздаются пѣжные акорды гитаръ и звуки пѣсень. Съ мостовъ и береговъ смотрятъ на это оживленное зрѣлище цѣлыя толпы зѣвакъ. При нѣсколько измѣненной обстановкѣ, это вѣрное изображеніе венеціанскихъ ночей, не исключая сиренъ, которыя также водятся въ водахъ О-Гавы, какъ и въ водахъ лагуны. Но большія семейныя или общественныя барки Ріогюку-Басси не имѣютъ ничего общаго съ китайскими цвѣточными лодками: онѣ принадлежатъ большей частью честнымъ содержателямъ чайныхъ домовъ, нанимающимъ лодки по часамъ и при-

нимающих на себя хлопоты о снабженіи гуляющаго общества разными прохладительными, а также пѣвницами и музыкантами. Такимъ образомъ эти лодки составляютъ необходимое прибавленіе къ чайнымъ бамбуковымъ домикамъ, расположеннымъ на набережныхъ и служатъ пловучими залами для пѣвнихъ романсовъ и національныхъ легендъ.

Сосѣдство мостовъ не только не вредитъ промыслу этихъ скромныхъ артистовъ, но придаетъ имъ даже особенную привлекательность.

Сидя на порогѣ чайныхъ домовъ Рюгоку-Басси, можно было бы провести не мало часовъ японскаго *far niente*, подъ звуки пѣнія и музыкальныхъ инструментовъ, заглушающихъ мирный отголосокъ толпы гуляющихъ.

Въ тѣ промежутки, когда водворится молчаніе, до вась долетаетъ отдаленный шумъ прохожихъ вдоль длинныхъ перилъ деревяннаго моста. Прелесть впечатлѣнія не разрушается ни стукомъ каретъ ни дикими криками нашихъ европейскихъ городовъ.

Въ Европѣ одинъ только городъ Венеція съ своими набережными и площадями представляетъ то же движеніе народа и тотъ же смѣшанный гулъ шаговъ, пѣнія и музыки, пріятную гармонию которой ничто не нарушаетъ. О-Гава напоминаетъ собою большой венеціанскій каналъ, а набережная Иедскаго моста служить точно такъ же, какъ публичныя площади въ Венеціи, мѣстомъ *rendez vous* для городского населенія.

Вообще Иеддо есть по преимуществу городъ обширныхъ размѣровъ, и японскій народъ отлично усвоилъ и превосходно соблюдаетъ, при движеніи по улицамъ, тотъ порядокъ, который въ нашихъ столицахъ такъ трудно бываетъ установить, не смотря на всѣ усилія полиціи.

Что касается до музыкальныхъ наслажденій иеддскихъ вечеровъ, то слѣдуетъ сказать правду — цѣпу ихъ могутъ постигать одни мѣстные жители. Въ японской мелодіи есть нѣчто странное и неудобное для европейскаго уха. Музыкальная система, на которой она основана, — еще неизвѣстна. Японская музыка изобилуетъ полутонами, если только не четверть-тонами. Она верѣдко переходитъ въ одной и той же фразѣ изъ мажорнаго тона въ минорный и оканчиваетъ все не въ тонѣ. Ф. Ж. Фетисъ замѣчаетъ, «что собранныя Зибольдомъ мелодіи, повидимому, противорѣчатъ всякому предположенію о сходствѣ съ китайской музыкой, потому что въ нихъ мы нисколько не замѣчаемъ пропусковъ, свойственныхъ нотной скалѣ китайцевъ *). Такимъ образомъ, въ японскомъ музыкальномъ искусствѣ, какъ и въ здѣшнемъ народномъ языкѣ, кроется тайна особой системы, которая не подходитъ рѣшительно ни къ чему изъ того, что намъ извѣстно въ западномъ мірѣ и на крайнемъ Востокѣ.

Японскіе музыкальные инструменты отличаются также своей оригинальностью.

Инструменты струнные дѣлаются изъ легкаго и звонкаго дерева *Paulownia imperialis*, а струны изъ тонкихъ скрученныхъ шелковыхъ волоконъ, пропитанныхъ легкимъ слоемъ лака.

Національная гитара, *самсинъ*, о трехъ струнахъ. Звучный инструментъ, длиною отъ 0,24 м., а шириною отъ 0,10 м., имѣетъ деревянные бока, а переднюю доску и спинку изъ выдѣланной ягачей кожи. Рукоятка, длиною отъ 0,60 м., не считая коловъ и оголовья, дѣлается изъ легкаго дерева, безъ перекатовъ и крайней ручки. Колки ставятся изъ твердаго дерева.

Струны самсина приводятся въ дѣйствіе не пальцами, но посредствомъ небольшой лопаточки изъ слоновой кости, точно такъ какъ играли на семитической лирѣ при потоци плектра.

Готто, японская арфа, или *цитара*, мѣняетъ размѣры, по словамъ г. Фетиса, отъ 0,46 м., длины и 0,90 м., ширины до 1,90 м., длины на 0,25 м., ширины. Она имѣетъ тринадцать шелковыхъ струнъ, натянутыхъ на обоихъ концахъ инструмента. Строй можетъ измѣняться на нѣсколько ладовъ, посредствомъ перестановки коловъ, которые служатъ имъ точками опоры и опредѣляютъ интонацію въ пропорціи длины и напряженія струнъ.

Оголовье и ручка готто инкрустируются вообще слоновой костью, черепахой и покрываются лакомъ.

Играть на этомъ инструментѣ можно, только надѣвая искусственные когти изъ простой или слоновой кости на три первые пальца правой руки.

Самсинъ и готто любимые народные инструменты, а потому неизмѣнно встрѣчаются во всякомъ приданомъ молодыхъ навобрачныхъ.

Кокіу, виолончель со смычкомъ, встрѣчается рѣже, тѣмъ *бица*, виолончель, на которой играютъ плектромъ самсина.

*) Ф. Ж. Фетисъ. *Histoire générale de la musique depuis les temps les plus anciens jusqu'à nos jours.* 3 vol. in-8° Paris, 1869.

Японскій кларнетъ дѣлается изъ бамбука, также точно какъ флейта и родъ флажолета, или флейта съ носикомъ, имѣющая восемь близко одна подлѣ другой расположенныхъ дырочекъ, для обозначенія промежутковъ менѣ полу-тона.

Труба и морской гобой (конкъ) употребляются японцами исключительно при религиозныхъ торжествахъ.

Ударныхъ инструментовъ у нихъ двѣ категоріи. Одни изъ мѣди или составного металла: въ этомъ числѣ слѣдуетъ замѣтить чрезвычайное разнообразіе гонговъ, въ видѣ щита, шара, большой погремушки, рыбы, жабы, отъ самаго густаго звука до самаго рѣзкаго; кромѣ того, родъ гремушки изъ двухъ звучныхъ колецъ, вращенныхъ въ рукоятку, по которымъ ударяютъ легкимъ металлическимъ прутомъ; наконецъ множество колокольчиковъ, въ видѣ пластинки, тарелочки или звонка, подвижныхъ или подвѣшенныхъ къ треугольникамъ.

Прочіе ударные инструменты принадлежатъ: къ трещоткамъ изъ деревянныхъ брусевъ; каменнымъ барабанамъ, похожимъ на ядро, поставленное на маленькомъ столбѣ; музыкальнымъ барабанамъ, изъ выдѣланной натянутой кожи, поставленнымъ на треножникъ и замѣняющимъ въ такомъ случаѣ литавры, или уложеннымъ на двое козелъ и исполняющимъ обязанность турецкаго барабана; наконецъ-тамъ-тамамъ, или руднымъ тамбуринамъ, и тимпанамъ, въ родѣ клесидры; тѣ и другіе дѣлаются изъ выдѣланной кожи и натягиваются шелковыми веревками на ободья изъ звонкаго дерева или на бамбуковыя трости.

Тимпаны, въ видѣ клесидры, составляютъ неизбѣжный аккомпаниментъ характерныхъ танцевъ. Иногда дѣйствуютъ двумя сразу, держа одинъ подъ лѣвой мышкой, а другой, въ лѣвой рукѣ.

Сибая, національный японскій театръ, при представленіи пьесъ, имѣющихъ отдаленное сходство съ нашей большою оперой, употребляетъ очень часто почти всѣ исчисленные мною музыкальные ресурсы вмѣстѣ.

ГЛАВА XXXII.

МѢЩАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Сборникъ японскихъ пѣсень. — Легенды. — Народныя преданія. — Сборникъ историческихъ анекдотовъ.

По дорогѣ къ нашему дому, я выразилъ свое сожалѣніе яеунинцамъ о томъ, какъ мнѣ было досадно не понимать словъ тѣхъ пѣсень, которыя пѣлись на лодкахъ; но они, смѣясь и пожимаючи плечами, убѣдили меня, что я рѣшительно ничего не потерялъ отъ того. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ учтиво прибавилъ, что сборникъ легендъ для пѣнія можно всегда найти у книгопродавцевъ Іеддо. Спусти нѣсколько времени, я попросилъ іюкогамскаго маклера купить мнѣ что нибудь поинтереснѣе въ этомъ родѣ, на что онъ весьма любезно согласился, и принесъ мнѣ цѣлую бібліотеку сказокъ, историческихъ анекдотовъ и легендъ героическаго и волшебнаго содержанія.

Большая часть этихъ сочиненій была иллюстрирована такъ, что мнѣ не трудно было догадаться, какіе сюжеты преимущественно пользуются популярностью въ публикѣ. Стоитъ только замѣтить тѣ, которые чаще всего попадають подъ кисть столичныхъ живописцевъ или, другими словами, тѣ, которые повторяются изъ рода въ родъ въ самыхъ модныхъ альбомахъ, какъ, напр., знаменитое собраніе эскизовъ Гофкзая, состоящее изъ шестнадцати волюмовъ.

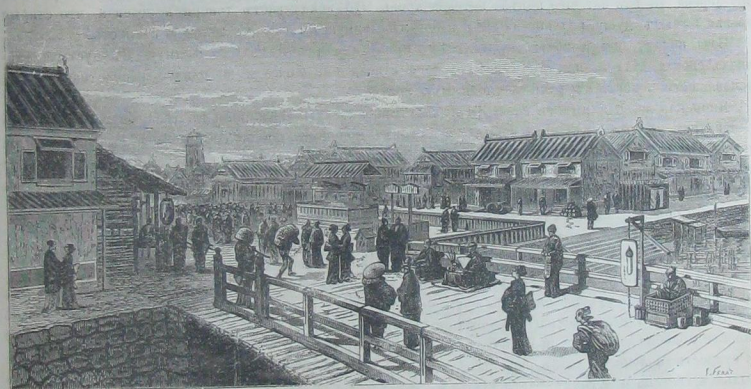
Перелистывая сборники легендъ, я встрѣтилъ одинъ поэтический разсказъ, превосходно иллюстрированный, о такихъ подвигахъ, какихъ не совершали даже герои Аріоста. Напримѣръ: Азигина Сабро пустилъ свою лошадь во весь опоръ въ цѣлый отрядъ неприятелей, при этомъ правую руку онъ подынял на лету одного изъ солдатъ, въ каскѣ и латахъ, а лѣвою, въ то же время, сразилъ однимъ ударомъ двухъ не менѣ страшныхъ неприятелей. Затѣмъ: Нитанъ-Нозиро, славный охотникъ, всакиваетъ на спину огромнаго кабана, который только что свалилъ, смялъ и растерзалъ въ клочки всѣхъ сопровождавшихъ героя; а этотъ, оставшись одинъ, сжимаетъ когтинами разъяренное чудо-

Семейный обед.

вище и вонзаетъ ему въ затылокъ свой ножъ по самую рукоятку. Или: одинъ изъ конюховъ микадо Сусиже, застаётъ однажды своихъ товарищей за игрою въ пашки; онъ прищиприваетъ свою лошадь, которая однимъ прыжкомъ вскакиваетъ на шашечницу и останавливается неподвижно съ поднятыми къверху передними ногами; а всадникъ, который не выпускалъ ни на минуту ногъ изъ стремянъ, держится въ этомъ трудномъ положеніи такъ же твердо, какъ конная статуя Петра Великаго на своемъ гранитномъ pedestalѣ, на берегахъ Невы. Наконецъ, лукъ Улисса долгое время считался совершенствомъ, не имѣвшимъ себѣ равнаго; но я боюсь, чтобы слава его не была померчена лукомъ Таметомо. Когда этотъ богатырь предпринялъ завоевать островъ Фатзцію, то, желая избѣжать кровопролитія и убѣдить островитянъ, что всякое сопротивление съ ихъ стороны было бы бесполезно, онъ подозвалъ къ себѣ двухъ самыхъ сильныхъ изъ племени Айносовъ, и, спокойно усѣвшись на обломкѣ скалы, предложилъ имъ натянуть тетиву своего лука. Оба силача, ухватившись обѣими руками за веревку, уперлись ногами въ древко и, откинувшись всѣмъ тѣломъ назадъ, начали тянуть ее изъ всѣхъ силъ, но всѣ усилія ихъ были напрасны: веревка подалась только тогда, когда Таметомо, безъ усилія захвативъ ее между большимъ и указательнымъ пальцемъ, спустилъ стрѣлу, которая бѣстро скрылась изъ глазъ.

Торговый рядъ Нисонъ-Басси.

Въ такомъ вкусѣ почти всѣ героическія произведенія японской литературы. Несравненно труднѣе дать понятіе объ ихъ легендахъ фантастическаго или чудеснаго содержанія. Главное достоинство этихъ произведеній, которыя по большей части состоятъ изъ короткихъ стиховъ, заключается, по моему мнѣнію, въ выборѣ выраженій, въ размѣрѣ стиха, словомъ, въ изящномъ слогѣ, независимо отъ содержанія. Въ этомъ случаѣ переводъ обыкновенно даетъ намъ одинъ сухой скелетъ, не производящій никакого дѣйствія на умъ и чувства. Въ чемъ заключается, напримѣръ, соль слѣдующаго разсказа? «Душа одной вороватой ласточки забила въ чайникъ стараго бонзы. Однажды, когда бонза поставилъ чайникъ на сильный огонь, она вылетѣла оттуда на глаза хозяину.» Вотъ и все содержаніе разсказа. А между тѣмъ эта бессмыслица служитъ сюжетомъ для особенно любимыхъ народныхъ разсказовъ.

Впрочемъ между этими легендами попадаются и такія, которыя, не смотря на недостатки смысла и вкуса, могутъ до извѣстной степени занять воображеніе, вызвать на размысленіе и возбудить мечтательное настроеніе духа. Я не разъ задавалъ себѣ вопросъ: почему японцы придаютъ почти религиозное значеніе картинѣ, изображающей старика съ граблями изъ бамбука, которыя обыкновенно употребляются при ловлѣ ракушекъ, и старуху, держащую въ рукахъ метлу, предназначенную, какъ кажется, для собиранія сухихъ листьевъ. При видѣ этихъ двухъ фигуръ, стоящихъ или сидящихъ у ствола полусгнившаго кедра, мнѣ невольно приходитъ на память басня о Филемонѣ и Бавкидѣ, но у ствола полусгнившаго кедра, мнѣ невольно приходитъ на память басня о Филемонѣ и Бавкидѣ, но японская легенда умалчиваетъ о дальнѣйшей судьбѣ почтенной четы. Одинъ переводчикъ сказалъ мнѣ, что въ той провинціи, откуда онъ родомъ, простой народъ считаетъ этихъ двухъ стариковъ

своими природителями. Въмѣстѣ съ ними часто рисуютъ черепаху и журавля, животныхъ, одаренныхъ невозмутимымъ благодушіемъ и чрезвычайною долговѣчностью. Наконецъ, почтенная чета составляетъ одну изъ необходимыхъ принадлежностей на свадебныхъ пирушкахъ, на которыхъ она является или въ видѣ картины, или въ видѣ украшенія при десертѣ. Вѣроятно, она служитъ для новобрачныхъ символомъ довольства своею судьбою до самой глубокой старости, что составляетъ исключительную принадлежность простыхъ и честныхъ душъ. Съ другой стороны, въ Японіи есть одно дерево, называемое *эноки*, посвященное неудавшимся супружествамъ. По преданію, это дерево въ первый разъ выросло на могилѣ первой японки, которая развелась съ мужемъ. Если супруги не могутъ поладить между собою, то стоитъ только имъ отправиться потихоньку другъ отъ друга въ дерево *эноки* и произнести тамъ обѣтъ разлуки. Затѣмъ разводъ совершается безъ всякихъ затрудненій, и призвательный мужъ вѣшаетъ на деревѣ картину, на которой нарисованы мужчина и женщина, повернувшіеся другъ къ другу спиною.

Культъ деревьевъ, существовавшій у всѣхъ древнихъ народовъ, въ Японіи имѣетъ предметомъ самыя старыя деревья. Есть легенда, что одинъ владѣлецъ Имато вздумалъ сдѣлать мебель изъ ствола прекраснѣйшаго кедра, какой только былъ въ его паркѣ. Когда топоръ дровосѣка разсѣлъ кору дерева, то изъ каждаго порѣза потекла кровь. Это показываетъ, говоритъ легенда, что старыя деревья имѣютъ душу, подобно людямъ и богамъ, давшую имъ за ихъ великую старость.

Вотъ почему они и существуютъ всѣмъ прибѣгающимъ подъ ихъ защиту. Въ пустыхъ тайникахъ своихъ вѣтвей, или въ дуплѣ пустого ствола они спасали не одного несчастнаго воина, рисковавшаго попасть въ руки неумолимыхъ враговъ.

Японская легенда имѣетъ свою Женевиэву Брабантскую. Изгнанная въ лѣса, благородная дама производитъ на свѣтѣ мальчика, кормить его своимъ молокомъ, а пищу себѣ добываетъ собственными руками. Когда обнаружилась ея невинность, даму эту препроводили съ величайшею пышностію ко двору микадо и ея кириомонъ изъ листьевъ выставленъ былъ въ храмѣ на всеобщее поклоненіе. Снявъ ея до самой смерти своей сохранилъ жѣдный цвѣтъ лица и курчавые волосы — послѣдствія первоначальнаго образа жизни. Такъ-какъ онъ приобрѣлъ навыкъ смирать дикіихъ звѣрей, борясь съ мѣдвѣдями и отражая нападенія разбойниковъ, то прославился необыкновенной силой и ловкостью. Подъ именемъ Руико, онъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ героевъ имперіи.

Лѣса и бамбуковыя и еловые рощи служатъ убѣжищемъ множеству дикіихъ звѣрей, изъ которыхъ обезьяна, каменная куница, барсукъ и въ особенности лисица, доставляютъ неистощимый запасъ сюжетовъ и картинъ сказочнаго содержанія. По мнѣнію японцевъ, животныхъ, достигшихъ глубокой старости, подобно деревьямъ, получаютъ человѣческую душу и сверхъестественныя силы. Хорекъ, достигши старости, получаетъ власть распоряжаться вѣтромъ, тучами, градомъ и дождемъ. Онъ несется на крыльяхъ урагана, и путникъ, застигнутый въ открытомъ полѣ, мужественно борясь противъ вихря, не можетъ защититься отъ ярости вѣтра, который рѣжетъ ему лицо точно ножомъ. Это-то и есть, по мнѣнію японцевъ, хорекъ, летящій вмѣстѣ съ вѣтромъ и царящій своими когтями. Старыя лягушки, сидя на берегахъ прудовъ, напускаютъ влажный туманъ на глаза запоздавшаго селянина, сквозь который ему чудится, будто онъ видитъ свой домъ, но это только обманъ зрѣнія, заводящій его все дальше и дальше въ непроходимыя болота. *Яма-тори*, или сребровидный фазанъ, устраиваетъ себѣ зеркало изъ своихъ перьевъ. Онъ считается неуязвимымъ и не скрывается отъ охотниковъ. Но горе тому, кто, желая попасть въ него и дѣлая постоянные промахи, вздумаетъ преслѣдовать его въ горахъ: ему не вернуться оттуда никогда.

Старые волки также обладаютъ даромъ превращенія. Это подтверждается тѣмъ, что одинъ волкъ, наводившій ужасъ на путешественниковъ, внезапно пропалъ безъ вѣсти, и когда путешественники думали, что могутъ теперь безпрятственно продолжать свой путь, то вдругъ встрѣтили, однажды вечеромъ въ лѣсу, прекрасную дѣвушку съ фонаремъ въ рукахъ, росписаннымъ розовыми букетами. Съ тѣхъ поръ очаровательница прославилась далеко въ окрестностяхъ подъ именемъ красавицы съ фонаремъ изъ розъ. Но увы! всѣ, кто пошелъ за нею, попались на зубокъ къ волку. Потомъ была еще дѣвушка, издали казавшаяся олицетвореніемъ всѣхъ женскихъ прелестей, но близки оказывалась еющимъ чертенкомъ.

Таде-Има — очень высокая гора съ глубокимъ кратеромъ на вершинѣ. Если посмотрѣть въ глубину пропасти, то тамъ увидишь бассейны, наполненные человѣческою кровью, которая кипитъ, разогрѣтая вулканомъ. Вонзы говорятъ, что тутъ должно быть одно изъ отдаленнѣйшихъ ада.

Болѣзни, свирѣпствующія въ первый разъ въ народѣ, имѣютъ дьявольское происхожденіе. Демонъ

оспы приплыль въ Япоцію моремъ. Онъ былъ одѣтъ въ красную тунику, и привезъ письмо, неизвѣстно отъ кого, божественному патрону имперіи.

Въ святилищѣ нѣкоторыхъ старыхъ бонзерій показываютъ наконечники зубчатыхъ стрѣлъ изъ кремня, яшмы и оксидана (агата), наконечники копій въ видѣ вертела, ножи, скребки и топоры изъ базальта или нефрита (*).

По словамъ бонзъ, орудія эти по большей части—святыни, оставшіяся отъ древнихъ династій небесныхъ и земныхъ боговъ; однако же, въ сѣверной части Ниппона, то въ томъ, то въ другомъ

Изображеніе Конфуція въ Кантонскомъ храмѣ Конфуція.

мѣстъ падаются еще сѣкиры изъ молниеноснаго камня и каменные стрѣлы, свидѣтельствующія о битвахъ между духами бурь, когда разъяренныя стихіи грозятъ истребленіемъ человеческихъ жилищъ.

Напечатанныя книги слѣдуетъ почитать на-ряду съ памятниками, оставшимися отъ предковъ.

(*) На сообщеніе г. Франка о древнихъ каменныхъ орудіяхъ Япоціи, сэръ Джонъ Любокъ заявилъ, что указанія эти еще недостаточны для того, чтобы признать существованіе каменнаго вѣка въ Япоціи, хотя оно весьма вѣроятно. *Matériaux pour l'histoire primitive et naturelle de l'homme. Bulletin mensuel* 1er, janvier, 1869. Paris, Rheinwald.

Бонза Раиго, истребившій въ порывѣ гнѣва библіотеку своего монастыря, превращенъ былъ послѣ смерти въ крысу, и осужденъ, вмѣсто пищи, грызть доскуды бумаги и дравнаго пергамента.

Воздушные злые духи посѣщаютъ въ продолженіе ночи мѣста, гдѣ совершились завѣдомыя или тайныя преступленія.

Души скупыхъ витають иногда по землѣ; но ихъ богатства, какъ бы они ни были хорошо запряганы, часто исчезаютъ неизвѣстно куда. Одна очень богатая женщина, изъ скупости отказывала всѣмъ женихамъ. Когда она умерла, то ей наслѣдовали ея сестры. Одна изъ нихъ любила одѣваться въ платье покойницы и, раздѣваясь, обыкновенно вѣшала его на гвоздь въ своей спальнѣ; вдругъ однажды она увидала длинную худошавую руку, выходившую изъ рукава платья и махавшую на нее. Несчастныя женщины часто блуждаютъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онѣ были несчастны. Утопленницы, окончившія жизнь въ колодезѣ, носятся въ воздухѣ въ такомъ видѣ, какъ будто сейчасъ опрокинутся внизъ головою. Женщины, умершія въ родахъ, являются иногда съ своимъ ребенкомъ на рукахъ и кричатъ умоляющимъ голосомъ: «Возьмите моего ребенка, чтобы онъ не лежалъ со мною въ гробу». Одинъ мужъ такъ жестоко обходился съ своею женою, что она, наконецъ, умерла жертвою его побоевъ. Тогда онъ похоронилъ ее и тотчасъ же обратился къ бонзѣ съ просьбою, чтобы тотъ приложилъ къ его дверямъ освященную бумагу, имѣвшую свойство не допускать въ домъ духовъ. И въ самомъ дѣлѣ, тѣмъ умершей, явившись съ кладбища, не посмѣла переступить за освященный порогъ, и только жалобно кричала всѣмъ подходившимъ къ дому: «Прохожіе! Будьте такъ добры, снимите бумагу съ дверей!»

Сборники историческихъ анекдотовъ имѣють совершенно другой характеръ, чѣмъ легенды и рассказы о подвигахъ героевъ. Самый источникъ ихъ происхожденія советѣмъ иной. Это не плодъ народныхъ досуговъ или празднаго воображенія владѣльцевъ іаски и жителей бонзерій; они носятъ на себѣ отпечатокъ новѣйшихъ критическихъ изслѣдованій іеддскаго университета и проникнуты тѣмъ холоднымъ разсудкомъ, которымъ отличается философская школа Конфуція. Американскій миссіонеръ Вербекъ познакомилъ насъ съ однимъ изъ замѣчательныхъ образцовъ такого рода сборниковъ, именно: собраніе рассказовъ о добродѣльныхъ подвигахъ, совершенныхъ въ Японіи и Китаѣ, сочиненіе одного японца, уроженца города Іеддо и воспитанника университета. Приводимъ здѣсь небольшую выписку, которая дастъ читателю понятіе какъ о самой критикѣ, такъ и о той философской школѣ, къ которой принадлежитъ авторъ.

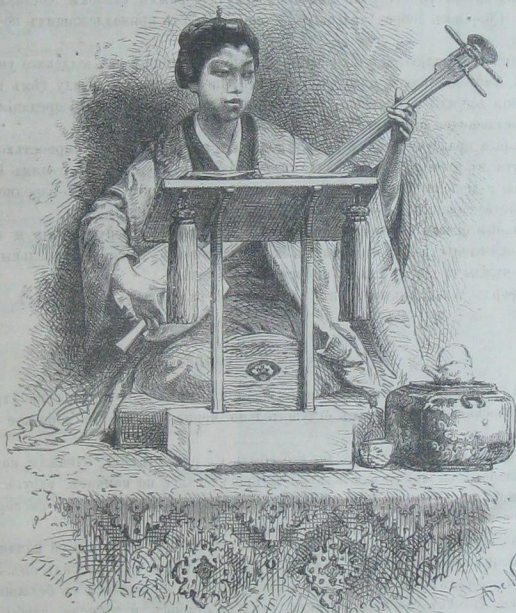
«Всякій человѣкъ, говоритъ онъ, вызываетъ къ какому нибудь божеству, чтобы предохранить себя и своихъ семейныхъ отъ всякихъ бѣдствій. Одинъ обращается съ молитвою къ лунѣ; другой бодрствуетъ всю ночь, чтобы привѣтствовать восходящее солнце; иные вызываютъ о помощи къ богамъ неба и земли и къ Буддѣ. Но молитвы лунѣ, солнцу, богамъ или Буддѣ, не творя въ то же время добрыхъ дѣлъ, все равно, что требовать, чтобы рисъ выросъ на землѣ, не будучи посѣянъ. Будьте увѣрены, что въ этомъ случаѣ, луна, солнце, боги и Будда пожалѣють о васъ, но они не заставятъ расти рисъ, котораго вы не посѣяли. Конфуцій говоритъ: «Человѣкъ, который оскорбляетъ небо, не можетъ надѣяться на исполненіе своихъ молитвъ»; а японскій мудрецъ Китамо-но-Ками пишетъ: «Если ты честно исполняешь законы правды и добра, то боги позаботятся о тебѣ и безъ твоихъ молитвъ». Быть добродѣтельнымъ, — вотъ что значитъ обожаніе божества.

«Во время царствованія одного изъ древнихъ микадо, на небѣ появилась невиданная до того звѣзда. Наблюдавшій ее знаменитый астрономъ объявилъ, что появленіе этой звѣзды предвѣщаетъ великое бѣдствіе для фамиліи одного изъ главнокомандующихъ имперіи. Въ то время главнокомандующимъ лѣваго крыла былъ Накаира, а праваго — Санегори. Услышавъ предвѣщаніе астролога, Санегори бросился со всѣмъ своимъ семействомъ возносить молитвы въ храмахъ Будды и Синто, и молился непрерывно дни и ночи, тогда какъ Накаира оставался спокойно въ кругу своего семейства. Замѣтивъ это, священникъ отправился къ Накаирѣ, чтобы выразить ему свое удивленіе относительно столь страннаго образа дѣйствій съ его стороны.

— Почему вы не посѣщаете храмовъ, — сказалъ онъ ему, — не вознесите молитвъ въ небо, какъ это дѣлаетъ главнокомандующій Санегори, который день и ночь молится, чтобы предотвратить отъ себя бѣдствіе, предвѣщаемое появленіемъ неизвѣстной звѣзды на небѣ?

Накаира внимательно выслушала слова священника и отвѣчала: «Вы хорошо замѣтили обстоятельства дѣла и по всей вѣроятности сумѣете оцѣнить мое оправданіе. Извѣстно, что появившаяся звѣзда предвѣщаетъ несчастіе одному изъ двухъ главнокомандующихъ, такъ что оно должно обрушиться или на меня, или на моего товарища. Но, знаясь хорошенько въ умѣ всѣ обстоятельства

дѣла, я разсудилъ, что я уже старъ и не могу такъ хорошо управлять военными силами какъ Санегори, который находится еще въ цвѣтѣ лѣтъ и вполне обладаетъ знаніемъ своего дѣла. Если я стану молиться о предотвращеніи отъ себя несчастія и молитва моя будетъ услышана, то этимъ я содѣйствую только гибели Санегори, ко вреду имперіи; а я желаю, напротивъ, сохранить, на сколько отъ меня зависитъ, драгоценную жизнь этого человѣка. Въ продолженіе приведенной рѣчи, священ-

Народная пѣвица.

никъ не могъ скрыть своего волненія: «Конечно, сказалъ онъ обращаясь къ Накаирѣ, такой благодарный образъ мыслей замѣняетъ вполне всевозможныя приношенія и молитвы въ храмахъ, и если только бога и Будда существуютъ то, безъ сомнѣнія, грозящее бѣдствіе не коснется ни васъ, ни вашей семьи.

ГЛАВА XXXIII.

ЯПОНСКІЯ СКАЗКИ.

Правоучительныя сказки. — Старуха и воробей. — Коздунъ по неволѣ. — Каменотесъ.

Въ японской литературѣ есть множество правоучительныхъ сказокъ, составленныхъ въ томъ же духѣ какъ и «Сборникъ добродѣтельныхъ дѣяній», то есть принадлежащихъ по направленію къ школѣ Конфуція.

Сочинителями ихъ являются обыкновенно ученые, выпущенные изъ іеддскаго университета, профессора языковъ, учителя школъ, писатели по найму книгопродавцевъ; между тѣмъ какъ героическія или фантастическія легенды по большей части бываютъ плодомъ народнаго преданія и воображенія старыхъ бонзъ, оставшихся вѣрными культу національной поэзіи.

Если нѣкоторыя правоучительныя сказки пользуются одинакою популярностію съ древними легендами, то заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ главнымъ образомъ, издателямъ Іеддо, или благодаря разнообразію и дешевизнѣ ихъ изданій, или вслѣдствіе таланта и чисто-народной веселости живописцевъ, содѣйствовавшихъ своимъ изображеніями успѣху изданій.

Нравоучительныя сказки переносятъ насъ цѣликомъ въ буржуазную жизнь и служатъ удовлетворительнымъ доказательствомъ, что поэтическое вдохновеніе, даже неподдѣльный литературный вкусъ, далеко не чужды среднему классу японскаго общества.

Сэръ Рутерфордъ Алькокъ приводитъ два лучшихъ разсказа въ этомъ вкусѣ, въ своей книгѣ «Столица Тайкуна».

Старуха и воробей.

«Жили когда-то старикъ со старухой, не имѣвшие дѣтей. Въ одно прекрасное утро старикъ принесъ въ клѣткѣ воробья, который такъ оглушительно чирикалъ, что въ короткое время страшно надоелъ старухѣ.

«Она только и спала и видѣла какъ бы его събыть съ рувъ, и вотъ, однажды, когда она ушла со двора, нашъ проказникъ вылетѣлъ изъ клѣтки и, прогуливаясь по комнатамъ, вдругъ увидѣлъ новое платье, которое старуха только что начала шить. Онъ сейчасъ же принялся распарывать швы, выклеывая изъ нихъ нитки своимъ носикомъ.

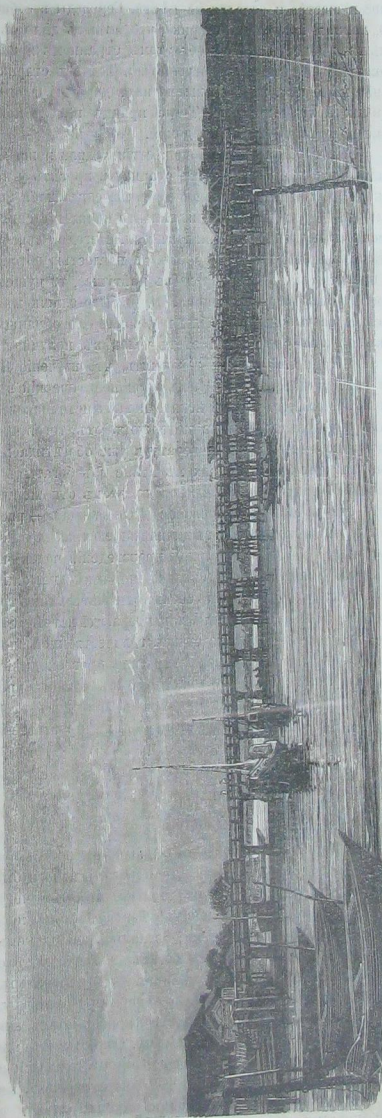
«Когда старуха воротилась и увидала это, она схватила птицу, отрезала ей кончикъ языка и вышвырнула ее за дверь. Вскорѣ вернулся и мужъ. — «Гдѣ моя птица?»... спросилъ онъ. Жена разсказала ему все какъ было. — «Какъ же тебѣ не стыдно такъ жестоко обращаться съ беззащитнымъ творениемъ, которое я любилъ какъ собственное дитя», сказалъ старикъ, и вышелъ, чтобы тотчасъ же отправиться на поиски за воробьемъ. Но лишь только онъ взомелъ на холмъ, какъ увидѣлъ передъ собою прелестную молодую дѣвушку, которая начала его благодарить за ласки къ ней во время ея пребыванія у него въ домѣ. Въ вознагражденіе, она просила его принять отъ нея подарокъ. — Вотъ, сказала она, двѣ корзины. Одна изъ нихъ тяжелая, другая легкая, ты можешь выбрать какую хочешь. — Ну, для такого старика какъ я, сказалъ простякъ, лучше выбрать полегче. И онъ дѣйствительно выбралъ послѣднюю и открывъ ее, по совѣту дѣвушки, у себя дома, увидѣлъ, что она была наполнена прекраснѣйшими платьями. Старикъ разсказалъ старухѣ, присутствовавшей при этомъ откуда у него взялись не эти богатства. — Погоди же! это я и сама съумѣю сдѣлать, подумала старуха, и отправилась по его слѣдамъ. Дошедши до холма, она точно также была встрѣчена молодою дѣвушкою, которая, попрекнувши ее за жестокость, тѣмъ не менѣе предложила ей на выборъ двѣ корзины, одну легкую, другую тяжелую. — Вотъ удивится мой старикъ, когда я принесу вдвое больше его добраго домой! подумала старуха и взвалила на плечи тяжелую корзину.

Съ трудомъ дотащила она ее до дому, сѣвшишь открыть крышку и вдругъ... каково же было ея омушеніе, когда въ присутствіи старика, изъ корзины вылѣзли два страшные дьяволенка, гримасничая, кривляясь, припрыгивая и корча ей страшныя рожи.

Болдунъ по неволѣ.

Жили еще старикъ со старухой, также бездѣтные, но славные люди; правда, жена была немного болтлива; у обоихъ было всего одна только вѣрная собака. А въ тѣло этой собаки переселился добрый духъ. Однажды онъ повелъ старика въ лѣсъ и показалъ ему тамъ сокровище, зарытое въ землю. Старуха, по своему обыкновенію, все разболтала, и слухъ о зарытомъ сокровищѣ достигъ до ушей ихъ сосѣда, очень злаго чедовѣка. Этотъ сосѣдъ принудилъ собаку идти съ собою въ лѣсъ и рыть землю въ томъ мѣстѣ, которое ему она указала. Но вмѣсто сокровища, онъ вырылъ одни только камни. Это его до такой степени возбѣсило, что онъ убилъ собаку на мѣстѣ. Старикъ, узнавши объ этомъ, слезно просилъ сосѣда указать ему, по крайней мѣрѣ, мѣсто, гдѣ лежать кости его вѣрнаго друга. Отправившись въ лѣсъ по указанію, онъ срубилъ дерево, подъ которымъ была убита собака и изъ вѣтвей его устроилъ надъ могилою родъ небольшой часовни, въ память погибшаго животнаго. Изъ ствола того же дерева сдѣлалъ себѣ ступку для толченія риса. Но лишь только онъ началъ толочь его, какъ изъ ступки брызнуло золото. Старуха шепнула объ этомъ пріятельницѣ, а черезъ день, сосѣдъ уже просилъ ступку взаймы. Старикъ далъ ему ступку. Но какъ ни бился сосѣдъ, а не могъ добыть изъ нея золото. Въ бѣшенствѣ онъ сжегъ ступку. Старикъ просилъ его отдать хоть пепель отъ ступки и благоговѣнно принесъ его въ домъ. Въ ту же ночь онъ увидѣлъ сонъ. Ему явилась убитая собака и сказала, чтобы онъ на слѣдующее утро отправился на большую дорогу, захвативъ съ собою пепель, и дождался бы тамъ появленія свиты даймёса. За тѣмъ, чтобы онъ, по приближеніи кортежа, не становился на колѣна, какъ обыкновенно это дѣлается а смѣло объявилъ бы офицерамъ, что онъ волшебникъ, имѣющій власть возвращать засохшимъ деревьямъ листья, и вообще произрощать такіе цвѣты, которымъ по времени года еще не пришла пора цвѣсти.

Усѣвшись на слѣдующее утро при большой дорогѣ, съ лицомъ въ рукавъ, въ которомъ насыпанъ былъ пепель, старикъ не замедлилъ увидѣть приближающійся къ нему кортежъ изъ свиты даймёса, и вскорѣ страшное *таніеро* (приказъ становиться на колѣна) раздался въ его ушахъ. Но онъ собралъ все

Деревянный ящикъ, въ лѣто.

свое мужество и остался на мѣстѣ. Герольды возобновили приказъ и схватились было за свои сабли, но, понявъ изъ словъ старика, что имѣютъ дѣло съ волшебникомъ, не посмѣли его тронуть, а поспѣшили донести принцу объ этомъ странномъ приключеніи. — «Хорошо, сказалъ принцъ, пусть онъ покажетъ на дѣлѣ свое могущество». Тотчасъ старикъ бросаетъ горсть пепла на воздухъ, по направленію къ дереву, простиравшему надъ дорогою свои сухія вѣтви, и въ ту же минуту оно покрывается самыми яркими цвѣтами. Тогда принцъ велѣлъ привести старика во дворецъ и, осыпавъ его дорогими подарками, отпустилъ домой.

Толки объ этомъ происшествіи ходили повсюду и мучили завистливое сердце сосѣда. Онъ не постыдился снова явиться къ старику и просить у него немного пеплу отъ волшебной ступки. Старикъ, по своей неисчерпаемой добротѣ, согласился на его просьбу. Тогда злой сосѣдъ отправился на большую дорогу и сталъ поджидать появленія свиты даймёса. Вскорѣ показалось шествіе, торжественно и медленно приближавшееся. Негодѣй совѣкъ выткнулся на своихъ, и безъ того, тонкихъ ногахъ, и, на вопросы офицеровъ, съ наглостью объявилъ, что онъ волшебникъ. Когда же дѣло дошло до превращенія сухаго дерева въ цвѣтущее, то пущенная зола, вмѣсто того, чтобы понасть на вѣтви дерева, упала на глаза принца. Этого было слишкомъ довольно для возбужденія его гнѣва. Онъ выхватилъ свою большую саблю и ударилъ ею обманщика, а офицеры его свиты отгѣзали ему голову. Такъ кончили свою жизнь этотъ человѣкъ, получившій наказаніе по заслугамъ.

Не въ правѣ ли мы заключить, что изученіе Японіи съ литературной точки зрѣнія обѣщаетъ намъ много интереснаго? Нашъ космополитическій вѣкъ, жадно ищущій новыхъ мѣстъ для торговли, кончить тѣмъ, что будетъ искать новыхъ источниковъ умственнаго наслажденія. Литературы европейскихъ народовъ ничего не потеряютъ отъ того, что ихъ узкій горизонтъ нѣсколько расширится. Современная германская литература уже обогатилась многими драгоценными перлами, заимствованными Рюккертомъ и Генрихомъ Гейне изъ богатыхъ сокровищницъ персидской и индѣйской поэзіи. Крайній Востокъ представляетъ въ этомъ отношеніи еще непочатую руду, наука намъ все болѣе и болѣе открываетъ ея сокровища; дѣло поэтовъ — разработать ихъ. Соприкосновеніе литературнаго гения западныхъ народовъ съ цивилизаціею крайняго Востока должно породить произведенія, достойныя занять почетное мѣсто въ ряду произведеній человѣческаго ума. Объ этомъ мы вправѣ заключать по двумъ единственнымъ, сколько мнѣ извѣстно, опытамъ, которые были сдѣланы въ этомъ направленіи. Докторъ Юнгъ, кромѣ своихъ замѣчательныхъ трудовъ по естественной исторіи, оставилъ сочиненіе философско-литературнаго характера, гдѣ встрѣчается описаніе природы и жизни на островѣ Явѣ, которое можно принять за стансы величественной эпопеи. Другой житель Явы, голландскій поэтъ и публицистъ, Довесъ Деккеръ украсилъ превосходнѣйшими поэтическими картинами и сценами свой романъ (Максъ Гавелааръ), который въ цѣломъ представляетъ родъ литературнаго *журнала* (*journalet*). Передаю здѣсь одинъ изъ эпизодовъ этой странной книги, сказку, которая, какъ мнѣ кажется, есть одно изъ счастливѣйшихъ произведеній автора, и, какъ нельзя лучше оправдываетъ мое отступленіе.

КАМЕНОТЕСЬ.

«Въ Японіи жилъ когда-то бѣдный каменотесь, работавшій въ каменоломняхъ. Занятіе его было трудное, работалъ онъ много, зарабатывалъ мало, и былъ недоволенъ своею судьбою. «О! еслибъ мнѣ когда нибудь разбогатѣть на столько, чтобы я могъ отдыхать на густыхъ цыновкахъ, покрытыхъ мягкимъ шелковымъ киримономъ!» Такова была жалоба, которую онъ возносилъ къ небу. Ангелъ услышалъ его. «Да будетъ по твоему желанію!» сказалъ онъ.

«Нашъ рабочий сдѣлался богатъ, лежалъ на толстыхъ цыновкахъ и былъ покрытъ шелковымъ киримономъ. Вдругъ мимо его проходилъ императоръ. Впереди шли скороходы, за ними слѣдовала блестящая свита. Надъ головою императора развѣвался широкій зонтикъ, вышитый золотомъ. «Что мнѣ за польза отъ моего богатства, пробормоталъ каменотесь, когда я не могу ходить со свитою и подъ зонтикомъ, вышитымъ золотомъ. Отчего я не императоръ?» — «Твое желаніе будетъ исполнено», сказалъ ему ангелъ. И, дѣйствительно, онъ сдѣлался императоромъ; его окружала блестящая свита, надъ головою его колыбался зонтикъ, блистающій золотымъ шитьемъ.

«Солнце, между тѣмъ, своими жгучими лучами озарило поля, и блескъ его, отражавшійся въ пыли, покрывавшей дорогу, былъ невыносимъ для глазъ. «Не велико счастье быть императоромъ, —

воскликнул наш герой, — когда зной васъ разслабляетъ и когда солнце не теряетъ надъ вами своей силы. Славно бы солнцемъ! — Будемъ, доволенъ-ли ты теперь? спросилъ у него ангелъ.

«Бывшій каменотесъ сдѣлался солнцемъ. Онъ бросалъ свои лучи вверхъ и внизъ, вправо и лѣво и кругомъ себя. И онъ сталъ жечь травы и землю, и лица земныхъ государей. Вдругъ, между нимъ и землею стало облако, которое не пропускало лучей его на землю. «Какъ! вскричало солнце, какое нибудь облако можетъ противиться моему могуществу; въ такомъ случаѣ я желалъ бы лучше быть облакомъ». — Пусть будетъ такъ! — сказали ангелъ. Превращеніе совершилось, и новое облако гордо стало между солнцемъ и землею, съ удовольствіемъ отбрасывая лучи солнца, такъ что земля скоро позеленѣла подъ его тѣнью. Потомъ онъ началъ пускать на поля крупныя капли дождя, перешедшія, мало по малу, въ проливной дождь, а затѣмъ, въ ливень, отъ котораго всѣ рѣки и источники вышли изъ своихъ береговъ и зтопили все въ окрестности.

«Одинъ только утесъ стоялъ неподвижно и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на наводненіе. Напрасно волны съ яростью ударились о него: скала не трогалась, и, пѣнясь, онѣ замирали у ея подножія. «И такъ, какая нибудь скала сильнѣе меня, — сказала облако. — О, какъ мнѣ хотѣлось бы быть на ея мѣстѣ». — Пусть будетъ по твоему! — сказалъ ангелъ. И вотъ нашъ герой превратился въ облаченную скалу, непоколебимую, безчувственную подъ жгучими лучами солнца, подъ проливнымъ дождемъ и подъ ударами шумящихъ волнъ. Вдругъ онъ замѣчаетъ у своего подножія какого-то полуодѣятаго бѣдняка съ ломомъ и молотомъ въ рукахъ, при помощи которыхъ онъ отбиваетъ отъ утеса цѣлыя глыбы камня, которыя потомъ обѣкаетъ въ правильныя фигуры. «Что я вижу? — вскричалъ утесъ: — человѣкъ можетъ отрывать отъ меня цѣлые куски камня. Неужели онъ сильнѣе меня? Въ такомъ случаѣ, я хочу сдѣлаться человѣкомъ». — Твоя воля будетъ исполнена, — сказали ангелъ. И онъ снова сдѣлался бѣднымъ рабочимъ въ каменоломняхъ. Запитіе его было трудное, работали онъ много, зарабатывалъ мало, но... былъ доволенъ судьбою».

ГЛАВА XXXIV.

УЛИЧНАЯ ПОЛИЦІЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ.

Контрасты. — Рогатки. — Митсуи. — Драки. — Участіе полиціи. — Вражда между жителями. — Опасности.

Въ числѣ контрастовъ японскаго общества, есть одинъ, обнаруживающійся съ какою-то неотступностью почти на всѣхъ японскихъ улицахъ, именно: съ одной стороны — полированная внѣшность города, съ другой — варварство нравовъ, которое проявляетъ извѣстная категорія публичныхъ зданий.

Такимъ образомъ, пока вы удивляетесь отличному содержанию площадей, гульбищъ и главныхъ путей сообщенія, изумительному порядку на рынкахъ и въ двигающихся толпахъ народа, васъ вдругъ ошеломитъ, черезъ нѣсколько шаговъ или при поворотѣ за уголъ улицы, появленіе высокаго, тяжелого барьера изъ окрашенныхъ въ черный цвѣтъ бревенъ и поперечинъ, который торчитъ тутъ какъ безобразный памятникъ сценъ смятенія и насилія. Дѣло въ томъ, что въ администраціи столицы есть двѣ, рѣзко различающіяся другъ отъ друга, вещи: муниципальная полиція, имѣющая своихъ представителей въ каждомъ округѣ, и правительственная полиція, агенты которой зависятъ прямо отъ Замка. Последняя-то и охраняетъ эти неуклюжіе барьеры, при помощи которыхъ торчать тутъ какъ сообщеніе не только между кварталами, но и между всѣми главными улицами Іеддо.

Они снабжены посрединѣ большими воротами и по бокамъ калитками, открываемыми въ теченіе дня, если, впрочемъ, нигдѣ не нарушается порядокъ, и запираемыми регулярно въ девять или десять часовъ вечера. Запоздалые прохожіе обязаны дернуть за шнурокъ калитки, и отвѣтить на вопросы дежурнаго, начальника поста, которые дѣлаютъ имъ черезъ форточку. Если проходитъ буржуа, якунинъ пропускаетъ его черезъ калитку, а если самурай — то открываетъ настежь среднія ворота.

Если полиція намѣрена днемъ произвести аресты, сдѣлать домашніе обыски, прекратить шумъ

на улицѣ, или поспѣшить на помощь, въ случаѣ какого-нибудь важнаго происшествія, то начинается съ того, что изолируетъ театръ своихъ дѣйствій, запираетъ всѣ барьеры въ болѣе или менѣе обширномъ районѣ. Мэръ квартала и, смотря по важности случая, уличные десятокъ, ответственныя за поведение своихъ подчиненныхъ, разумѣется, принимаются участіе въ подобныхъ мѣрахъ и даже могутъ сами быть инициаторами въ нихъ.

Такимъ образомъ, посредствомъ запугиванія, мирная и скромная буржуазная магистратура должнъ поневолѣ присоединяться къ политической и военной полиціи, обязанной поддерживать тайкунскую систему.

Говорятъ, будто между городомъ и Замкомъ существуютъ болѣе тѣсныя отношенія. Монетный дворъ тайкуна отчеканиваетъ, или, вѣрнѣе, выливаетъ и рѣжетъ ежедневно двадцать одну тысячу итцебу. Итцебу — довольно красивая серебряная монета, плоская, продолговатая, четырех-угольная, похожая на аптечныя дощечки, и стоящая около двухъ франковъ, болѣе или менѣе, смотря по разнѣнному курсу, который мѣняется по волѣ правительства. Такъ какъ работы по этой фабрикаціи всѣ производятся отъ руки, безъ помощи машинъ, то она требуетъ громаднаго числа рабочихъ, набираемыхъ, разумѣется, между городской буржуазіей. При входѣ по утру въ зданіе монетнаго двора, они обязаны оставлять свое платье въ сѣняхъ, и надѣваютъ его только вечеромъ, по окончаніи работы, и послѣ самаго тщательнаго осмотра. Такая предосторожность нисколько не мѣшаетъ тайкунальнымъ итцебу попадать въ концѣ концовъ въ торговый городъ, куда ихъ увлекаютъ безчисленные торговые каналы. Отсюда выходятъ вотъ что: даймося, самураи и самѣ тайкуны, при всякой надобности въ большой суммѣ звонкой монеты, должны неизбѣжно адресоваться въ тотъ кварталъ, гдѣ имѣются всегда ея запасы. Такимъ-то образомъ, напримѣръ, и добрый буржуа Митсуи, купецъ, торгующій шелковыми товарами, оптомъ и въ розницу, обратился, какъ говорятъ, въ правительственнаго банкира.

Его магазины занимаютъ обѣ стороны прекрасной улицы *Муромати*, въ концѣ которой видно возвышающееся на горизонтѣ, по направленію къ югу, много-этажное зданіе полицейскаго управленія, а также террасы замка и несравненный Фузи-Йма. Митсуи открылъ свою контору по соседству съ напекъ резиденціею, но вскорѣ принужденъ былъ закрыть ее по неизвѣстнымъ причинамъ: вѣрнѣе всего потому, что велѣ слишкомъ блистательно свою торговлю съ европейцами; тѣмъ не мѣнѣе, онъ продолжалъ держать въ Йогоамѣ агента, который специально принималъ на себя посредничество въ мѣстныхъ операціяхъ таможенныхъ чиновниковъ.

Незадолго до моего отъѣзда изъ Японіи, мнѣ рассказывали, какъ лопины забрались въ домъ Митсуи и различными способами пытались выманить у него денегъ; но онъ, гордясь своимъ достоинствомъ перваго банкира тайкуна, не сдавался ни на какія угрозы, и, влѣдствіе того, всѣ его магазины были сожжены.

Понятно, что если значительныя лица подвергаются въ Иеддо подобнымъ насиліямъ, то низшему классу общества приходится еще хуже. Въ этомъ случаѣ я замѣтилъ значительное различіе во взглядахъ тайкунскихъ чиновниковъ; на сколько они преслѣдуютъ паріевъ, бѣдняковъ, бродягъ и мошенниковъ, на столько же высказываютъ сочувствія къ той части народонаселенія, которая добываетъ свой хлѣбъ честнымъ трудомъ, но производитъ драки, пьетъ и нарушаетъ спокойствіе города.

Грубость нравовъ и склонность къ дракамъ составляютъ главную, отличительную черту характера кулиевъ, судовщиковъ и бего низняго города, живущихъ на берегахъ О-Гавы. Между ними безпрестанно возникаютъ ссоры, кончающіяся весьма часто, хотя и не надолго, извѣстнаго рода играми, изъ которыхъ самая оригинальная выбираетъ своимъ мѣстомъ дѣйствія одинъ изъ дугообразнымъ мостовъ, пересѣкающихъ каналы Старога города. Толстый канатъ, обыкновенно употребляемый на торговыхъ джонкахъ, перекидывается черезъ мостъ на другой берегъ и обѣ враждующія стороны впрягаются въ него, каждая держась за свой конецъ. По данному сигналу одного изъ судей, стоящихъ на срединѣ моста, сотни сильныхъ рукъ напрягаются и разомъ начинаютъ, тянуть канатъ изъ всѣхъ силъ въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ; канатъ выпрямляется и растягивается, затѣмъ остается совершенно неподвижнымъ и дрожитъ какъ струна отъ напряженія, до тѣхъ поръ, пока одна изнемогая отъ усталости партія не выпуститъ его изъ рукъ, предоставляя побѣду героямъ противоположной стороны. Въ этой-то послѣдней катастрофѣ и заключается главнѣйшая роль игры, такъ какъ побѣдители буквально рассыпаются по землѣ, то куда понахъ, кувыркаются, барахтаются и давя другъ друга. Но еще лучше, когда канатъ самъ собою обрывается, и обѣ стороны, не исключая ни одного человѣка, внезапно летятъ кувыркомъ на землю, испуская одинъ общій произвольный вопль. Къ глухому шуму наденія присоединяется страшный гвалтъ, всеобщая суматоха, цѣль-

вихрь барахтающихся, падающих и поднимающихся людей; ими овладевает безумный смѣхъ; обѣ партіи блуждаютъ по мосту на встрѣчу одна другой, и бывшіе противники тащатъ другъ друга въ чайныя дома, находящіяся по сосѣдству, гдѣ обильными возліаніями саки ознаменовываютъ свою общую мировую. Къ нимъ присоединяются судьи, полицейскіе, женщины, прохожіе, словомъ все народонаселеніе обоихъ береговъ, и праздникъ продолжается до той минуты, когда ворота города запираются.

Я былъ свидѣтелемъ, въ Йокгамѣ, бунта корпораціи конюховъ, который продолжался тридцать шесть часовъ. Король бетосовъ хотѣлъ почтить своимъ визитомъ одну изъ тѣхъ несчастныхъ, которыя не имѣютъ права отказывать. Не смотря на то, она заперлась въ убѣжищѣ, которое занимала въ Ганкиро, и директоръ этого привилегированнаго заведенія не вынулъ просьбамъ короля. Послѣдній собралъ своихъ подданныхъ и повелъ ихъ сомкнутыми колоннами до рва, окружающаго кварталъ. Но полиція уже успѣла снять настилку единственнаго моста и запереть ворота, въ который можно было проникнуть въ Ганкиро. Крики и угрозы собравшей толпы не помогли ничему, и она раздѣлилась на три шайки въ глѣзахъ собравшей публики, которая равнодушно смотрѣла, хотя все болѣе и болѣе прибывала. Главная шайка, вооруженная бамбуковыми палками, стала въ главѣ моста, какъ бы готовая къ нападенію; остальные двѣ разсѣялись вдоль сосѣднихъ каналовъ. Цѣлая ночь и утро слѣдующаго дня прошли въ приготовленіяхъ осады. Наконецъ, громкіе крики возвѣстили начало атаки; но въ то же мгновеніе изъ Ганкиро появилась лодка съ якунцами и быстро направилась къ мосту, гдѣ собралась самая густая толпа. Послѣ нѣсколькихъ словъ, обмѣненныхъ съ той и въ другой стороны, толпа, какъ бы по волшебству, разсѣялась, и раздался крикъ восторга и побѣды.

И было, въ самомъ дѣлѣ, чему радоваться. Мщеніе совершилось вполне. Якунцы привели извѣстіе, что особа, навлекшая на себя общій гнѣвъ, бросилась въ колодезь вмѣстѣ съ своимъ возлюбленнымъ. Вліяніе послѣдняго на директора заведенія было такъ сильно, что этотъ рѣшилъ манкировать своими обязанностями относительно короля бетосовъ; вслѣдствіе чего, чиновники заведенія, отъ перваго до послѣдняго, должны были явиться, въ тотъ же день, въ замокъ губернатора Янагавы.

Одинъ изъ европейскихъ резидентовъ, проживавшій долгое время въ Япоііи, съ которымъ я говорилъ объ этомъ неблаговидномъ дѣлѣ, разсказалъ множество подобныхъ примѣровъ снисходительности правительства къ разгулу народныхъ страстей. Такъ напримѣръ, въ Нагасаки ему однажды случилось быть зрителемъ настоящей битвы, которую вели между собою жители одной улицы съ жителями другой, сосѣдней. Между населеніемъ этихъ двухъ улицъ искони господствовала непримиримая вражда, которая наконецъ проявилась на дѣлѣ. Въ одинъ прекрасный день обѣ враждующія стороны вооружились палками и, построившись въ ряды, съ оглушительнымъ крикомъ, вступили въ сраженіе. Полиція тотчасъ же явилась на мѣсто происшествія, но ограничилась тѣмъ, что любезно заперла всѣ ворота въ окрестности, чтобы ограничить поле сраженія, и затѣмъ безучастно смотрѣла на драку въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ, по прошествіи которыхъ губернаторъ, убѣдившись, что сражающіеся желаютъ въ душѣ покончить битву, пригласилъ ихъ, черезъ своихъ агентовъ, разойтись съ миромъ по домамъ, что и было исполнено безъ малѣйшаго сопротивленія.

Размышляя о японскихъ нравахъ, нельзя не вспомнить, что въ средніе вѣка, даже до французской революціи, въ городахъ одна улица враждовала съ другою, точно также и деревни вели между собою ожесточенную борьбу. Подъ двойнымъ вѣтомъ меча и креста могъ развиваться только духъ узкой личной и корпоративной исключительности. Духъ общечеловѣчности, напротивъ, есть плодъ соединеннаго господства права и свободы. Онъ замѣняетъ бунтъ дѣйствіемъ законныхъ властей; онъ окружаетъ законъ державнымъ величіемъ, и не допускаетъ, чтобы орудія пытки сдѣлали изъ правосудія гнусное орудіе деспотизма.

По мѣрѣ того, какъ поле нашего изученія расширялось и съ каждымъ днемъ становилось удовлетворительнѣе, наоборотъ — отношенія наши къ Замку дѣлались болѣе и болѣе затруднительными. Суды по нѣкоторымъ признакамъ, разрывъ между Япоііею и Англіею казался неизбежнымъ. Феодальная партія выражала завѣтные желанія свои и даже ходатайствовала у тайкуна объ изгнаніи всѣхъ иностранцевъ, безъ различія. Въ совѣтѣ дайміосовъ произносились угрозы противъ царствующей династіи. Ночная схватка, въ которой приверженцы Замка одержали верхъ, сдѣлалась предметомъ таинственныхъ разговоровъ между нашими якунцами, но почерпнуть изъ разсказовъ ихъ мы могли лишь то, что знаменитый начальникъ лонинговъ убитъ на мѣстѣ, и что дѣло происходило въ нашемъ сосѣдствѣ. Наконецъ, на Токаидо, мы сдѣлались свидѣтелями сцены, хотя нѣмой и безобидной, но дѣлающей не менѣе, имѣвшей значеніе. Наша стража въ это время состояла изъ пятидесяти якунщиковъ,

и мы шли совершенно свободно, заботясь только о томъ, какъ бы не ускользнуло что отъ нашего вниманія. Вдругъ замѣчаемъ между своими людьми какое-то странное волненіе: они выстраиваются, ускоряютъ шагъ, смыкаютъ ряды на правомъ тротуарѣ, между тѣмъ какъ передъ нами выходятъ изъ за угла улицы отрядъ гораздо значительнѣе и медленно выстраивается поперекъ дороги. За копьями и значками кортежа можно было различить нѣсколькихъ всадниковъ. Въ отвѣтъ на вопросъ мой, какому князю принадлежитъ этотъ отрядъ, я получилъ отъ переводчика самыя уклончивыя отвѣты. Мрачные и молчаливые, якунинцы наши слѣдили за малѣйшимъ движеніемъ отряда, то и готовились, съ минуты-на-минуту, выхватить саблю. Оба отряда прошли другъ мимо друга шагахъ въ десять, обмѣнявшись взглядами, которыхъ свирѣпое, дышавшее ненавистью, кроваваго вида выраженіе не оставляло ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ силы политическихъ агитацій, раздражившихъ тогда officialныя сферы столицы.

Возвратившись въ Джооджи, мы увидѣли, что гарнизонъ усиленъ и приводитъ наше мѣстопробываніе въ оборонительное состояніе. Плотники, подъ наблюденіемъ незнакомыхъ мнѣ офицеровъ, возводили высокій палисадъ, между верандою, нашею столовою и стѣною ограды сосѣдней бенеріи. Кули приносили дрова и складывали ихъ кострами въ различныхъ пунктахъ ограды Джооджи. Окончивъ укладывать кучу, якунинцы покрывали верхъ пирамиды соломенными факелами, облитыми смолу. Мнѣ объяснили, что приготовленія дѣлаются на случай ночнаго нападенія, и что, по первому сигналу тревоги, часовой зажигаетъ костры, чтобы освѣтить малѣйшіе закоулки театра дѣйствій.

Ночной дозоръ, снабженный столькимъ числомъ фонарей, сколько въ немъ считалось человѣкъ, приготовлялся къ обычному обходу. Начальникъ поста позвалъ его въ караульную и велѣлъ всѣмъ одѣть кольчуги.

Компрудоръ нашъ, не на шутку струхнувшій при видѣ всѣхъ приготовленій, подошелъ ко мнѣ и спросилъ въ полголоса, что я намѣренъ завтра дѣлать. Я велѣлъ ему отправиться, какъ всегда на рынокъ и передать въ этомъ же смыслѣ приказанія японскому повару, который робко показавшись на порогъ съ видомъ человѣка, готоваго ударить отсюда при малѣйшей возможности.

Увѣренные въ томъ, что якунинцы устроили все къ лучшему, товарищи мои ограничились на эту ночь дежурствомъ на вахтѣ: она отличалась далеко не служебной особенностью, заключавшейся въ томъ, что ни одинъ изъ часовыхъ не устоялъ противъ искушенія оставаться и побесѣдовать съ смѣнившимъ его дежурнымъ.

Я рассказалъ какъ-то объ этихъ подробностяхъ обычнымъ гостямъ Бентава. Одинъ изъ нихъ, членъ дипломатическаго корпуса, выразилъ удивленіе, что я принялъ, или притворяюсь, что принялъ въ серьезную сторону все это, какъ онъ выразился, шутки японскаго правительства. Спустя немного времени и ему пришлось поселиться въ Джооджи. Политическія тревоженія мало удалились. Правительство прислало ему почетный караулъ, и начальникъ поста усилилъ до такой степени мѣры для охраненія безопасности, что это показало его протеже чрезвычайно смѣшнымъ. Черезъ недѣлю заговорили о заговорахъ лининовъ противъ иностранцевъ, проживающихъ Іеддо; потомъ констеблемъ донесъ своему господину, что начальникъ поста распорядился удвоить число часовыхъ въ дворцахъ и въ саду. «Опять принимались за старую игру, отвѣчалъ дипломатъ:—пусть начальникъ поста дѣлае себѣ что хочетъ, лишь бы не приходилъ мнѣ надоедать».

На другой день, констеблемъ является опять: «Господинъ министръ, начальникъ поста проситъ дозволенія поставить часовыхъ внутри зданій».

— Ну, и пускай его ставить вездѣ, только не у меня въ спальнѣ! — закричалъ раздраженный министръ. — Да притомъ, добавилъ онъ, распорядитесь, чтобъ я больше не слышалъ объ этомъ нелѣпомъ осадномъ положеніи!

Дѣйствительно, съ этой минуты всѣ переговоры и распоряженія происходили между начальникомъ поста и констеблемъ. Последній, говорятъ, такъ строго помнилъ приказаніе, что когда японскій комендантъ просилъ у него дозволенія поставить костры внутри ограды Джооджи, онъ отвѣчалъ: «Мнѣ приказано объявить вамъ отъ имени министра, что вы можете ставить ихъ гдѣ угодно, лишь бы не въ его спальнѣ!»

Но напрасно министръ принималъ мѣры для охраненія своего спокойствія. Однажды ночью, когда онъ крѣпко спалъ, его будитъ странный шумъ и онъ видитъ подлѣ постели дрожащаго человѣка. Дрожащій человѣкъ оказался констеблемъ, который въ полныхъ вѣкахъ ворвался черезъ бумажную перегородку. Красноватое зарево освѣщало садъ; подъ сводами караульнаго дома раздавался бой гонимыхъ.

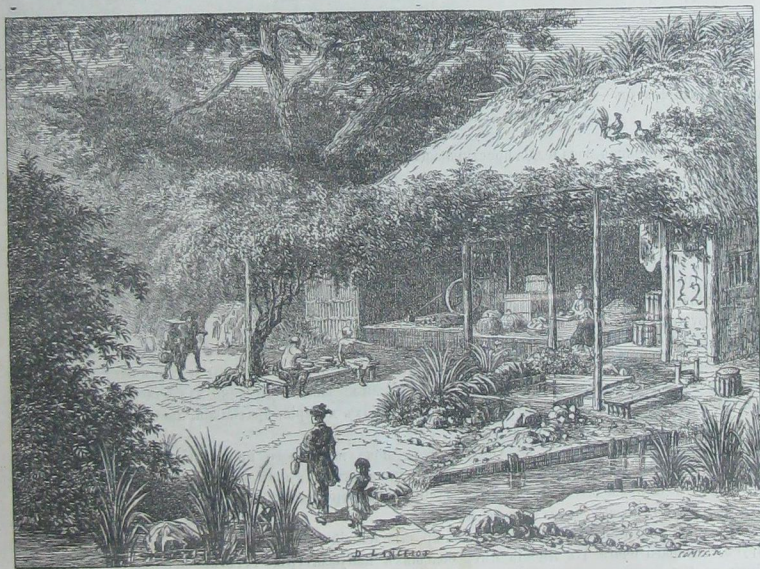
— Ну! что тамъ случилось? Въ Джооджи пожаръ вѣрно? — спрашивалъ, протирая глаза, министръ.

Констебль кое-как обрелъ снова даръ слова: «На лужайкѣ дерутся, поторопитесь! воскликнуть онъ.

— Нигдѣ не дерутся, любезнѣйшій констебль, каждый играетъ комедію, не исключая и васъ, который врывается въ глухую полночь въ мою комнату, чтобъ продѣлать всѣ фокусы.

Но сколько ни ворчалъ министр, а пришлось одѣться и вынуть револьверы. Съ своей стороны, вооруженные люди его собрались на веранду. Когда они подъ начальствомъ его пошли въ садъ, все уже кончилось; тяжело раненыхъ караульныхъ переносили въ домъ, на лугу подвняли трупъ доинна.

Сколько ни хлопотали, — не могли получить изъ Замка ни малѣйшаго объясненія о случившемся. Что же касается до насъ, то такъ какъ вахта наша не ознаменовалась никакимъ происшествіемъ, мы за завтракомъ стали, по обыкновенію, уговариваться какъ лучше провести день; не видѣть что пребываніе наше въ Иеддо подходитъ къ концу — мы не могли: слѣдовательно, — необходимо было употребить остающееся время въ пользу, и дополнить, по мѣрѣ возможности, свои наблюденія, по части посѣщенія магазиновъ и выбора рѣдкостей туземной промышленности. По необычайной агитации нашихъ цѣновщиковъ, явившихся каждое утро съ предложеніемъ своихъ услугъ, мы заключили, что они вѣроятно получили какое нибудь предостереженіе отъ нашей стражи или полиціи. Наскучивъ ихъ надоедливостью, мы ихъ отпустили, рѣшившись пройти по магазинамъ безъ нихъ. Выполняя такое предположеніе, наша компанія посѣтила южную часть Торговаго города до такъ называемаго Иеддскаго моста, лежащаго къ югу отъ Нишонскаго, на томъ же каналѣ; часть общества отдѣлилась

Сельскій чайный домъ въ окрестностяхъ Иеддо.

отъ насъ и направилась отсюда къ О-Басси, перешла на лѣвый берегъ великой рѣки и проѣхалась здѣсь верхами по главнымъ набережнымъ и наиболѣе люднымъ улицамъ.

Пока длились эти интересныя прогулки, не разстроенныя никакимъ непріятнымъ случаемъ, мы совершенно забыли осадное положеніе, въ какомъ жили въ Джоодзи, и, вернувшись, едва могли сохранить серьезный видъ, чтобы не принимать нашу стражу, навьюченную невѣроятными пледами и латами, за падаиновъ, выравнившихся изъ *Bouffes Parisiens*.

Переводчикъ тайкуна, по имени Казуда Генгиро, издавший, въ юлѣ 1869 г., въ Иокотамѣ рядъ писемъ, въ числѣ семи, о смятеніяхъ, театромъ которыхъ служила Японія въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ, утверждаетъ, будто мѣры, принятыя въ 1863 г. правительствомъ, въ видѣ покровительства посольствамъ или въ видѣ собственной безопасности, основывались вовсе не на несбыточныхъ страхахъ. Южные дайміосы, покинувъ свои іаски въ Іеддо, оставили тутъ секретно организованныя шайки лонинговъ, съ цѣлью уронить кредитъ, утомлять и ослабить сіюгунальную власть: политическое убійство, пожаръ, умерщвленія иностранцевъ, заговоры противъ посольствъ, наслія надъ купцами, поддерживавшими торговыя сношенія съ Иокотамой, — вотъ средства, долженствовавшія служить предюдіемъ къ революціи феодальныхъ провинцій.

ГЛАВА XXXVI.

ХОНДЖО.

Характеръ мануфактуръ — Бонзерія и храмы. — Ремесла и промышленность квартала. — Хонджо. — Трудность доступа въ японскія мастерскія.

Длинная восточная зона Іеддо, простирающаяся на лѣвомъ берегу Огавы, обнимаетъ собою три округа.

Округъ Сумидо-Гава, на сѣверѣ, принадлежитъ къ предметію и представляетъ совершенно сельскій характеръ. Онъ изобилуетъ рисовыми плантаціями, огородами, обширными заведеніями садоводства и чайными домами, разсыпанными вдоль рѣки или въ глубинѣ обширныхъ огородовъ съ фруктовыми деревьями: грушей, сливой, персикомъ и вишней.

Два другихъ заключаютъ многочисленное населеніе, преимущественно рыбаковъ, моряковъ, ремесленниковъ и кушцовъ. Эти округа называются: на югѣ, по берегу залива — Хонджо-Фукагава и въ сѣверу отъ него — собственно Хонджо.

Послѣдній округъ соотвѣствуетъ въ нѣкоторой степени ремесленнымъ и промышленнымъ кварталамъ нашихъ большихъ округовъ. Здѣсь встрѣчаются фабрики черепицы и глиняныхъ посудныхъ издѣлій, мастерскія желѣзной кухонной посуды, бумажные заводы, фабрики для очистки и приготовления хлопка, домашній ткацкій бумажныхъ и шелковыхъ метерій, красильни, лавки тканей, корзишниковъ и плетельщиковъ цыновокъ.

Японская промышленность не употребляетъ пока машиннаго производства. Впрочемъ, здѣсь встрѣчаются желѣзобдѣлательные заводы, гдѣ мѣха приводятся въ движеніе гидравлическимъ колесомъ, къ которому вода проводится по толстымъ бамбуковымъ трубамъ. Топливо состоитъ изъ древеснаго и каменнаго угля; первый — отличнаго качества.

Женщины принимаютъ участіе во всякой промышленной отрасли, а послѣднія сосредоточиваются вокругъ семейнаго очага. Въ Японіи нѣтъ большихъ мануфактуръ; тутъ не знаютъ ни фабричной работы, ни фабричнаго населенія. Люди рабочаго класса занимаются различнымъ мастерствомъ въ семьѣ, оставляютъ его, чтобъ поѣсть, когда голодны, и отдохнуть, когда имъ вздумается. Въ обществѣ шести рабочихъ обоего пола, почти всегда можно застать одного или двухъ, которые покуряваютъ трубку и прибаутками приправляютъ работу своихъ товарищей.

Такъ развивается и передается изъ поколѣній въ поколѣніе инстинктъ общенія, веселость и находчивость, характеризующія мелкую буржуазію столицы.

Кварталы Хонджо и Фука-Гавы построены по плану совершенно правильнымъ четырехугольнымъ. На югѣ они примыкаютъ къ заливу, на западѣ граничатъ съ О-Гавой, на востокѣ — незначи-

вых часовень святилища, по правую и по лѣвую руку колоссальнаго идола Будды, почитаемаго подъ именемъ *То-Шабори*. Землетрясеніе порядкомъ разстроило ряды святой милиціи. Сосѣдніе саранъ приняли въ свое лоно наиболѣе обезображенныя жертвы, а опустошенный храмъ и до сихъ поръ не исправленъ и не открытъ для богослуженія. Недалеко отсюда другая бонзерія утвердила свою репутацію не на такой хрупкой основѣ, какъ изображенія героевъ аскетизма и созерпанія. Два раза въ годъ дается она цѣлый рядъ народныхъ представленій отборныхъ бойцовъ Іеддо, и такая набожная спекуляція постоянно привлекаетъ на обширный лугъ монастырской ограды страшное стеченіе любопытныхъ изъ всѣхъ классовъ общества. Но здѣсь каждый храмъ, каждый монастырь усвоилъ себѣ какую нибудь рекламу, и старается отличиться болѣе или менѣе гениальною странностью. Доводительствомъ можетъ служить главный входъ, не помню уже какой именно бонзеріи, въ Хонджо, которымъ идешь къ святилищу мимо подлужныя статуи свиней разставленныхъ самымъ приличнымъ образомъ на гранитныхъ pedestalaхъ. Повидимому, народное мнѣніе, нѣмымъ согласіемъ своимъ, допускаетъ безъ затрудненія все, что ни вздумается бонзамъ придумать, ради новой приманки усердію набожныхъ.

Нѣсколько старыхъ дворянскихъ семей устроили себѣ въ Хонджо родъ сентъ-Иерменскаго предмѣстья, гдѣ и живутъ въ совершенномъ уединеніи, вдалекѣ отъ городского шума какого-бы то ни было соприкосновенія съ придворнымъ міромъ и чиновниками правительства. Стѣны Замка не лѣзутъ здѣсь въ глаза гордому дайміосу. Съ высоты дугообразныхъ мостовъ, переброшенныхъ черезъ устья каналовъ, примыкающихъ къ О-Гавѣ, такихъ, напримѣръ, какъ Іатоме-Басси, откуда видно не менѣе осьми мостовъ на первомъ планѣ обширной картины столицы, — длинныя аллеи деревьевъ крѣпости воздымаются надъ безчисленными крышами торговой части города, точно мирныя сѣни отдаленнаго парка, который сливается съ террасами подножія Фузи-Тамы.

По вычисленіямъ г. Лендо окружность Хонджо и Фука-Гавы равняется протяженію отъ тринадцати до четырнадцати верстъ, и поверхности двѣнадцати квадратнымъ верстами, изъ которыхъ три заняты рисовыми плантаціями и садами, пять резиденціями дайміосовъ, полторы — храмами, полторы же укрѣпленіями и верфями правительства и одна только — домами горожанъ.

Въ числѣ послѣднихъ слѣдуетъ замѣтить важныя фабрики шелковыхъ матерій, фарфоровой посуды, предметовъ домашняго хозяйства, мебелировки и туалетовъ изъ лакированного дерева, также какъ и большія мастерскія скульптурныхъ, плотничныхъ и столярныхъ издѣлій.

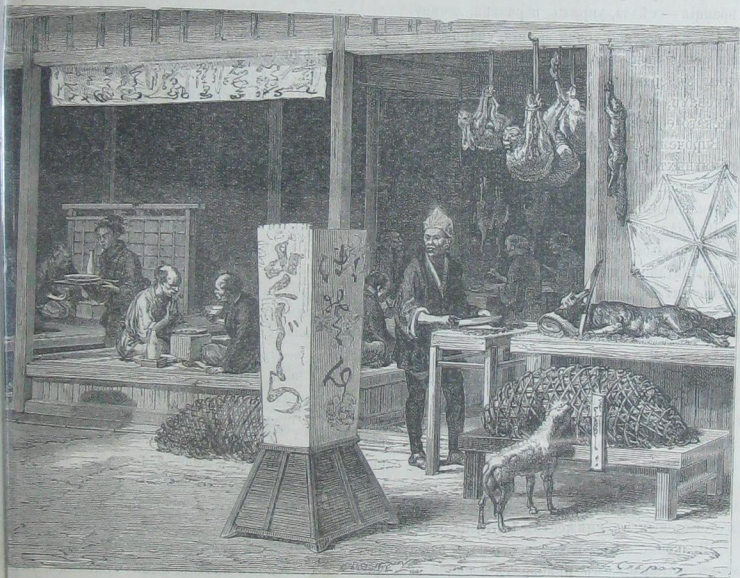
Я нигдѣ не видалъ работъ изъ мрамора, хотя въ горахъ, внутри страны, существуютъ мраморныя ломки. Колонны теръ вытесываются изъ гранита, канделябры священныихъ мѣстъ, гробницы, статуэтки и надгробные камни, также какъ священныя изображенія Будды, черепахи и лисичи дѣлаются изъ превосходнаго песчаника. Рѣзчики на деревѣ готовятъ домашніе жертвенники съ богатыми створками, изящные раки и гроба въ формѣ микози, слоновья голова, чудовищныя химеры для украшенія кровли храмовъ, деревянную рѣзбу и мозаику, представляющую журавлей, гусей, летучихъ мышей, мифологическихъ животныхъ, полускрытую облакомъ луну, кедровыя, словыя, бамбуковыя и пальмовыя вѣтки. Гигантскіе идолы, выходящіе изъ мастерскихъ Іеддо, чаще всего оружены позолоченнымъ и раскрашеннымъ яркими цвѣтами ореоломъ: небесныя стражи, напримѣръ, пуссовымъ; Тенгу — темносинимъ; лисичи дѣлаются бѣлыя, коричневые и золотистыя, — атрибутъ — придаваемый имъ охотѣе прочихъ, — состоитъ изъ ключа, который лисича держитъ въ пасти.

Вмѣстѣ съ рѣзною столярною работою соединяется не одно интересное ремесло. Рамки раздвижныхъ перегородокъ и ширмы должны разрисовываться большими рисунками, сдѣланными китайскою тушью въ нѣсколько ударовъ кисти, или группами деревьевъ и цвѣтовъ самаго блестящаго колера, или, наконецъ, изображеніями птицъ, славящихся роскошью и красотой перьевъ. Производство всего этого идетъ на фабрикахъ, но ручною работою. Печатаются только бумажные обои для оклейки стѣнъ и деревянной подлѣлки. Вышивальщицы изготовляютъ для рамъ, замѣняющихъ тутъ сторы и экраны, изумительныя вещи, гдѣ шелкъ, при помощи терѣзливой работы иглою, воспроизводитъ, по желанію заказчика или самой работницы, гладкую ткань лиственъ, бархатистый пушокъ птичекъ, густой мѣхъ четвероногихъ, или блестящую чешую рыбы. Наконецъ, круглящія шелка къ роскоши деревянныхъ украшеній и обоевъ салона присоединяютъ орнаментацию изъ разноцвѣтныхъ гирляндъ и бантовъ, а сверху покрываютъ ихъ другою шелковою работою, изображающею изумительно цѣною группы цвѣтовъ и птичекъ.

Плетеніе и вышивка готовятся для узорчатыхъ камчатныхъ, а также тяжелыхъ матерій съ золотыми и серебряными разводами, изъ которыхъ дѣлаются придворныя мантии и платья съ

длинным шлейфомъ. Также очень часто самый тонкій газъ и крепь отгнѣются по краямъ рубильного вышивкой, самого чистаго и строгаго стиля.

Оби, — поясъ, который носятъ всѣми замужними и незамужними японками, за исключеніемъ дамъ княжескихъ фамилій, составляетъ самую разнообразную принадлежность женскаго костюма, мѣняющаяся въ глаза богатствомъ матеріи и роскошью вышивки. Ширина его вообще совершенно достаточна, чтобъ замѣнять собою поясъ и корсетъ. Его обертываютъ вокругъ стана какъ бинтъ и закрѣпляютъ на спинѣ замысловатымъ узломъ. Послѣдній образуетъ родъ широкаго, плоскаго банта, лежащаго прямо на бедрахъ, или образующаго буфъ, который развѣивается съ изысканною нежностью. Вдова, рѣшившаяся не выходить болѣе замужъ, завязываетъ оби спереди плаття. Когда женщина умираетъ, тѣло ея одѣваютъ въ парадной костюмъ и обертываютъ оби такъ, чтобъ онъ представлялъ какъ бы вдовій поясъ, потомъ завязываютъ концы его крѣпкимъ, неразрывнымъ узломъ.

Ресторанъ и колбасная лавка въ Иеддо.

Не легко проникнуть въ японскія мастерскія, особенно подъ надзоромъ звзда якуиницевъ. Не рѣшусь на общанія ихъ начальниковъ, я не могъ видѣть ни красильни, ни мануфактуры богатыхъ тканей, ни бумажной фабрики. За то, какъ оптовые, такъ и мелочные магазины были открыты для меня во всѣхъ подробностяхъ, включительно до задней лавочки. Не слѣдуетъ пренебрегать посѣщеніемъ послѣднихъ, такъ какъ японскій купецъ вовсе не изъ тѣхъ, кто любитъ пориться: онъ не только не дѣлаетъ выставки лучшихъ вещей, но, напротивъ, бережетъ ихъ про запасъ, бы за тѣмъ, чтобы приберечь для покупателя прелесть находки. На этомъ основаніи, для составленія полнаго, но приблизительнаго понятія о богатствѣ, разнообразіи, художественномъ цвѣтѣ японской промышленности, необходимо не только обойти купеческія улицы, сосредоточенія туземную торговлю, но посѣщать и мѣщанскія, возвращаясь каждый день въ ихъ магазины рывать тамъ всѣ углы и закоулки. Это тѣмъ необходимѣе, что въ Японіи не существуетъ, а каждый магазинъ, каждая лавка имѣетъ свою специальность. Правда, можно встрѣтить и что

въ родѣ небольшихъ базаровъ, учрежденныхъ подъ именемъ *сторъ*, въ портахъ, открытыхъ для европейцевъ; но они могутъ вѣрнѣе назваться постоянною выставкою образчиковъ, между которыми преобладаютъ товары, необходимые для судовъ и изготовляемые нарочно для продажи на рынкахъ свободныхъ отъ пошлины кварталовъ. Понятно, что не здѣсь слѣдуетъ изучать японскую индустрію. Между нагасакскимъ сторомъ и лавками купеческаго города въ Иеддо разнѣца, вообще, такая же, какая между вещами базаровъ Пфортгейма, Нюрнберга и какимъ нибудь магазиномъ художественныхъ и промышленныхъ издѣлій на Биржевой площади, въ улицѣ Вивьеннѣ, или на бульварахъ.

Чтобъ начать съ ремеселъ, наименѣе развитыхъ, укажу сперва на изготовленіе сѣделъ, которое до тѣхъ поръ будетъ находиться на низкой ступени, пока релігіозный предрасудокъ не перестанетъ клеймить презрѣніемъ ремесла кожевника. Последнее обстоятельство заставляетъ Японію платить дань иностранцамъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ тайкуны и даймиосы соперничаютъ другъ передъ другомъ въ преобразованіяхъ своей артиллеріи и кавалеріи. Германія доставляетъ имъ кожи; Голландія и Франція — сѣдла, упряжь, перчатки, лосину.

Съ живописной точки зрѣнія, снаряженіе боевой лошади потеряетъ, потому что надо сознаться — наши ремесли и уздечки, наши кавалерійскія сѣдла со всѣми принадлежностями — слишкомъ primitive въ сравненіи съ шелковыми шнурками, плетунками и кистями, лакированными дубами и стременами, которыя прежде составляли славу и гордость сидящаго верхомъ и закованнаго въ кирасы японскаго офицера.

Впрочемъ, я замѣтилъ, что въ Иеддо продается довольно разнообразный выборъ кожаныхъ сѣроматыхъ и сафьянныхъ вещей, какъ, напримѣръ: дорожные чемоданы и несесеры, портфели, длинные кошелки для мелкой монеты, небольшія табачницы, перчатки для охоты съ соколами, и что всѣ эти вещи были туземной фабрикаціи.

Пушная торговля, получившая такое сильное развитіе въ Китаѣ, совершенно ничтожна въ Японіи. Какъ монгольская раса любитъ укутываться въ мѣха, такъ не терпятъ ихъ сыны Великаго Нишана.

Ни китайцы, ни японцы не берегаютъ и не выдѣлываютъ шкуръ съ животныхъ для набивки чучелъ. Китайцы дѣлаютъ искусственныхъ птицъ, причемъ выдѣленное изъ воску тѣло покрывается настоящими перьями, которыя приклеиваются, одно по одному, самымъ тщательнымъ образомъ. Японцы положительно не употребляютъ ничего, кромѣ шелковыхъ охоловьевъ и шелку для изображенія своихъ любимыхъ животныхъ; въ особенности превосходно воспроизводятъ они въ миниатюрѣ петушковъ, куръ, фазановъ, утокъ, кошекъ и маленькихъ болонокъ. Натуральные волосы и перья они берутъ только при изготовленіи мухоловковъ, метелокъ и опахалъ. Особенно послѣднія отличаются рѣдкимъ изяществомъ, преимущественно же бѣлыя, испещренныя по срединѣ двумя или тремя перушками веселыхъ и отлично подобранныхъ цвѣтовъ.

Фабрикація кистей достигла послѣдней степени совершенства и дешевизны, какъ впрочемъ должно быть въ странѣ, гдѣ они замѣняютъ всѣ наши письменныя, чертежныя и рисовальныя принадлежности. Японскія кисти дѣлаются изъ выдроваго, барсучкаго и особенно лисьяго волоса. Изготовляемые въ княжествѣ Сатсуму отличаются прочностью.

Шелковые шнуры и кисти играютъ важную роль не только въ отдѣлахъ упряжи, но и въ завязкахъ и кирахъ, въ приборахъ военной экипировки и статскомъ плащѣ, какъ мужскомъ, такъ женскомъ, потому что наши шнурки, крючки, застежки и булавки совершенно незнакомы въ японскомъ туалетѣ. Притомъ же, японцы извлекаютъ также пользу изъ льна, пеньки, хлопчатой и растительныхъ бумажъ, при изготовленіи нитокъ, тесемокъ, шнурковъ, веревокъ и канатовъ.

Мотки шелка приносятъ величайшую честь мотальщицамъ. Въ числѣ этихъ вещей можно видѣть изящныя игрушки для игры въ воланъ и для соколиной охоты. Струны музыкальных инструментовъ дѣлаются также изъ шелковыхъ нитокъ и покрываются лакомъ.

Корзинки, несесеры, циновки, рокожи, сторы, соломенные коврики плетутся изъ рисовой соломы, тростника, изъ волоконъ одного вида бріоніи, изъ молодыхъ вѣтокъ ивы и изъ бамбуковой коры.

Сторы обыкновенно украшаются рисунками цвѣтовъ и птицъ, отлично вырѣзанныхъ на ажурныхъ пластинкахъ.

Волокна пальмовой коры доставляютъ матеріалъ для великолѣпныхъ метелокъ и превосходныхъ плащей для рыбаковъ. Птичеловы и продавцы домашней птицы употребляютъ бамбуковыя кѣшки, форма которыхъ мѣняется отъ общаго типа улья и крытой корзины, до граціозныхъ подражаній сельскимъ павильонамъ и садовымъ домикамъ.

Подъ большими плетеными колоколами изъ бамбука, мясники и рестораторы выставляютъ на показъ прохожимъ лучшія части дичины, какъ напримѣръ дикаго кабана, оленя и чернаго медвѣдя изъ Гесо. Что касается до животныхъ, считающихся хитрыми и злыми, то имъ такой чести не оказывается: лисица, растянута на мясномъ прилавкѣ, осуждена держать въ зубахъ ножъ, который ее распластаетъ; обезьяна, повѣшенная за всѣ четыре конечности къ дверному косяку, становится предметомъ смѣха уличныхъ ребятъ, которые издѣваются, сколько душѣ угодно, надъ ея красною и выдѣлывающею гримасы мордою.

ГЛАВА XXXVII.

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Художественность японцевъ въ дѣлѣ промышленности. — Рисованіе на стеклѣ. — Эмазевыя работы. — Отсутствіе ювелировъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ. — Бронза. — Лакированныя вещи.

Каково бы ни было разнообразіе предметовъ промышленности, выставленныхъ на показъ въ лавкахъ купеческаго города, но есть черта, характеризующая ихъ отпечатокъ, обезпечивающій имъ особенное мѣсто, между всѣми подобными же произведеніями крайняго Востока: я рѣшаюсь назвать его изыщнымъ вкусомъ, не опасаясь возраженій со стороны знатоковъ. Рабочій въ Іеддо — рѣшительно художникъ. Если исключить условный стиль, которому онъ считаетъ себя обязаннымъ до сихъ поръ подчиняться при изображеніи человѣческаго лица; если извинить ему недостаточное знаніе правилъ перспективы, то во всемъ остальномъ придется ратовать ему однѣ похвалы. Его издѣлія отличаются отъ кіотскихъ простотою формъ, строгостію линий, умѣренностію украшеній и тонкимъ пониманіемъ природы, что онъ ежеминутно доказываетъ во всѣхъ предметахъ орнаментациі, заимствуемыхъ у растительнаго или животнаго царства. Притомъ же это его любимыя предметы: цвѣты и птицы имѣютъ особую способность вдохновлять его рисунки, передъ красотою, истинною и гармоніею которыхъ приходишь просто въ восторгъ. Что касается до совершенства исполненія, то оно въ обихъ столицахъ въ одинаковой степени превосходно.

Я вовсе не думаю прилагать этихъ общихъ замѣчаній ко всѣмъ группамъ промышленныхъ издѣлій, находящихся въ магазинахъ Іеддо. Подобный предметъ долженъ обсуждаться специалистами; я же задѣваю его мимоходомъ, посвящая ему нѣсколько замѣчаній, вынесенныхъ изъ торопливыхъ прогулокъ.

Остановимся передъ магазиномъ художественныхъ и промышленныхъ издѣлій; толпа любопытныхъ всякаго пола и возраста смотритъ съ наивнымъ удивленіемъ на большіе акваріумы изъ толстаго голубаго и бѣлаго фарфора, гдѣ въ прозрачной водѣ рѣзвятся красныя рыбки, отдыхающія на ложѣ изъ мелкихъ раковинъ. Посреди бассейновъ три или четыре хорошо подобранныхъ растений, въ полномъ цвѣтѣ, представляютъ живописную группу, гдѣ блескъ красокъ и граціозныя контуры листьевъ, цвѣтовъ и вѣтокъ превосходно гармонируютъ между собою. При этомъ не упущена ни одна изъ мельчайшихъ подробностей красивой обстановки и согласнаго подбора. Ежедневно садовникъ руководитъ, такъ сказать, дѣломъ природы, ограничивая или расширяя назначенныя для развитія ея предѣлы. Замѣчательнѣе всего то, что фантазія никогда не увлекаетъ его къ преувеличеніямъ, которыя въ Китаѣ и другихъ странахъ оскорбляютъ природу, наполняютъ ее деревьями, подстриженными въ геометрическія фигуры, и кустарниками, расположенными въ видѣ животныхъ. Вкусъ японцевъ въ геометрическія фигуры, и кустарниками, расположенными въ видѣ животныхъ. Вкусъ японцевъ въ народномъ искусствѣ, независимый отъ условнаго вліянія обоихъ дворовъ, сохраняетъ всю свѣжесть только-что распутившейся цивилизаціи. Конечно, и онъ не изъять отъ нѣкотораго дѣтства: свидѣтель — совершенно ребяческая страсть всѣхъ классовъ общества къ гигантскимъ цѣлкамъ и деревьямъ, и карликамъ. Я видѣлъ акваріумы нѣсколько исключительныхъ размѣровъ, гдѣ находили средство соединять всѣ существенныя условія полнаго пейзажа: озеро, острова, часть скалъ, хижины

на берегу, а на вершинѣ холмовъ настоящую бамбуковую и кедровую рощу въ миниатюрѣ; иногда присоединяли къ этому нѣсколько крохотныхъ человечковъ, двигающихся вездѣ и впередъ, сообразно съ движеніемъ рукоятки, какъ у поддѣльныхъ автоматовъ.

Подобное дѣйство проявляется во множествѣ частности японской жизни. Тутъ,—принести фарфоровую джонку въ собраніе гостей: джонка разбирается на части, составляющія весь ассортиментъ необходимыхъ принадлежностей чайнаго прибора. Тамъ,—часть столовой посуды состоитъ изъ такихъ крошечныхъ чашечекъ, изъ такого тонкаго, прозрачнаго, легкаго фарфора, что до него не рѣшается прикоснуться пальцемъ. Изъ того же фарфора, называемаго орѣховою скорлупою, дѣлають чаши и чайныя чашки, которыя, изъ предосторожности, обертываются въ превосходно сплетенную изъ бамбуковыхъ волоконъ сѣтку.

Въ комнатахъ вѣшаютъ иногда, въ видѣ украшенія, клѣтки для бабочекъ и птичекъ: наверху ихъ ставится цвѣточная ваза, откуда ниспадаютъ со всѣхъ сторонъ ползучія растенія, подъ которыми птицы гнѣздятся, будто подъ сводомъ изъ зелени. Бумажные фонари, привѣшанные къ потолку, веранды, нѣрѣдко соединяются съ цвѣтными стеклянными колокольчиками, а тонкая и длинная металлическая игла, замѣняющая язычекъ, поддерживаетъ, посредствомъ шелковинки, легкую, раскрашенную или позолоченную, бумажную ленту. При малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, бумажныя ленты приходятъ въ движеніе, металлическія иглы раскачиваются и ударяють въ стѣнки стеклянныхъ колокольчиковъ, а звуки отъ нихъ смѣшиваются вмѣстѣ въ неопредѣленную мелодію, похожую на сотрясеніе золотой арфы.

Японцамъ неизвѣстна фабрикація оконныхъ стеколъ и бутылокъ; но они любятъ дѣлать изъ стекла небольшія вещи: флаконы для духовъ, небольшія бѣлыя трубочки съ длиннымъ голубымъ чубукомъ, бѣлыя чашечки, на днѣ которыхъ вкладется красный крабъ, всплывающій наверхъ, по мѣрѣ того, какъ въ чашку наливаешь какую нибудь жидкость, наконецъ, шарики, наполненные на половину водою, окрашенною въ яркій цвѣтъ; украшеніе это приспособлено къ булавкамъ женскихъ причесокъ.

Мнѣ показывали въ Иедо пробы рисунковъ на стеклѣ и работъ изъ эмали, указывающихъ, что въ художникѣ было больше старанія чѣмъ знанія. За всѣмъ тѣмъ, въ числѣ по-истинѣ оригинальныхъ мѣстныхъ рѣдкостей укажу на маленькіе каменные шарики, высверленные, ограненные и изукрашенные эмалью или арабесками, которые иностранцы покупають для ожерелій, а туземцы употребляютъ вмѣсто кистей къ шелковымъ шуркамъ, или на четки.

Перламутеръ и эмаль употребляютъ въ миниатюрныхъ подѣлкахъ, накладываемыхъ на металлическія вещи.

Искусство золотильщика главнымъ образомъ заключается въ умѣніи накладывать тонкіе, золотые листики на разнообразныя предметы, которые заслуживають, по мнѣнію мастера, такого украшенія, — между прочимъ — къ сѣянію и ореоламъ Будды, на рамки театральныхъ вывѣсокъ, на рѣзбу паризовъ у алтарей, древнихъ священнѣхъ знаменъ и копьевъ военныхъ штандартовъ, также какъ на подолвинки ширмъ благороднаго стиля, гдѣ на золотомъ фонѣ красуются нарисованные витайскою тушью, въ двѣ кисти и отъ руки, большіе эскизы, изображающіе охотничьи сцены и кроки лошадей.

Кромѣ послѣднихъ и озабоченныхъ, не лишенныхъ художественности и оригинальности, мнѣ показывали нѣсколько работъ, гдѣ рисунокъ накладывается на слой золотого песку, такъ превосходно прилежнаго къ дощечкамъ картины, что се можно оправлять въ рамку и вѣшать, не помѣщая подъ стекло. Подобныя работы не имѣють въ себѣ другаго достоинства, кромѣ безполезнаго блеска и сознанія побѣжденныхъ трудностей; онѣ совершенно выходятъ изъ области народнаго искусства и должны скорѣе принадлежать искусству монастырскаго буддизма или старой школы миниатюристовъ Кіото, которые могутъ потягаться между собою въ страсти къ позолоченному фону.

Но какъ бы ни было, а описанія старинныхъ посольствъ не въ мѣру преувеличивали богатство украшеній и мебелировки во дворцахъ микадо и сіюгуновъ. Напротивъ, въ Европѣ нѣтъ ни одной королевской резиденціи, гдѣ бы нельзя было встрѣтить гораздо болѣе внутренняго богатства, чѣмъ въ императорскихъ помѣщеніяхъ въ Кіото и въ Иедо.

Какъ чрезвычайно вѣрно замѣтилъ г. дю-Шень-де-Белькуръ, въ статьѣ своей въ *Revue des Deux Mondes*, о тройной японской выставкѣ на Марсовомъ-Поля, роскошь японцевъ заключается скорѣе въ художественности, чѣмъ въ пышности. Много золота и драгоценныхъ камней здѣсь можно встрѣтить развѣ только на дѣлкахъ микадо и кизаки. Вельможи болѣе всего гордятся древностію вещей, составляющихъ ихъ домашніе украшения. Въ ихъ глазахъ больше всего имѣть цѣны полный приборъ

изъ стариннаго, потрескавшаго фафора, или вазы изъ античной бронзы, — тяжелыя, массивныя, черныя, отполированныя какъ мраморъ, или, наконецъ, мебель и посуда, крытая тѣмъ стариннымъ лакомъ изъ матоваго золотого порошка, который называется сальвокатомъ.

Въ Японіи, собственно говоря, не существуетъ ни ювелировъ, ни золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Страна заключается въ себѣ серпентинъ, малахитъ, аметистъ, топазъ, а между тѣмъ въ ни на комъ даже на самой кокетливой женщинѣ, не увидите ихъ въ числѣ украшеній и драгоценностей. Послѣ матеріи, главная роскошь ихъ заключается въ большихъ черепаховыхъ или металлическихъ булавкахъ съ накладными эмблематическими изображеніями, которыми увынчиваютъ тяжелое зданіе прически. Поэтому не слѣдуетъ удивляться, что гранильщики въ Иеддо не работаютъ ничего кромѣ вещей изъ горнаго хрустала. Модные торговцы постоянно предлагаютъ европейцамъ превосходные экземпляры такихъ вещей, чрезвычайно искусно отполированныхъ и обдѣланныхъ въ видѣ гладкаго шарика или многогранной призмы, но запрашиваютъ за нихъ немалѣнко дорого.

Работы, ближе всего подходящія къ занятію золотыхъ дѣлъ мастера, имѣютъ предметомъ украшеніе оружія якуинцевъ, такъ-какъ послѣдніе больше всего хлопочутъ о томъ, чтобы обогатить и разукрасить, хотя въ самомъ невинномъ стилѣ, рукоятку, душку и ножны своихъ обихъ сабель, также какъ металлическую ручку ножа, который вкладывается въ футляръ, вдѣланный въ ножны меньшей сабли. Подобныя украшенія — верхъ совершенства въ отношеніе гравировки, чеканки и умѣнья соединять металлы. Для этого, поочередно, употребляется золото, серебро, сталь, мѣдь, бронза и композиція, известная подъ названіемъ *саваскаю металаа*, изъ котораго дѣлаются также линейки для графленія, пресс-напье, застѣжки, замки и портфели.

Самыя дуншія металлическія вещи Японіи изготовляются въ Иеддо. Магазины бронзы въ купеческомъ городѣ считаются въ числѣ самыхъ интересныхъ туземныхъ рѣдкостей. Нѣкоторые представляютъ видъ большихъ базаровъ, гдѣ, подлѣ залъ, назначенныхъ подъ бронзу, выставлены всѣ сдѣланныя принадлежности (то есть кромѣ сѣделъ и упряжи) — стремени, удила, бубенчики, также какъ и полное снаряженіе всадника, включая сюда металлическія перчатки, каску и кирасу. Отдаленныя комнаты предназначены для домашнихъ принадлежностей, какъ, напримѣръ: мелкихъ желѣзныхъ вещей и кухонной посуды изъ желѣза, красной или желтой мѣди и жести. Главная выставка бронзовыхъ издѣлій обращаетъ въ особенности вниманіе огромными работами монументальнаго стиля, употребляющимися въ буддистскій религіи. Къ числу ихъ можно отнести колокола, украшенные богатою рельефною рѣзбою; продолговатые барабаны, разставленные на подмосткахъ; большіе пустые внутри шары, замѣняющіе гонги; звонкія дощечки или треугольники, привѣшанные къ металлической перекладинѣ; съ другой стороны — вазы, украшающія главный алтарь; одиѣ, увѣнчанныя цвѣтами лотуса, сдѣланными изъ металла же подъ чернью; другія — предназначенныя для поддержки громадныхъ букетовъ натуральныхъ цвѣтовъ; подальше — высокіе канделябры въ видѣ павильоновъ съ крышами, украшенными колокольчиками; за ними алтарь для благовоной на треножникѣ, а вверху изящная жаровня съ двумя ручками и крышкою, гдѣ продѣланы дырочки для прохода дыма; наконецъ статуи и статуэтки святыхъ и священныхъ животныхъ, напримѣръ: аиста, журавля, черепахи и фантастической корейской собаки, держащей подъ одною лапою пустой шаръ, вращающійся вокругъ своей оси.

Что касается до вещей не такихъ крупныхъ размѣровъ, то ихъ такое множество, что и по-неволѣ долженъ ограничиться указаніемъ на двѣ или на три особенно выдающіяся: таковы, напримѣръ, вадила; просточки для жертвоприношенія сакки, небольшой священный скипетръ, оканчивающійся въ обоихъ концѣхъ полугагнутымъ когтемъ, таинственный инструментъ, которому приписываютъ магическія свойства: жрецы обыкновенно, употребляютъ его для полировки зеренъ на своихъ четкахъ; наконецъ, самое замѣчательное — канделябры съ одною или съ нѣсколькими вѣтвями, обдѣланными болѣею частью въ видѣ странныхъ членивъ или граціозныхъ фантастическихъ фигуръ, — растеній, большихъ болотныхъ птицъ, дѣтей, играющихъ съ цвѣтами. Вѣтви канделябровъ снабжаются острыми, на которыя насаживаютъ высокія свѣчи изъ растительнаго воску, зажигаемыя съ толстаго конца. Кромѣ того, во всякомъ буддистскомъ храмѣ виситъ, по крайней мѣрѣ, одна лампа, гдѣ тщательно и постоянно поддерживаютъ огонь. Что касается домашнихъ лампъ, изготовляемыхъ въ видѣ чашъ, то ихъ скорѣе можно отнести къ числу простыхъ ночниковъ; ихъ ставятъ въ высокія вѣтки изъ прозрачной бумаги или на тонкій желѣзный треножникъ: хлопчатобумажная свѣтильна-погруженная въ масло, кладется на слой тростниковой мякоти.

Въ числѣ бронзовой посуды для домашняго японскаго хозяйства, слѣдуетъ указать на жаровни (бразеро), рукоумойники и даже асваріумы, превосходной работы; но если не ошибаюсь, то совер-

шенства достигает японское искусство в изготовлении больших комнатных ваз. Они бывают иногда метра в полтора высоты; одни — великопного желтого цвета, который напоминает блеск золота; роскошь больше всего выплывает в рельефных украшениях, заимствованных из мифологии; другие, более скромного стиля, на гладкой черной поверхности имеют легкие рисунки цветов, птичек и арабесков, сделанных из серебряной проволоки и инкрустованных в бронзу при помощи молотка. Если чтонибудь и может соперничать в благородстве и изящности с этими черными бронзовыми вазами, отделанными серебром, то единственно фарфоровые вазы светлого цвета (морской воды) и светлосинего цвета, украшенные несколькими тонкими рисунками, которых гармонические переливы и нежность отделки заключают в себя невыразимую прелесть.

После этих мастерских произведений из бронзы и фарфора, торжеством японской индустрии является фабрикация мебели и посуды из лакированного дерева. И такова сила таланта, с которым туземный ремесленник умеет пользоваться несравненным японским лаком, — продуктом кустарника того же названия; так велико в нем искусство соединять эффекты с условиями декоративного стиля, что ничтожная стоимость первоначального материала, по окончании работы, может соперничать, по блеску и даже прочности, с самыми лучшими произведениями нашими, в изготовлении которых входят мрамор и драгоценные металлы.

Столярное искусство в Иеде славится своим превосходным подражанием работ из старого лака, так что только опытный глаз в состоянии отличить копию от оригинала. При внутреннем украшении кабинетов, ящиков и сундуков в новом вкусе, преимущественно, употребляется салвокат, авантюриный лак темного цвета, усыпанный золотистыми блестками. Снаружи лак всегда почти кладется одноцветный — красный, коричневый или черный, отбеленный рисунками в два или три тона, также золотыми листьями, плоскими или рельефными. Нередко в лак инкрустуются с изумительным искусством и совершенством арабески, перевившиеся втея, цветы и птицы. Ни в формах, ни в рисунках, ни в орнаментации предметов нельзя подметить ничего такого, что бы не могло выдержать критики самого строгого и чистого вкуса. Если и случается иногда, что *команы*, которым мы даем название кабинетов, кажутся через чур обременены мозаичными работами фарфоровыми, перламутровыми, серебряными и даже золотыми инкрустациями, то это потому, что туземная фабрикация должна была сообразаться с прихотью иностранных покупателей, хотевших непременно найти в Ниппон хотя бы долю грубой роскоши китайских магазинов.

Главные предметы производства из лакированного дерева: норимоны и дорожные сундуки для мѣстной аристократии, шкафы, туалетные сессесеры и мольберты под зеркала для щеголих; этажерки для складывания на них парадного платья, уложенного в картонках, или библиотечных книг и свертков с рукописями; наконец различные предметы, употребляющиеся как при всенародном, так и при частном богослужении, например: попирты, жертвенные столы, кадилницы, треножники для гонгов, подставки для большого барабана и домашние алтари.

Туалетные сессесеры заключают в себя также множество ящичков, изменяющихся по формам, разбрав и орнаментации, смотря по назначению: есть ящики для щеточки и зубного порошку; для румян, пудры и других косметических принадлежностей; для гребней и больших булавок из кости, наконец, — сказать ли, уни! — для накладных кос и подушечек из фальшивых волос.

К числу необходимых аксессуаров женской уборной относится большой овальный умывальник, на дорогах, внутри позолоченный, а снаружи покрытый превосходным черным лаком, по которому разбросаны золотые цветы; потому длинный ящик для укладки трубок и табаку; наконец — шкатулка для писем, завязываемая двумя шелковыми шнурами: узлы шнурков составляют секрет, известный только обладателю шкатулки.

Письменные сессесеры для мужчин, как и подобает, делаются почтенных размеров и в более строгом стиле. У них двойное дно, и нижнее отделение служит шкатулкой для бумаг, между тем как верхнее, снимающееся, заключает в себя все принадлежности для письма, т. е. отдельные листы бумаги, кисти различной величины, палочку китайской туши, также как камень и небольшую чашечку для масла, употребляемых для растирания и разведения чернил.

Кроме письменных ящичков, есть ящики и поменьше, продолговатой формы, которые приписываются у нас, в Европу, обыкновенно за коробки для перчаток: японцы же посылают в них для большей вѣжливости поздравительные и благодарственные письма.

Посуда из лака делается нескольких сортов: одна предназначена для риса, другая для саки, третья для десертов, сопровождающих неизбежно всякую еду, и пр.

Первая состоятъ изъ большихъ чашъ, горшковъ и подносовъ, сообразно съ сортомъ приготовленнаго блюда и приправою къ этому основному кушанью.

Угощеніе саки составляетъ самый церемоніальный моментъ на японскихъ банкетахъ: драгоценный напитокъ торжественно приносится въ большихъ лакированныхъ горшкахъ или въ длинныхъ металлическихъ дудочкахъ, уложенныхъ на бамбуковомъ поставѣ. Потомъ ихъ опускаютъ въ фарфоровые флаконы и грѣютъ въ теплой и душистой водѣ. Большія и маленькія чаши готовятся изъ превосходнаго краснаго лака, украшеннаго фантастическими рисунками, золотыми листьями, или богатою живописью, точно прикрытою прозрачнымъ стекломъ, что дѣлается посредствомъ наложенія легкаго слоя бездѣльнаго лака. Есть великолѣпный выборъ чашъ, гдѣ изображены знаменитѣйшіе виды Японіи или замѣчательные города, лежащіе между обѣими столицами по токайдской дорогѣ. Иногда за столъ подаютъ чаши въ роскошномъ стилѣ, состоящія изъ оправленныхъ въ серебро перламутроваго кораблика-геліотиса и другихъ дорогихъ раковинъ.

Магазинъ бронзовыхъ издѣлій въ Еддо.

Почетными кубками остаются большіе сосуды, которые къ концу банкета наполняются въ урвень съ краями и обходятъ въ круговую, вызывая героическіе тосты.

Въ то же время переходятъ изъ рукъ въ руки горшки изъ чистаго перламутра и мозанковые подносы изъ дорогаго дерева и перламутра, наполненные всѣми чудесами японскаго десерта.

Иногда, передъ угощеніемъ, десертъ ставится на низенькомъ кругломъ столѣ, посреди гостей; каждый сортъ пирожныхъ, варенья и сахарныхъ печеній разложенъ на особомъ блюдѣ, но такъ, что всѣ блюда вмѣстѣ, расположенныя по величинѣ и формѣ, описываютъ на столѣ шесть concentрическихъ круговъ, пересѣкаемыхъ радіусами, которые идутъ отъ центра къ окружности; при этомъ въ каждомъ сегментѣ круга лакомства подбираются подь цвѣтъ, и изображаютъ собой всѣ отѣнки радуги.

Другой сюрпризъ, не менѣе замысловатый, заключается въ томъ, что лакомства раскладываются

въ прехорошенькія небольшія коробочки и прячутся въ лакированную шкатулку, изображающую огромную красную рыбу. Когда наступает минута опустошить внутренность рыбы, каждый изъ гостей запускаетъ руку въ нѣдро искусственнаго чудовища и, на удачу, вынимаетъ коробочку, содержаніе которой часто бываетъ такого свойства, что возбуждаетъ всеобщій хохотъ, такъ какъ японскія конфеты представляютъ не только бездну прекрасныхъ предметовъ, запечаткованныхъ изъ растительнаго и животнаго царства, но даже всевозможныя картины, неудобныя въ печати, и составляющія плодъ высшей степени игриваго воображенія кондитеровъ.

Японскія бомбоньерки также разнообразны въ своемъ родѣ, какъ и коробочки съ сухими конфетами нашихъ рождественскихъ елокъ: есть и лакированныя, и картонныя, и изъ папье-маше, и изъ перламутра, и изъ сахарнаго тѣста; однѣ гладкія и безъ украшеній, другія съ позолотою, съ картинками, съ золотыми листиками, съ полосками серебряной бумаги, въ числѣ ихъ слѣдуетъ замѣтить такія, которые служатъ для какого нибудь спеціальнаго лакомства, напримѣръ, наше небольшое пирожное для дѣтей, и морскіе плоды, сахарное печенье, очаровательное по виду и цвѣту, представляющее безконечный вариантъ морскихъ растений и раковинъ.

Совсѣмъ тѣмъ, чтобы отдать справедливость точному пониманію вещей буржуа Геддо, необходимо прибавить, что и въ одной только фабрикаціи бомбоньерокъ позволяетъ онъ столарямъ щеголять всѣми ресурсами искусства. Ихъ соревнованію предоставляются болѣе возвышенныя предметы: ящики для вѣнчаемыхъ во время народныхъ церемоній и домашняго богослуженія, шкатулочки, заключающія въ себѣ все, необходимое для приложенія прижигательнаго свертка (моксы) или для операціи кровопусканія рожками. Кромѣ того, превосходнѣйшія работы мозаистовъ, то есть, миниатюры изъ лака и перламутровыхъ блесковъ, представляющія птицъ, цвѣты и деревья, назначаются для медицинскихъ ящичковъ, родъ табакерокъ съ четырьмя или пятью накладывающимися другъ на друга отдѣленіями, которыя можно снимать и закрывать посредствомъ двухъ шелковыхъ снурковъ: въ нихъ вкладуются обыкновенно пилюли съ опиумомъ, теріакъ, порошокъ изъ мятнаго масла и сахарный порошокъ.

Буржуа носитъ свой медицинскій ящикъ у пояса, вмѣстѣ съ трубкою и кيسомъ съ табакомъ; когда онъ чувствуетъ потребность лечиться, то беретъ лекарство изъ ящика и принимаетъ его безъ всякаго докторскаго совѣта. Ему впрочемъ не дозволяется проникать въ аптеку. Хозяинъ работаетъ съ своими помощниками на глазахъ всей публики, но подъ защитою рѣшетки изъ лакированнаго дерева, передъ которою покупщики стоятъ на улицѣ и терпѣливо ожидаютъ, пока хозяину угодно будетъ выдать имъ лекарство и получить отъ нихъ деньги черезъ рѣшетку своего святилища.

ГЛАВА XXXVII.

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ.

Домашняя обстановка. — Куняныя. — Условия понятія о причинѣ. — Минеральныя воды. — Домашнія леченія. — Братство слѣпцовъ. — Его привилегіи.

Народы китайской цивилизаціи не имѣютъ ничего похожаго на благотѣльное семитическое постановленіе объ одномъ днѣ отдыха, соблюдаемомъ регулярно черезъ каждый извѣстный промежутокъ трудовыхъ дней. У нихъ есть мѣсячные или патрональные праздники, которыми рабочіе классы пользуются вообще мало, и всю первую недѣлю въ началѣ года, въ продолженіе которой работы прекращаются, городское и сельское населеніе предается увеселеніямъ, каждый сообразно своему общественному положенію и средствамъ.

Геддскій буржуа, и вообще рабочій, фабрикантъ, японскій купецъ, до прибытія европейцевъ, жили при самыхъ исключительныхъ экономическихъ условіяхъ. Работая лишь для внутренняго потребленія страны, и безъ того щедро надѣленной природою, достаточно обширной и воздѣланной для удовлетворенія всякихъ нуждъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ они вкушали прелесть скромной и легкой жизни. Теперь все перевернулось. Я присутствовалъ при послѣднихъ дняхъ этой эпохи

невинности, когда, за исключением нѣсколькихъ крупныхъ негоціантовъ, которыхъ фортуна упорно продолжала награждать своими щедротами, каждый работалъ вообще на столько, чтобы жить и каждый жилъ для того, чтобы наслаждаться. Даже работа входила въ категорію самыхъ чистыхъ и пылкихъ наслажденій. Работникъ страстно предавался своему дѣлу, и не только не считалъ посвящаемыхъ труду часовъ, дней, недѣль, но съ трудомъ отрывался отъ него, и не тогда, когда доводилъ работу до извѣстной базарной стоимости, о чемъ онъ мало заботился, но тогда, когда она достигала большей или меньшей степени совершенства. Уставалъ ли за работой, онъ оставлялъ мастерскую и отдыхалъ, сколько душой угодно, или въ стѣнахъ собственного дома, или въ сообществѣ пріятелей, въ какомъ нибудь мѣстѣ общественныхъ увеселеній.

Нѣтъ ни одного порядочнаго японскаго буржуа, у котораго не было бы при домѣ маленькаго сада, священнаго убѣжища уединенія, сестры, для любимыхъ чтеній, рыбной ловли, продолжительнаго чаепитія или возлѣзній саки.

Цѣпи холмовъ, проходящія по кварталамъ, лежащимъ къ югу, западу и сѣверу отъ Замка, замѣчательно богаты красивыми скалами, очаровательными долинами, гротами, источниками, прудами, которыми пользуется маленькое хозяйство самымъ изобрѣтательнѣйшимъ образомъ, чтобы соединить на крошечномъ пространствѣ удовольствія разнообразной мѣстности. Если природы не хватаетъ, тогда принимаются дѣлать свѣжую живую изгородь или бамбуковые палисады и перегородки, прикрывая ихъ ползучими растеніями. Если изъ сада имѣется ходъ прямо на улицу, тогачи перебарываютъ сельскій мостикъ черезъ каналъ передъ воротами, а послѣдніе маскируютъ группами деревьевъ и кустарниковъ съ густою листвою. Чуть переступилъ за порогъ, а ужъ кажется очутился въ глубинѣ дѣвственнаго лѣса, далеко отъ всякаго человѣческаго жилья. На небрежно брошенные, въ видѣ ступеней, обломки скалъ приглашаютъ посѣтителя взойти на холмы, а разъ тамъ — подъ погами его сразу открывается очаровательный видъ: въ глубинѣ амфитеатра въ зелени и цвѣтѣхъ онъ видитъ граціозно выгнувшійся прудъ, берега котораго завѣшаны лотусомъ, рисомъ и кушинецками; легкій деревянный мостикъ пересѣкаетъ его; ведущая къ нему тропинка спускается со ступени на ступень, и длинными извилами проходитъ мимо рощъ бахромчатаго бамбука, азалеи, малорослыхъ па... и камелій; далѣе — у подножія, красивые сосновые группы, изъ самыхъ невысокихъ породъ, вѣчающихъ скалы, одѣтыя плющомъ; и наконецъ — вдоль зеленые или пестрящіе цвѣтами холмы гдѣ лилія поднимаетъ свой бѣлый вѣнчикъ надъ малорослыми, или подстриженными, въ видѣ шаровъ, кустарниками.

Смотря на эту картину изъ глубины долины, вы видите со всѣхъ сторонъ только граціозныя линіи, волнообразную мѣстность, удивительно гармоническое сочетаніе формъ и красокъ. Тутъ ничто не останавливаетъ особаго вниманія, но все, какъ общее, такъ и детали сцены, приглашаютъ умъ успокоиться, ублаживаютъ его мечтательностью, не оставляютъ ему ниаго впечатлѣнія, кромѣ неопредѣлаго наслажденія тишины и отдыха.

Но хотя японцы и пѣжата, при случаѣ, въ этомъ состояніи, близкомъ къ физическому безчувствию и уничтоженію идеала, предписанному будизмомъ, но далеко не отдаются ему по страсти или по системѣ. Если они и обладаютъ духомъ послѣдовательности во всемъ, что касается ихъ повседневной жизни, то его слѣдуетъ скорѣе объяснять гігіеническими привычками.

Въ числѣ послѣднихъ купанья стоятъ въ первомъ ряду. Независимо отъ утреннихъ обливаній, каждый или почти каждый день японцы всякаго возраста и пола берутъ горячія ванны. Они любятъ, чтобы температура ея была скорѣе выше, чѣмъ ниже пятидесяти градусовъ (по стоградусному дѣленію). Въ водѣ они остаются отъ четверти часа до получаса, то погружаясь до плечъ, то имѣя воды только по поясъ, смотря потому ложатся они или присѣдаютъ; во все это время, они тщательно наблюдаютъ какъ бы не намочить голову. Слѣдствіемъ такой неразумной привычки бывають очень часто приливы врови къ головѣ, а иногда и апоплексическіе удары.

Обычай, перешедшій въ повседневную потребность и соблюдаемый всѣмъ огромнымъ населеніемъ, очевидно не можетъ держаться въ секретѣ. Поэтому въ Японіи установился родъ вѣмага соглашенія, въ силу котораго ванна относится къ категоріи такъ называемыхъ индифферентныхъ дѣйствій съ точки зрѣнія публичной нравственности, ни болѣе, ни менѣе какъ отдыхъ, прогулка, ѣзда и питье.

Подобно тому, какъ высшіе классы общества пользуются возможностью имѣть спальныя и столовыя комнаты, точно такъ каждый домъ дворянской и вышей буржуазіи имѣетъ одну или двѣ ванныя комнаты, предназначенныя для купанія; нѣтъ даже ни одного мало мальски порядочнаго буржуазнаго семейства, гдѣ бы не водился уголокъ для ванны, снабженный нагревательнымъ аппаратомъ.

Когда ванна готова, вся семья пользуется ею поочередно: сначала отец, потом мать, за ними дѣти, и, наконец, прислуга. Рѣдко случается, чтобы утилизовали общую ванну, такъ какъ издержки на постоянную топку ея превосходили бы многими расходы, по абонентной платѣ семейства, въ какую прибуди изъ общественныхъ бань. Вотъ почему большинство народонаселенія только и пользуется послѣдними. Онѣ встрѣчаются на всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ улицахъ и въездъ привлекаютъ такое множество купальщиковъ, особенно въ два послѣдніе часа дня, что содержатели, дабы не отсылать никого, должны были пускать всѣхъ кучами въ одинъ и тѣ же резервуары. Такихъ постоянно имѣется, по крайней мѣрѣ, два, раздѣленныхъ низенькою перегородкою или досчатыми мостиками и достаточно просторныхъ для помѣщенія заразъ отъ двѣнадцати до двадцати купальщиковъ. Обыкновенно женщины и дѣти группируются въ одной половинѣ, мужчины — въ другой; но при этомъ не нарушается основной принципъ, требующій, чтобы каждый новоприбывшій помѣщался тамъ, гдѣ найдеть себѣ мѣсто, кто бы ни были лица, пришедшія раньше его. Самъ содержатель помѣщается на эстрадѣ, откуда ему легко наблюдать какъ за входящими, которые обязаны платить ему, мимоходомъ, деньги, такъ и за раздѣвающимися или купающимися. Въ видѣ развлечения, онъ покуриваетъ трубки или почитываетъ романы.

Власть условнаго обычая, управляющаго общественными банями, простирается даже за порогъ этихъ заведеній, то есть если кто изъ купающихся того или другаго пола испытываетъ потребность подышать на тротуарѣ чистымъ воздухомъ, то каждый уважаетъ такое желаніе, какъ входящее въ программу условнаго обычая; и даже болѣе, та же власть защищаетъ ихъ до порога собственнаго дома, если имъ вздумается донести туда во всей чѣлости красивый пѣвтъ варенаго рака, окрасившій тѣло ихъ въ горячей ваннѣ.

Какъ ни странно кажутся намъ эти нравы, но неоспоримо, что ни одинъ японецъ, до прибытія европейцевъ, не догадывался, что они могутъ имѣть предосудительную сторону. Напротивъ, они ему казались вполне соответственными съ привычками домашней жизни и безукоризненными съ нравственной точки зрѣнія, потому что исключали всякую постороннюю заботу, и редъ гигиенической и религиозною обязанностью очищенія тѣла. Съ своей стороны, европеецъ не хотѣлъ вѣрить въ дѣйствительность отсутствія всякаго посторонняго побужденія, въ возможность отвлеченной добротѣ, которыми туземцы хвалились. Войдя самъ въ общественныя бани, европеецъ взглядами и улыбками обратилъ въ неприличное то, что до тѣхъ поръ не считалось такимъ ни въ чьихъ глазахъ: «у этого народа стыда нѣтъ», говорилъ онъ презрительно. Этотъ иностранецъ не имѣлъ ни малѣйшаго нравственнаго чувства», возразилъ японецъ. Не имѣя, съ своей стороны, никакой претензіи заканчивать споръ, ни желанія длить его, я, тѣмъ не менѣе, не могу согласиться съ общепринятымъ мнѣніемъ, отказывающимъ жителямъ Японіи въ пониманіи стыда. Одинъ изъ нихъ, участвовавшій во всемирной выставкѣ, говорилъ совершенно резонно: «въ Парижѣ среди бѣлаго дня дѣлаются такія вещи, какихъ никто изъ насъ не рѣшился бы позволить себѣ ночью, въ присутствіи свидѣтелей».

Но есть другая черта болѣе неоспоримая, могущая объяснить многія особенности — именно отсутствіе у японцевъ чувства пластической красоты, вслѣдствіе чего оно и не имѣетъ вліянія надъ ихъ воображеніемъ, между тѣмъ какъ наше находится въ постоянномъ возбужденіи, благодаря модамъ, нравамъ и образу жизни. Въ этомъ отношеніи ничего нѣтъ характеристичнѣе того способа, какимъ туземные живописцы рисуютъ героевъ и героинь въ сценахъ жанра и любовныхъ похожденияхъ. Но еще немногое, — и Японія очутится подъ вліяніемъ японцевъ, посѣтившихъ Европу, и особенно тѣхъ, которые живутъ въ ней въ настоящее время по-долгу. Если сравненіе обѣихъ цивилизацій и не вызоветъ въ нихъ восторженнаго примѣненія нашей въ мельчайшихъ подробностяхъ, то можно быть увѣреннымъ, что оно, во всякомъ случаѣ, преобразуетъ національные обычаи съ тѣхъ сторонъ, которыя возбудили насѣвшихъ чужеземцевъ.

Нѣкоторыя изъ лучшихъ общественныхъ бань въ Іеддо, къ обычнымъ ресурсамъ подобныхъ заведеній, прибавляютъ еще улучшенія съ терапевтической цѣлью, какъ, напримѣръ, особенныя ванны и души холодной и теплой воды.

Доктора достаточныхъ классовъ общества всегда выигрываютъ въ расположеніи своихъ пациентовъ, прописывая имъ, въ продолженіе хорошаго времени года, длинный курсъ леченія въ какой-нибудь гористой мѣстности, славящейся цѣлебнымъ свойствомъ своихъ водъ. Особенно знамениты въ этомъ родѣ воды на островѣ Кіузіу, у подножья вулкановъ Азо и Вунсентаке. Тамашніе теплые источники по большей части сіринсты и весьма высокой температуры. Ихъ въ особенности употребляютъ въ ревматическихъ и накожныхъ болѣзняхъ.

Целительница жидов в Иерусалиме.

Японцам до сихъ поръ не приходило на мысль возвысить прелесть лечебнаго сезона ваннъ учрежденіемъ рулетокъ и *trente et quarante*. Всѣ люди порядочнаго здѣшняго общества презируютъ азартныя игры. Карты составляютъ занятія конюховъ и лакеевъ, да и тѣмъ запрещено играть на деньги.

денег.

Небогатый буржуа не слишком-то охотно кинет свои обычные дѣла, чтобы увеличивать собою число клиентов модныхъ минеральныхъ водъ. Въ случаяхъ супружеской несовѣстливости, заведѣвающей факультетомъ, онъ скорѣе отворачивае на богомолье, чѣмъ на водолечеіе.

Притом же о медичинѣ у него свои понятія. Скрытая причина всѣхъ пертурбацій человѣческой машины, по его мнѣнію, заключается въ болѣе или менѣе неправильномъ дѣйствіи желудочныхъ вѣтвровъ, повидимому совершенно тождественныхъ съ тѣми, о которыхъ говоритъ Станарелли, то есть вѣтвровъ, образующихся черезъ испаренія вліяній, существующихъ въ области болѣзней. Ежедневныя ванны много способствуютъ, безъ сомнѣнія, ихъ отдѣленію и разсѣянію. Совсѣмъ тѣмъ, еслибы случилось какое нибудь непредвидѣнное разстройство, внезапная болѣзнь, во время работы или отдыха, тогда не душно имѣть подъ рукою ящичекъ съ медикаментами, почему послѣдній и прилѣпившася всегда къ поясу, на тѣхъ же самыхъ снуркахъ, гдѣ трубка и мѣшокъ съ табакомъ. Но если газы, производящіе всѣ болѣзни, сопротивляются порошкамъ и пилюлямъ ящичка, тогда, смотря по обстоятельствамъ, слѣдуетъ прибѣгать или къ ѣдкимъ прижиганіямъ или къ кровопусканію по способу иглы. Въ первомъ случаѣ вмѣстѣ съ хирургомъ не требуется. Всякая порядочная семья имѣетъ свой запасъ маленькихъ конусовъ изъ листьевъ черныбыльника, посредствомъ которыхъ ставится мочка, точно также какъ всякая порядочная хозяйка обязана знать, смотря по симптомамъ или проявленіямъ болѣзни, мѣста тѣла, гдѣ слѣдуетъ прижиганіе, такъ, напримеръ: при несвареніи желудка, боляхъ въ животѣ и потери аппетита — плечи; при грудныхъ болѣзняхъ — позвоночный столбъ, при боли зубовъ — мускулы, приводящіе въ движеніе большой палецъ на рукѣ, и такъ далѣе. И такая репутация мочки въ японскомъ народѣ, что его очень нерѣдко употребляютъ въ видѣ предохранительнаго средства и даже въ извѣстныхъ промежутки времени, одинъ или два раза въ годъ, съ помощью разнаго рода средствъ отъ колючихъ, состоитъ въ томъ,

Крошечное игло, считающееся радикальным средством от колды, состоит из того, что посредством тонкой золотой или серебряной иглы, делается от шести до девяти глубоких наколов в желудочной полости, где кроется болельщик.

Какъ въ некоторыхъ европейскихъ странахъ существуетъ классъ эмпириковъ, соединяющихъ съ профессіею цирюльника искусство вырывать зубы, ставить півники и банки, такъ и въ Японіи есть цѣлая категорія хирурговъ низшаго разряда, которые спеціально посвящаютъ себя искусству прикладыванія мокси, въ особенности же кровопусканію иглой. Ихъ называютъ *тениси*, «опущивателями», вслѣдствіе предварительныхъ приемовъ необходимыхъ при операціи. Какой бы таланты они не выказали въ отравленіи своихъ разнообразныхъ обязанностей, но имъ ни за что не дозволено заниматься «главнѣйшимъ» родомъ леченія, весьма употребительнаго въ Японіи при нервномъ разстройствѣ и ревматическихъ болѣзняхъ.

Причина исследования открыта мной продавцом лака, у которого я имел случай видеть операцию, показавшуюся мне сначала загадочною. В задней части лавки, но всю длину, растянулась на циночках женщина, лежавшая на левом боку, а на ногах у нее сидел здоровый малый и мягко обнимал кулаками плечи.— Это жена ваша? спросил я у доброго буржуа. Вместо ответа, он сдобавил утвердительный знак, а потом вытянул указательный и средний пальцы левой руки и приложил их кь вѣймам, чтобы показать мне, что незнакомец слѣгъ.

Тогда я понял, что законы приличия требуют от японцев, чтобы оглаживае́мъ занимались людьми лишенными зрѣнія (не такъ какъ у насъ въ гидроаэронавическихъ заведеніяхъ), и я еще разъ протестовалъ въ душѣ противъ тѣхъ злыхъ языковъ, которые распространяють невыгодныя слухи относительно отношеній и имперіи великаго Ниппона.

И вспомнил также, что нередко встрѣчал на улицах слабых, пробравшихся осторожно по тротуару, съ черною палкою въ правой рукѣ и съ тростниковымъ свисткомъ въ лѣвой; время отъ времени они подносили свистокъ къ губамъ и испускали, при помощи его, жалобный, продолжительный звукъ.

Этим способом они уведомляют о своем приходе буржуазные семейства, где, быть может, нужно лечить когонибудь оглаживанием. У всех слышны голова выбрита, а платье — из гладкой срой или годубой материи.

И узнал, что они образуют в империи огромное братство, подразделяющееся на два ордена.

Старѣйшій орденъ, Бу-Сетцу, имѣетъ религіозный характеръ и зависитъ отъ даври. Утѣрежденъ онъ и осыпанъ щедротами сына микадо, принцемъ Сень-Миморомъ, который потерялъ зрѣніе, оплакивая смерть своей любовницы.

Спрашиваю себя виданное ли дѣло въ Европѣ, чтобы какой-нибудь вельможа, неговоря уже о князьяхъ церкви, но простой сынъ короля или императора вылабалъ свои глаза ради такой поэтической скорби?

Орденъ, соперничающій съ Бу-Сетцу, называется Феки, и имѣетъ происхожденіе позднѣйшее, хотя и не менѣе радарское.

Великая побѣда, одержанная близъ Симонезеки сіюгуномъ Юритомо, положила конецъ междоусобицамъ войнамъ, раздражившимъ имперію. Феки, глава мятежной партіи, палъ на полѣ битвы. Его мужественный генералъ, Какекиго, долженъ былъ сдаться во власть побѣдителя. Тотъ приказалъ обращаться съ плѣнникомъ со всевозможнымъ уваженіемъ. Когда онъ разреши, что тотъ достаточно уже тронутъ его хорошимъ обращеніемъ, тогда позвалъ къ себѣ и сталъ уговаривать присоединиться къ императорской партіи: «Я былъ вѣрнымъ слугою великодушнаго господина, отвѣчалъ генералъ, и если мнѣ суждено его потерять, то никто въ мірѣ не замѣнитъ его въ моемъ сердцѣ. А на тебя, виновника его смерти, я не могу смотрѣть безъ того, чтобы не пожелать головѣ твоей скатиться съ плечъ и упасть къ моимъ ногамъ. Но великодушіе твое меня тронуло: прими же единственную жертву, какую я еще могу тебѣ оказать!»

Съ этими словами онъ вырвалъ у себя глаза, какъ бы для того, чтобы ихъ преподнести новому своему повелителю.

Юритомо освободилъ его и далъ помѣстья въ провинціи Физго. Съ своей стороны генералъ, съ разрѣшенія микадо, учредилъ для слѣпыхъ орденъ Феки, который скоро превзошелъ числомъ и богатствомъ орденъ Бу-Сетцу. Каждый членъ этого общества долженъ заниматься какимъ-нибудь ремесломъ; есть изъ нихъ и музыканты, играющіе спеціально на бивѣ; но большинство занимается леченіемъ съ помощью оглаживанія. Плата, собранная въ городахъ тѣми и другими, вносится въ центральную кассу, которая принимаетъ на себя, за опредѣленное жалованье, кормить и содержать безъ различія всѣхъ членовъ ордена до самой смерти ихъ.

Управитель ордена живетъ въ Кіото. Говорятъ, будто онъ имѣетъ надъ своими подчиненными право жизни и смерти, но съ условіемъ признанія надъ собой верховной императорской власти.

ГЛАВА XXXVIII.

ДОМАШНІЯ ПРАЗДНЕСТВА И ПЕЧАЛИ.

Свадьба. — Обряды ея. — Наложничество. — Роды. — Ученые ребенка мастерству. — Смерть. — Обряды погребенія. — Погребеніе парія. — Смерть потомковъ христіанъ.

Если иностранцу, живущему въ Японіи не трудно войти въ сношенія съ народомъ и даже проникнуть въ интимныя отношенія буржуазной жизни, то я сомѣляюсь, чтобы ему удалось попасть на семейные праздники въ какой бы то ни было кружокъ туземнаго общества.

Во всѣхъ странахъ крайняго Востока, свадьба дѣвушки празднуется и ведетъ за собою болѣе или менѣе продолжительныя пиршества, только въ домѣ мужа. Но въ то время какъ китаецъ гордится возможностью пригласить на свадьбу сына иностранныхъ гостей, чтобы блеснуть передъ ними пышностью, которую умѣетъ выказывать въ исключительныхъ обстоятельствахъ, Японецъ, въ свою очередь, окружаетъ скрытностью всѣ формальности и церемоніи, относящіяся къ торжественному акту. Онъ смотритъ на него слишкомъ серьезно, чтобы позволить себѣ позвать какое-нибудь постороннее лицо, кромѣ родственниковъ и повѣренныхъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ.

Большая часть японских браковъ является результатомъ семейнаго соглашенія, подготовленнаго педоховоль, подъ вліяніемъ того практическаго смысла, который составляетъ одну изъ чертъ народнаго характера.

Невѣста не приноситъ имущества и денегъ, но ей дѣлаютъ такое приданое, что хоть бы любой дамъ высшаго круга. Съ ея стороны требуется также безукоризненная репутація, мягкій и кроткій характеръ, образованіе, необходимое для ея пола и для всѣхъ распоряженій по домашнему хозяйству.

Расчеты денежныя отодвигаются на второй планъ и имѣютъ характеръ скорѣ товарищеской ассоціаціи, чѣмъ денежной торговли. Вслѣдствіе этого, если буржуа, не имѣющій сыновей, выдаетъ замужъ свою единственную или старшую дочь, то супругъ ея получаетъ званіе пріемнаго сына своего тестя, принимаетъ имя послѣдняго и считается его наслѣдникомъ въ отпращиваніи ремесла или веденія коммерческихъ дѣлъ.

Японскимъ свадьбамъ предшествуетъ стоворъ, на который собираются главные члены обѣихъ семействъ и гдѣ будущіе супруги нерѣдко впервые узнаютъ о намѣреніи родителей въ отношеніи ихъ.

Начиная съ этой минуты имъ доставляютъ случаи видѣться и оцѣнить разумность выбора, сдѣланнаго за нихъ. Визиты, приглашенія, подарки, приготовленія къ устройству будущаго супружескаго помѣщенія для молодыхъ, заключаютъ въ себѣ столько прелести, что скоро юные супруги не могутъ нарадоваться на обѣщанную имъ счастливую участь.

Обыкновенно бракъ совершается по достиженіи женихомъ двадцати лѣтъ, о невѣстою — шестнадцати. Рано по утру, въ домъ мужа переносится приданое молодой дѣвушки и раскладывается съ необыкновеннымъ вкусомъ въ комнатахъ, назначенныхъ для празднованія. При этомъ случаѣ, тутъ передъ алтаремъ, убранномъ цвѣтами и установленномъ приношеніями, вѣшаются изображенія боговъ и святыхъ патроновъ обѣихъ семействъ. Акваріумы обогащаются разнообразными растениями, которыхъ живописныя группы представляютъ символическое значеніе. На лакированныхъ столахъ ставятъ малорослый кедръ и небольшія фигуры, олицетворяющія первую супружескую чету съ ея священными атрибутами: столѣтнимъ журавлемъ и черепахой. Наконецъ дополненіе картины — урокомъ правденности и патриотизма, примѣшиваютъ къ свадебнымъ подаркамъ нѣсколько свертковъ съ сѣдомыми водорослями, раковинами и сушеной рыбой, которая должна напоминать молодымъ супругамъ первобытную пищу и простоту нравовъ древнихъ жителей Японіи.

Около полудня блистательный cortege наполняетъ блистательныя комнаты: молодая жена, одѣтая и закутанная бѣлымъ, идетъ въ сопровожденіи двухъ свадебныхъ подружекъ и толпы родныхъ, сосѣдей и друзей въ церемоніальныхъ костюмахъ, сверкающихъ парчей, пурпуромъ, газомъ и пштемъ. Обѣ свадебныя подружки принимаютъ гостей, указываютъ имъ мѣста, приказываютъ подать закуску и летаютъ отъ одной группы къ другой, какъ того требуетъ присвоенная имъ роль. Ихъ называютъ бабчой-самцомъ и бабочкой-самкой. При этомъ необходимо, чтобы въ покрое и вышивкахъ своего платья, крепа и газа, онѣ олицетворяли очаровательную парочку, которую природа, по мнѣнію японцевъ, сдѣлала эмблемою семейнаго счастья. Желаемъ и намъ, какъ бы говорятъ онѣ молодымъ, также вдыхать цвѣты жизни, порхать въ воздушномъ полетѣ все время земнаго существованія, проходить его всегда радостно, всегда вмѣстѣ, до конца, до тѣхъ поръ, пока счастливая душа ваша не испарится въ послѣднемъ обѣянтіи.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ буддистскихъ сектъ, принимающихъ въ число обрядовъ и брачное благословеніе, нигдѣ въ Японіи жрецъ не вмѣшивается въ свадебное торжество.

Точно также неизвѣстны здѣсь оглашенія и прочія формальности, которыми законъ окружаетъ совершеніе гражданскаго брака. Во всѣхъ японскихъ городахъ, полицейскій офицеръ, разрѣшающій свадебное торжество въ находящемся подъ его надзоромъ кварталѣ, выписываетъ одною четою больше въ ревізійный списокъ, который обязанъ вести ежедневно. Публичная отчетность, правду сказать, здѣсь такъ полна, какъ только возможно. Титизингъ написанъ дѣлѣй томъ, чтобы прослѣдить шагъ за шагомъ, по всѣмъ непреложнымъ правиламъ традиціоннаго порядка, длинную эпопею переговоровъ и заключенія брака въ достоящихъ классахъ японскаго общества. Достоинъ замѣчанія, что въ числѣ столькихъ церемоній не встрѣчается ничего похожаго ни на письменное обязательство заинтересованныхъ сторонъ, ни на актъ взаимнаго соглашенія, не только письменнаго, но и словеснаго. Подобное отсутствіе всякой гарантіи для охраненія личной свободы обѣихъ супруговъ, очевидно, составляетъ привилегію въ пользу сильнаго пола. Отказывать женщинамъ въ средствѣ выразить оппозицію, значитъ отнимать у нея единственное право, которое могло бы, хотя въ принципѣ, сдѣлать ее равною муж-

чина. Только христианство перешагнуло за верховную ступень женской эманципации, и ступень эта отблена цѣлою пропастью отъ крайняго предѣла, достигнутаго самыми передовыми языческими цивилизаціями.

Но, помимо сказаннаго сейчасъ, необходимо признать въ японскомъ бракѣ и хорошую сторону, которая заключается въ томъ, что молодые супруги считаютъ себя соединенными на всю жизнь единственно въ силу совокупнаго факта — публичности и торжественности, приданной ихъ брачному союзу.

Трогательный символизмъ является при окончательной церемоніи, замѣняющей для нихъ наше, освящаемое церковью согласіе. Въ числѣ предметовъ, поставленныхъ посреди кружка приглашенныхъ, находится металлическая ваза въ видѣ бокала, снабженнаго двумя горлышками. Ваза изящно убрана разноцвѣтными полосками бумаги. По данному знаку, одна изъ почетныхъ дамъ наполняетъ ее саки, другая беретъ за ручку, поднимаетъ въ уровень рта колѣнопреклоненныхъ супруговъ и заставляетъ поочередно пить — каждого изъ нихъ изъ того горлышка, которое приходится у него передъ губами, и до тѣхъ поръ пока бокалъ не осушенъ до дна. Такимъ образомъ, какъ мужъ и жена, они должны осушить вмѣстѣ чашу супружеской жизни: каждый будетъ пить въ свою очередь, но оба будутъ вкушать одинаковую амброзію или одинаковую жизнь, оба станутъ поровну дѣлить труды и огорченія, равно какъ и радости новаго существованія.

Если бы поэтическая прелесть символизма натуральныхъ привязанностей оказалась достаточною для развитія нравственности народовъ, то японцы были бы лучшими мужьями въ мірѣ. Къ несчастью, тотъ же самый человѣкъ, который имѣетъ право убить свою жену по простому подозрѣнію, какъ, напримѣръ, если застанетъ ее одну въ разговорѣ съ кѣмъ либо изъ лицъ постороннихъ семейству, — тотъ же самый человѣкъ, безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, введетъ подъ супружескую кровлю сначала одну наложницу, потомъ другую, потомъ третью, и можетъ быть даже четвертую.

Увѣряютъ, будто, для соблюденія достоинства законной жены и высшаго мѣста, принадлежащаго ей, какъ матери семейства и хозяйкѣ дома, мужъ удостоиваетъ посовѣтоваться съ нею относительно каждого изъ перловъ красоты, который онъ считаетъ необходимымъ прибавить къ совершенніицѣ своихъ домашнихъ радостей. Говорятъ, будто жена, самая гордая въ соблюденіи своихъ правъ и привилегій, не испытываетъ никакой ревности и даже не безъ удовольствія смотритъ на увеличеніе своего семейства, позволяющее ей царить надъ многочисленною своєю женщиною, ея всепокорѣвшихъ служанокъ и лакеевъ, рабовъ каприза ея собственныхъ дѣтей.

Такая картина далеко не отвѣчаетъ дѣйствительности. Конечно, въ японскомъ обществѣ есть классъ, гдѣ семейныя узы по необходимости ослаблены: классъ даймѣсовъ, нѣкогда осужденный безцѣлочною политикою сѣюгуну оставлять своихъ женъ и дѣтей заложниками въ Іеддо, на время, пока заботы сенъиоріальной администраціи заставляютъ ихъ пробывать долго въ своихъ провинціальныхъ замкахъ или крѣпостяхъ. Но распущенность дворянскихъ нравовъ не можетъ безнаказанно распространяться въ рядахъ буржуазіи. Даже тогда, когда мать семейства старается молчаливо перенести свое униженіе, домашній миръ и счастье безвозвратно рухнувши между обоими супругами. Ослабленіе взаимнаго уваженія и довѣрія ведетъ за собою разрывъ общности интересовъ. Безпорядокъ проникаетъ въ домашній дѣла. Мужъ negliжируетъ своею профессіей и старается заглушить нравственное состояние своего духа неумѣреннымъ употребленіемъ саки. Наконецъ стѣсненіе, болѣзни, а иногда какая нибудь внезапная катастрофа влекутъ за собою упадокъ или полное паденіе того самаго семейнаго быта, который возникалъ подъ знаменіемъ самыхъ благополучныхъ символовъ.

Мелкая буржуазія и вся вообще масса народа, благодаря ограниченности матеріальныхъ средствъ, находится въ опасностей описанной мною извы. Значительнѣйшая часть семействъ лавочниковъ, мастеровыхъ, рабочихъ и земледѣльцевъ требуетъ непрерывной работы со стороны отца и матери семейства, постоянной дѣли всѣхъ усилій, конечно не для того, чтобы достигнуть довольства, но единственно, чтобы удовлетворить самымъ элементарнымъ потребностямъ жизни. Вторженіе какого бы то ни было порока при такомъ порядкѣ вещей повлекло бы за собою немедленное разореніе. Есть молодая семья, которая геройски борется цѣлыми годами, чтобы только погасить долгъ, вызванный свадебными издержками. Другія шумливы устоять противъ увлеченія всеобщимъ общаеми. Употребляемый при этомъ процессъ показываетъ въ этомъ народѣ счастливыя театральныя способности. Живетъ себѣ, положимъ, парочка, у которой есть дочь, и дочь эта знаетъ одного отличнаго молодого человѣка, способнаго составить прекрасную партію, будь у него только средства предложить своей возлюбленной и ея родителямъ неизбежные свадебные подарки и цѣлые восемь дней угощать въ

во всем домѣ всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ, отецъ и мать, возвратясь изъ бани, не застаютъ юной дщери дома. Начинаются разспросы въ кварталѣ: никто не знаетъ и не знаетъ; но сосѣди и сосѣдки предлагаютъ свои услуги и вызываются производить поиски въ безутѣшными родителями; тѣ принимаютъ услугу, и изъ уаши въ уаши приводятъ, наконецъ, импровизованный кортежъ къ дверимъ возлюбленнаго. Напрасно сердцеѣдъ, укравшись за своими творчатыми стѣнками, прикидывается глухимъ. Волей-неволей онъ долженъ уступить настояніямъ олпы: онъ отворяетъ, и изъ-за него, вся въ слезахъ, выскакиваетъ блудная дочь и бросается къ ногамъ виновниковъ дней своихъ, которые грозятъ ей проклятіемъ. Слѣдуетъ вмѣшательство сердечно-больныхъ душъ, растроганныхъ этимъ зрѣлищемъ; мать разбивается; со стороны отца — гордая, непреклонная поза; общая коалиція и краснорѣчивая атака присутствующихъ для смягченія его сердца; со стороны жениха — призывъ неба въ свидѣтели его чистосердечнаго желанія быть образцомъ

Врачъ эмпирикъ, ставящій мохсы.

сѣхъ зятьевъ. Взаключеніе родителей сдается; его упорство побѣждено: онъ поднимаетъ дочь, великодушно изрекаетъ прощеніе любовнику и называетъ его зятемъ. Мгновенно, какъ по мановенію волшебнаго жезла, чаши саки обходятъ въ круговую всю компанію, которая разсаживается тутъ же на дыновкахъ; виновныхъ сажаютъ по срединѣ, наполняютъ имъ до краевъ кувшинъ саки, а когда они осушатъ, бракъ признается и провозглашается законно совершившимся, въ присутствіи достаточнаго числа свидѣтелей, такъ что на слѣдующій день нотаріусъ заноситъ его въ свои списки безъ всякихъ затрудненій.

Въ Японіи неизвѣстенъ обычай путешествовать послѣ свадьбы. Мало того, что молодымъ не даютъ спокойно наслаждаться своимъ счастьемъ, но изобрѣтаютъ нарочно предлоги, чтобы осаждать ихъ приглашеніями и визитами, которые всегда сопровождаются ѣдой и обильными изліяніями.

Какъ только жена наменитъ на возможность сдѣлаться матерью, родные во второмъ и даже третьемъ колѣнѣ собираются къ ней въ домъ и счастливую новость привѣтствуетъ цѣлый концертъ

грубых поздравлений, нескромных вопросов, гигиенических указаний, совершенно неперево-
димых на языках Запада, развѣ прибѣгнешь къ помощи латыни. Съ этой минуты молодая женщина
поступаетъ подъ верховный надзоръ опытной матроны, *обассана*. личности, взятой прямо изъ коме-
личности, все умѣніе которой состоитъ въ томъ, чтобы до конца своихъ дней сдѣлаться необходимою
въ домѣ, гдѣ она сумѣла угодить своими услугами. На третьемъ мѣсяцѣ — новое торжество, не-
мѣне трудное для описанія какъ и предыдущее. Тутъ уже угощаютъ и принимаютъ *обассанъ*: она
съ достоинствомъ верховный надзоръ, раскладываетъ передъ глазами зрителей, показываетъ вдоль и въ
поперекъ, и въ заключеніе повязываетъ своей кліенткѣ традиціонный поясъ изъ цувсоваго крепа,
который долженъ быть спятъ только съ шестой луной. Съ приблѣженіемъ критическаго срока, род-
ные и сосѣди становятся въ кружокъ вокругъ страдалицы, и та, то лежа на боку, то скорчившись
и ухватясь руками за лоскутъ матеріи, привязанный къ потолку комнаты, съ кроткою покорностью
выноситъ муки, которымъ подвергается, исполняя приказанія *обассана* или противорѣчивыя мнѣнія
услужливыхъ совѣтниковъ. Даже разбѣшенъ не унимается, но удвоиваетъ ихъ долготерпѣливость. Непо-
нятый предрасудокъ отказываетъ молодой матери въ подкрѣпляющемъ одоховеніи, котораго
жаждетъ ея организмъ; ей даютъ покой не ранѣе, пока ребенка не обмоятъ, не спеленаютъ и не
положатъ къ ней на руки.

Здѣсь начинается вторая фаза ея супружеской жизни. Роль кормилицы длится по крайней мѣрѣ
два года, въ теченіе которыхъ ея щедроты должны изливаться включительно до дѣтей ея подругъ,
что предписано правилами учтивости, соблюдаемыми при визитахъ японскихъ дамъ.

Въ видѣ разбѣна услугъ, взрослая дѣвушка по сосѣдству старается наперерывъ добывать
милости выносить новорожденнаго на прогулку, не съ суетнымъ желаніемъ порисоваться, но чтобы
серьезнѣе прививать къ дѣтямъ, носить ихъ на рукахъ или у груди, оказывать имъ уходъ, дѣйстви-
тельный или притворный, во всемъ, что относится до изученія своего собственнаго будущаго назначенія.

На тридцатый день своего рожденія, каждый гражданинъ великаго Ниппона получаетъ предва-
рительное, или, лучше сказать, первое свое имя, такъ-какъ по совершеннолѣтіи онъ принимаетъ
другое, при вступленіи въ бракъ — третье, при отправленіи какой нибудь общественной должности
— четвертое, при повышеніи чина или степени — пятое, и такъ далѣе до послѣдняго, даваемого
уже по смерти и выскѣаемаго на надгробномъ камнѣ, съ цѣлю увѣковѣчить память покойника и пере-
дать ее изъ поколѣній въ поколѣнія.

Церемонія, соотвѣтствующая нашему крещенію, состоитъ въ принесеніи новорожденнаго въ
храмъ, посвященный богу его родителей. Кромѣ культа ками, ее нигдѣ не сопровождаютъ окропле-
ніемъ водой или формальностью очищенія. Отецъ отдаетъ въ руки дежурнаго бонза билетъ, гдѣ
записаны три имени. Тотъ переписываетъ ихъ на три отдѣльные листа, потомъ перемѣшиваетъ
произнося громко какое нибудь священное изреченіе, и подкидываетъ до тѣхъ поръ, пока они не
вылетятъ изъ руки: тогда первый упавшій на полъ священнаго убѣжища листовъ указываетъ имя
трехъ именъ то, которое наиболѣе пріятно божеству. Бонзъ записываетъ его тотчасъ же на листѣ
бѣлой освѣщенной бумаги, отрываемой отъ своего кропила, и отдаетъ, въ видѣ талисмана, отцу се-
мейства. Этимъ и заключается религиозный обрядъ; остается только отпраздновать его банкетомъ
и визитами, пригласившими къ общественному положенію виновника торжества. Послѣдній полу-
чаетъ при этомъ случай различные подарки, въ томъ числѣ два опахала, если принадлежитъ мужескому
полу, и банку помады — если къ женскому. Опахала — предвѣстники сабелъ, помада — предзна-
менованіе женскихъ прелестей. Къ подаркамъ, въ томъ и другомъ случаѣ, прибавляютъ мотокъ
пасконныхъ нитокъ, что соотвѣтствуетъ желаніямъ долголѣтвеннаго житія.

Крещеніе ребенка всегда служитъ поводомъ къ щедрымъ приношеніямъ со стороны семейства
жрецамъ своей религіи. Само собою разумѣется, жрецы не забываютъ выписать ребенка въ число
овецъ духовнаго стада и нѣжно заботится о немъ во всѣхъ фазахъ его жизни. Регистры бонзерій
славятся не даромъ своею правильностью; они обязаны предъавлять ихъ во всякое время полицей-
скимъ чиновникамъ.

Въ три года мальчикъ начинаетъ носить поясъ, а въ семь, если онъ самурай, — двѣ сабли, —
отличительный признакъ его касты. Конечно, сравнительно съ ростомъ его, оружіе это лишь вре-
менное. Только въ пятнадцать лѣтъ мѣняется онъ ихъ на испытанныя сабли, которыя вѣрятся
ему семействомъ на всю жизнь, какъ драгоцѣнный залогъ.

Въ мѣщанскомъ быту, за нѣмнѣемъ рыцарскихъ церемоній, три названные мною эпохи, пре-
имущественно же послѣдняя, служатъ поводомъ къ увеселеніямъ, уступающимъ развѣ только брач-

нымъ празднествамъ. Въ тотъ день, когда юношѣ минетъ пятнадцать лѣтъ, онъ достигаетъ совершеннолѣтія, имѣетъ право носить прическу взрослыхъ, дѣлитъ съ отцомъ заботы по веденію домашнихъ дѣлъ. Еще вчера къ нему обращались какъ къ ребенку, и вдругъ тонъ окружающихъ его разомъ мѣняется; церемонныя формы національной учтивости возвышаютъ въ его собственныхъ глазахъ цѣну этой эмансипаціи, и онъ торопится, съ своей стороны, отвѣчать на поздравленія такъ, чтобы доказать въ одно и то же время, какъ онъ гордится новымъ своимъ положеніемъ и какъ понимаетъ налагаемую этимъ положеніемъ отвѣтственность. Благородное заявленіе, дѣйствительно, неограничивается пустыми словами, и я, не колеблясь, считаю въ числѣ наиболее интересныхъ сторонъ японскаго общества то усердіе, ту настойчивость, тотъ неподдѣльно серьезный взглядъ, съ которыми

Три члена братства слѣпыхъ.

молодые люди пятнадцати лѣтъ, готовы оставить всѣ удовольствія дѣтства, чтобы поскорѣе начать тяжелую школу практической жизни и проложить себѣ честную дорогу въ свѣтъ.

Обученіе какому нибудь ручному мастерству равносильно десятилѣтнему рабству. Въ продолженіе этого времени хозяинъ даетъ помѣщеніе, одежду, пищу, но никакой платы, развѣ только подъ конецъ, когда ученикъ станетъ подмастерьемъ, онъ даритъ ему карманныя деньги на табакъ. Не смотря на то, ремесленное обученіе не страдаетъ отъ такого порядка вещей. Самъ хозяинъ заинте-

ресованъ въ томъ, чтобы оно было какъ можно полнѣе, потому что на немъ лежитъ обязанность представлять корпораціи, гдѣ онъ состоитъ членомъ, работника, добывающагося открытія собственной мастерской. Совсѣмъ тѣмъ, какъ мы уже сказали, работникъ не имѣетъ права просить объ этомъ ранѣе двадцати-пятилѣтняго возраста. Какъ только разрѣшеніе получено, хозяинъ даетъ ему свободу и, въ видѣ вознагражденія, необходимые инструменты для работы на первое время въ его скромной мастерской. Женитьба, своимъ кроткимъ влияніемъ, скоро украшаетъ вновь открытое заведеніе.

Случается часто и такъ, что работникъ женится прежде, чѣмъ устроится; по это бываетъ при томъ условіи, когда экономическое положеніе его родителей дозволить помѣстить жену подъ ихъ кровлю и за ихъ столъ, въ ожиданіи, пока онъ обзаведется собственнымъ хозяйствомъ.

Во всѣхъ японскихъ семействахъ смерть является поводомъ къ ряду домашнихъ церемоній, болѣе или менѣе пышныхъ, смотря по званію покойника, но во всякомъ случаѣ, весьма обременительныхъ для ближайшихъ родственниковъ. Сначала они принимаютъ на себя издержки по религиознымъ церемоніямъ, совершаемымъ бонзами: нужно платитъ за послѣднее напутствіе, за починъ бѣднѣе и молитвы въ домѣ умершаго до самаго погребенія, за расходы по угощенію въ домѣ до выноса тѣла, и за всѣ заказы относительно похоронъ или сожженія трупа, какъ-то: за гробъ, дричередъ кули, обмывавшихъ тѣло и выносившихъ гробъ, прислужниковъ монастырскихъ, исполнявшихъ черную работу въ оградѣ кладбища. Но и это не все, потому что отъ людей богатыхъ обычай требуетъ помѣщенія у дверей дома, наканунѣ похоронъ, слугъ для раздачи милостыни мелкою монетою, безразлично всѣмъ бѣднымъ, которые являлись просить ея. Сверхъ того, по возможности, еслибъ не простились съ главою опечаленнаго семейства и не приняли участія въ угощеніи, которое онъ считаетъ своею обязанностью предложить въ знакъ благодарности.

Какъ бы ни были велики эти расходы, но не въ нихъ слѣдуетъ искать причины едва скрытаго нетерпѣнія японцевъ поскорѣе отбѣжаться отъ послѣдняго долга своимъ близкимъ. Суть заключается здѣсь въ томъ, что какъ ни привычны они къ виду крови и сдѣлаютъ убійства, но не въ силахъ превозмочь, даже въ отношеніе членовъ собственной семьи, инстинктивнаго отвращенія, наивнаго и глубокаго ужаса, какіе внушаютъ имъ присутствіе или даже близкое соосѣдствіе трупа, въ самыхъ обыкновенныхъ случаяхъ естественной смерти.

Есть, впрочемъ, и благородныя исключенія. Между японскими женщинами встрѣчаются супруги и матери, которыя умѣютъ преодолѣть суевѣрный страхъ и доказать по своему, что любовь крѣпче смерти. Въ то время какъ живущіе въ домѣ мужчины воображаютъ, что исполненіе долга заключается въ приглашеніи бонзъ для чтенія молитвъ и цирюльника съ двумя или тремя кули—для совершения послѣдняго туалета покойнаго; въ то время, какъ они, удалившись отъ смертнаго одра на другой конецъ дома, курятъ и пьютъ, мать семейства до конца остается вѣрною подругою или вѣрною покровительницею мужа или сына, отъ которыхъ ей остается одинъ безжизненный трупъ. На нее же ложится обязанность принимать въ первые часы траура посѣщенія родныхъ и знакомыхъ, являющихся выразить свои созапальніа. Смирненно простершись на перевернутыхъ вверхъ изнанкою циновокъ, у подножія поставленныхъ также вверхъ ногами ширмъ, составляющихъ зловѣщую маскировку трупа, она мѣшаетъ свои рыданія со вздохами и утѣшеніями многочисленныхъ посѣтителей. Но чуть только показались гробовщики и могильщики, она встаетъ и помогаетъ имъ во всѣхъ необходимыхъ приготовленіяхъ. Голова покойника должна быть выбрита чисто-на-чисто и тѣло тщательно обмыто теплою водою, для чего переносятъ его въ ванную комнату и сажаютъ на опрокинутый боченокъ, поддерживая подъ мышки. Когда кули обтерли тѣло, то почтительно приподнимаютъ, чтобы положить въ гробъ. Операция не такъ-то легка. Богатые японцы, придерживающіеся погребенія, любятъ покончить на землѣ, скорчившись въ громадныхъ кувшинахъ, верхъ искусства мѣснаго туземнаго производства. Говорятъ, не мало надо энергіи въ соединеніи съ крѣпкими кулаками, чтобы втиснуть черезъ узкое горлышко, послѣдовательно, грудь, бедра и особенно плечи покойника.

Мелкая буржуазія и черный народъ употребляютъ, вмѣсто гроба, простую бочку изъ еловыхъ досокъ, стяннутую обручами изъ бамбуковой коры.

Предаютъ ли прахъ землѣ или везутъ его на костеръ, но трупъ всегда сажаютъ въ эти узкіе гроба, съ наклонною головою, съ подогнутыми подъ себя ногами и сложенными на груди руками; удивительнѣйшій символизмъ, освящающій подъ видомъ формы, болѣе краснорѣчивой, чѣмъ пошлыя

спитафія, догматъ будущей жизни! Японцы не случайно даютъ своимъ умершимъ положеніе ребенка въ материнскомъ чревѣ. Да и съ какой стати буду я умалчивать о божественномъ актѣ, о самой знаме-

Похоронный обрядъ: церемонія при гробѣ умершаго.

нательной, чертъ послѣдняго прощанія? Всякая недомолвка о такомъ торжественномъ предметѣ заслуживала бы искренняго сожалѣнія. Въ ту минуту, когда кули готовы наложить крышу на гробъ,

Погребальный обрядъ: сжиганіе трупа.

набожная жена, слѣдившая за всѣми фазами печальныхъ похоронныхъ приготовленій, наклоняется въ послѣдній разъ надъ трупомъ и вкладываетъ ему въ руки, конечно, весьма странную, но, быть

можетъ, самую замѣчательную эмблему изъ всѣхъ эмблемъ мнѳологической древности. Это ни что иное, какъ небольшой листъ бумаги, сложенный вчетверо, гдѣ находится кусочекъ пуговицы, соединявшаго покойнаго съ матерью въ минуту его рожденія. Когда материнская любовь или смѣнившая ее супружеская любовь вѣрили тайнамъ могилы эту наивную эмблему будущаго рожденія, когда онѣ заявили въ такой странной формѣ свой смиренный протестъ противъ кажущагося торжества смерти, тогда крыша гроба захлопывается, тогда самая важная часть національной похоронной церемоніи, этотъ во-истину торжественный семейный обрядъ — исполненъ.

Остальное не болѣе какъ суевѣрные обычаи, суезная пышность и чистая формальность, гдѣ заклинанія бѣсовъ смѣняются прославленіями гордости семейства. По этого мало, что микозы охраняютъ гробъ: надобно, чтобы по выносу изъ дому его продѣли подъ освещеннымъ бамбуковымъ обручемъ, такъ какъ это удержитъ въ жилищѣ траура всѣ козни злыхъ духовъ. Бонзы съ четками открываютъ шествіе. Ближайшіе родственники одѣваются во все бѣлое или покрываютъ голову простонародной соломенной шляпой, которую снимаютъ не прежде, какъ по исполненіи всѣхъ обрядовъ очищенія. Надписъ, несомая впереди микозы, содержитъ въ себѣ новое имя покойника на надгробномъ памятникѣ. При похоронахъ военнаго начальника за гробомъ его конюхи въ траурѣ ведутъ лошадей, покрытыхъ бѣлыми попонами. Его сабли, гербы, знамя, различныя драгоцѣнныя вещи напоминающія мѣсто, которое онъ занималъ въ мірѣ, также несутся лицами его сыновъ или родственниковъ, на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой.

Что касается до похоронъ бѣднаго, то они ограничиваются небольшимъ числомъ близкихъ и друзей, которые въ перемежку и торопливо спѣшаютъ, до захода солнца, дойти до зловѣщей долины, гдѣ простонародное сожженіе трупа производится при напущеніи какою-нибудь бонзомъ низшихъ іерархическихъ степеней, присланныхъ изъ сѣдѣняго монастыря.

Тѣмъ, паріи японскаго общества, лишенные содѣйствія религіи, презируютъ всякія церемоніи: они взваливаютъ на носилки трупы своихъ собратовъ по отверженію и относятъ ихъ въ глухое мѣсто. Тутъ они набиваютъ охапку сучьевъ, кладутъ на нихъ тѣло, покрытое соломенною рогожкой, и зажигаютъ собственноручно огонь, который долженъ возратить стихіямъ эти злополучные останки человѣческаго существа.

Наконѣцъ, ниже класса собственно іетасовъ, то есть рабочихъ, занимающихся грязной работой каковы, напримеръ, обдиратели кожи, кожевники, дубильщики; ниже даже заклеянныхъ общими презрѣніемъ и относимыхъ къ тому же сорту людей, именно: палачей, сводниковъ, прокаженныхъ безбожныхъ, внесенныхъ въ списки нищихъ, въ Японіи существуютъ еще послѣдняя категорія лицъ, доведенныхъ до крайней степени легальнаго позора: это *крестяны*, — терминъ еще потомки туземныхъ христіанскихъ семей, которая ускользнула отъ истребленія во время страшныхъ гоненій въ семнадцатомъ вѣкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе ихъ неизмѣримо хуже положенія простыхъ іетасовъ. Послѣдніе живутъ между собой, въѣвъ городской черты, въ состояніи близкомъ къ свободѣ. Законъ систематически игнорируетъ ихъ, до такой степени, что пространство земли, занимаемое ихъ соломенными избушками, не принимается даже и въ расчетъ при опредѣленіи мѣръ разстояній. Напротивъ, крестяны помѣщены внутри города, гдѣ имъ отводятъ для жительства или кварталъ, напоминающій еврейскіе гетто средневѣковыхъ городовъ, или тюрьму, если они въ незначительномъ числѣ. Полиція окружаетъ ихъ бдительнымъ надзоромъ до послѣдняго предсмертнаго вздоха, послѣ чего она же убираетъ и скрываетъ всякій слѣдъ ихъ труповъ, неизвѣстно гдѣ и какими образомъ, но вѣроятно такъ, чтобы имя Распятая на Крестѣ не произносилось надъ ихъ прахомъ.

Вообще же, какъ почести, оказываемая умершимъ, или поклошеніе ихъ могиламъ, которое составляетъ поведенію похвальную сторону буддистской религіи, въ сущности соблюдается лишь въ отношеніи привилегированныхъ классовъ и пропорціонально выгодамъ, выпадающимъ за него на долю бонзы. Способъ погребенія, форма гроба, и въ особенности, обрядъ сжиганія трупа, введенный около 700 г. жрецомъ Тозео, дозволили бонзамъ разбить на безконечно малые участки то пространство земли, которымъ они располагаютъ. Незначительное отгороженное мѣсто достаточно для одной семьи, въ продолженіе многихъ поколѣній. Надгробная таблица, воздвигаемая надъ мѣстомъ, гдѣ зарытается урна съ прахомъ, со всѣми своими аксессуарами занимаетъ пространства не болѣе чѣмъ сама урна. Небрежное содержаніе гробницъ простаго народа рѣзко противорѣчитъ удивительному порядку террасъ и величественныхъ надгробныхъ памятниковъ, возвышающихся по сѣдѣству съ ними. А между тѣмъ пощеніе о тѣхъ и другихъ возлагается на одну и ту же бонзерію, но съ гробницами поступили какъ, съ индивидуумами: бонзы обратили ихъ въ статью дохода.

ГЛАВА XXXIX.

ПРЕБЫВАНІЕ НА РЕЙДѢ.

Дипломатическія уловки японскаго правительства. — Проводочки въ переговорахъ. — Окончаніе ихъ. — Рыбаки. — Ночной видъ залива Иеддо.

Остроумная уловка управляющихъ иностранными дѣлами тайкуна чуть было не покончила сразу и не совсѣмъ вѣжливо, нашего перваго пребыванія въ Иеддо.

Этотъ эпизодъ изъ моей посольской жизни долженъ быть, по мнѣнію моему, приведенъ какъ характеристическій случай, который можетъ дать понятіе о политическихъ продѣлкахъ, ознаменовавшихъ эфемерное царствованіе послѣдняго тайкуна изъ династїи князей Ксіу, несчастнаго Минамото Йемотзи, которому наследовалъ Стотсбаши, сынъ князя Мито.

Вслѣдствіе officialнаго представленія г. Лендо, правительство тайкуна письменно обязалось заключить трактатъ съ Швейцаріею. Когда я явился за исполненіемъ отсрочить это дѣло. Правда, въ это время политическія и экономическія послѣдствія водворенія европейцевъ въ Японію усиливали болѣе и болѣе нерасположеніе великихъ феодальныхъ династїей. Подъ вліяніемъ недовольныхъ, микадо отказался ратифицировать международныя конвенціи, заключенныя тайкуномъ. При Кіотскомъ дворѣ только и было рѣчи о томъ, какъ бы вызвать закрытіе іокогамскаго порта и вообще — изгнаніе европейцевъ изъ всѣхъ пунктовъ, занятыхъ ими на берегахъ Ниппона. Поставленные въ недоумѣніе такими манифестаціями, государственные люди тайкуна придумали такую уловку: въ одно и тоже время сообщать иностраннымъ легаціямъ самыя успокоительныя извѣстія о сохраненіи международныхъ отношеній, а при дворѣ микадо общать всѣ возможныя удовлетворенія, лишь бы только они не привели къ формальному и непоправимому разрыву съ Западомъ.

На основаніи такой-то системы ежедневныхъ мелкихъ обидъ и отказовъ, они принудили иностранныхъ консулы очистить предмѣстье Канагавы, гдѣ, сообразно съ буквальнымъ смысломъ трактатовъ, тѣ обязаны были имѣть свое мѣстопробываніе. Что касается до посольствъ, помѣщенныхъ въ Иеддо, на основаніи тѣхъ же трактатовъ, то они, одно за другимъ должны были испытать участь консульствъ. Когда въ столицѣ осталось только посольство Соединенныхъ Штатовъ, уже вышедшее изъ своего помѣщенія по случаю пожара, и дипломатическая миссія Швейцарскаго Союза, агенты Замка не захотѣли останавливаться на столь прекрасномъ пути и даже лстили себя надеждою въ одинъ день и однимъ ударомъ поймать насъ въ свои сѣти.

Разъ вечеромъ, по возвращеніи нашемъ съ прогулки, является неожиданно управляющій иностранными дѣлами и требуетъ таинственнымъ тономъ переговоры со мною безъ свидѣтелей. Оставшись наединѣ, онъ увѣдомляетъ меня, что партія, возбуждающая затрудненія тайкуну, одерживаетъ верхъ въ имперскихъ совѣтахъ: всѣ значительныя даймїосы удалились въ Кіото и самъ тайкунъ долженъ былъ отправиться туда какъ можно поспѣшнѣе; если во время его отсутствія мы останемся въ Иеддо, то намъ грозятъ величайшія несчастія, потому что лонины, оставленные князьями въ столицѣ, составили заговоръ истребить всѣ слѣды пребыванія иностранныхъ посольствъ; однимъ словомъ, положеніе такъ серьезно, что американскій посланникъ рѣшился въ ту же ночь перѣбѣжать на японскій военный пароходъ, шедшій въ Іокогаму: «вотъ случай, заключилъ губернаторъ, которымъ швейцарская миссія могла бы весьма благообразно воспользоваться!»

Я отвѣчалъ, что благодаря его за вниманіе, но не могу ѣхать, не получивъ въ оправданіе свое передъ швейцарскимъ федеральнымъ союзомъ, письмо изъ Городжіо, гдѣ бы излагались всѣ обстоятельства, принудившія его просить моего удаленія изъ столицы. Въ то же время я отправилъ нарочнаго въ городъ и тотъ привезъ извѣстіе, что дѣйствительно всѣ лица американскаго посольства переселились на рейдъ.

Я рѣшился отправиться самъ туда же, чтобы получить, по возможности, отъ самаго посланника объясненіе столь неожиданнаго отъѣзда.

Была уже глухая ночь, когда мы отчалили отъ берега въ своемъ сампанѣ. Якуинцы слѣдовали за нами не въ дальнемъ разстояніи. Стало пасмурно; станъ воронъ, лѣтѣвшихъ къ берегу, проносился надъ нами и обрисовывали неопредѣленный фантастическій силуэтъ свой на дискѣ луны, когда она выходила изъ-за облаковъ. Послѣ полуторачасоваго плаванія мы пристали, за отдѣльными фортами, къ большому пароходу, уже развидневшему пары. Американскій посланникъ принялъ меня на верху бѣстинцы. Мы разбѣжались наскоро нѣсколькими словами, пока подымали якоря. Вдругъ колеса пришли въ движеніе, и я съ своими спутниками только что успѣлъ броситься въ шлюбку. Минуту спустя, начальникъ стражи, вставъ на своемъ суднѣ, объявилъ мнѣ, что имѣетъ приказаніе не допускать насъ въ городъ въ столь поздній часъ, и указалъ мнѣ пальцемъ стоявшій въ нѣкоторомъ разстояніи корабль, гдѣ мы должны были провести ночь.

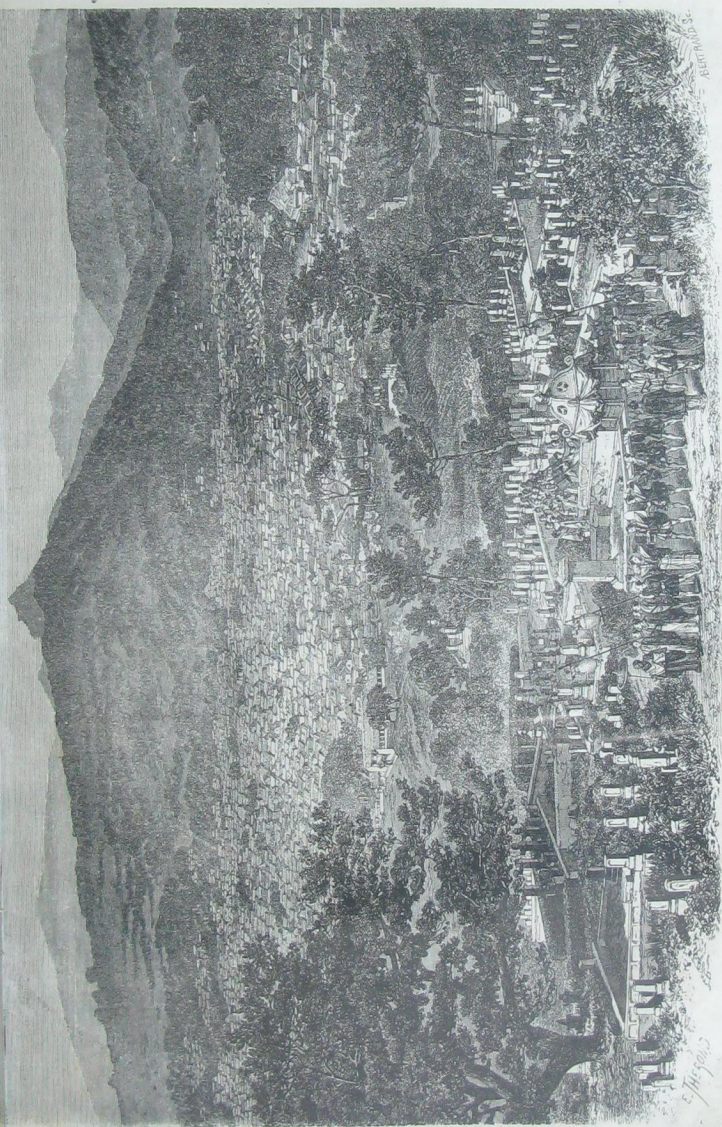
Судно оказалось ни чѣмъ другимъ, какъ императорскою яхтою, знаменитымъ «Емрего», преподнесеннымъ лордомъ Эдлингому тайкуну отъ имени королевы Викторіи, «также кстати», говоритъ Олфанта, «какъ если бы мы предложили напѣ незамужнюю женщину!» Мысль, что красивое судно достигло наконецъ таинственной цѣли своего назначенія, подтвердившись въ самую пору, чтобы предложить убѣжище швейцарской миссіи, показалась намъ не менѣ забавною, какъ и блистательною. Командиръ принялъ насъ очень хорошо и отворилъ двѣ дѣйствительныя каюты: одну тайкуна, снабженную диванами, изъ которыхъ можно было составить четыре постели; другую—меблированную въ видѣ будуара для императрицы, очаровательный уголокъ, обтянутый шелкомъ, гдѣ въ мельчайшихъ тонкостяхъ меблировки обнаруживалась предусмотрительная заботливость весьма опытной по этой части лэди. Только на другой день, при восходѣ солнца, я могъ оцѣнить по достоинству всѣ контрасты, сгруппированные въ нашемъ пловучемъ убѣжищѣ: съ одной стороны — зеркала, позолота, шелкъ тайкунальных каютъ; съ другой, въ передней части судна, — сущее гнѣздо лаццарони, якуинцы, пріютившіеся подъ тентомъ, сидя или лежа на грубыхъ циновкахъ; одни покоились сномъ невинности, большинство распивало чай, курило трубки или грызло рисъ, а подаль одна группа затѣяла игру въ опакхала. Игра состоитъ въ томъ, что одинъ изъ партнеровъ бросаетъ сложенный вѣеръ своему товарищу, а тотъ долженъ непременно поймать его правую горстью, сложенною воронкообразно и непременно рукояткою впередъ; ту же самую шутку повторяютъ и всѣ поочереди, пока игра не надобѣст.

Я просилъ этихъ господъ отвѣтить меня въ Джоджи. Они немедленно велѣли изготовить шлюбки, и когда мы поплыли, то стали уговариваться съ моими товарищами провести день повеселѣе и устроить большую прогулку верхами въ сѣверныхъ городскихъ кварталахъ. Я остался дома, куда ко мнѣ не замедлила явиться делегация изъ Замка. Она выразила то затрудненіе, въ которое просьба моя повергла Городжіо; но я, тѣмъ не менѣе, требовалъ отъ него благосклоннаго письма, могшаго служить для меня оправданіемъ передъ своимъ правительствомъ за временную остановку переговоровъ. Къ вечеру управляющій иностранными дѣлами привезъ мнѣ извѣстіе, что на мою просьбу согладало согласіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ Городжіо заклиналъ меня провести еще одну ночь на рейдѣ, въ ожиданіи пока шесью будетъ готово.

Ночь была бурная, море волновалось. Экспедиція состояла изъ двухъ судовъ и на первомъ исключительно сидѣли наши японскіе офицеры. Мы замѣтили, что оно направлялось не къ яхтѣ, но къ большому военному пароходу, гдѣ еще издали можно было различить весьма подозрительную суету между экипажемъ. Правда, пароходъ еще не дымился, но онъ могъ легко развести пары и поднять якорь ночью. Мы дозволили якуинцамъ своимъ пристать къ борту судна, а сами измѣнили галсъ и велѣли сампану везти насъ прямо на яхту, не смотря на крики начальника нашихъ гребцовъ, который, хотя и грѣбъ вмѣстѣ съ ними по указанному нами направленію, но не переставалъ повторять, что имѣетъ приказаніе слѣдовать за шлюбкою офицеровъ.

Приставъ къ яхтѣ, мы увидѣли, что лѣстница поднята. Вездѣ господствовало мертвое молчаніе и полнѣйшая тишина. Самые юные изъ нашего общества лѣзутъ на бордажъ и спускаютъ лѣстницу. Мы были уже всѣ на палубѣ, когда появился командиръ. Я объяснилъ ему, что наше прикріеіе ошиблось дорогою, потому что, по условію съ Замкомъ, мы должны были вернуться на яхту, гдѣ провели предшествовавшую ночь. Онъ тотчасъ велѣлъ отворить каюты, зажечь лампы и принести садъ.

Пока мы устраивались въ своихъ спальняхъ, причалила и шлюбка якуинцевъ: между начальникомъ коновъ и честнымъ капитаномъ произошелъ сильный споръ. Но тотъ выдержалъ характеръ и объявилъ рѣшительно, что выдать насъ не иначе, какъ по предъявленіи приказанія свыше. Такъ

Похоронная церковь в Нагасаки.

мы и остались свободными обладателями яхты, первого и послѣдняго морскаго приза, захваченнаго Швейцаріею.

Мы здѣсь провели еще шесть ночей. Городжію, отказавшись на будущее время отъ системы выживанія мелкими непріятностями, принявъ предложенныя мною условія и принявъ съ достоинствомъ за выполненіе всѣхъ формальностей для нашего отъѣзда. Избавившись отъ обузы покровительства въ Джорджи и смотря на насъ какъ на временныхъ гостей, Городжію предоставилъ намъ свободно распоряжаться своими днями, съ однимъ лишь условіемъ, не оставаться въ городѣ послѣ захождения солнца. Нѣкоторые изъ низшихъ его агентовъ вздумали было, правда, притянуть насъ, то въ томъ, то въ другомъ случаѣ; однажды, когда четверо изъ членовъ миссіи пристали на берегъ въ Хотобанѣ, офицеры, начальствовавшіе постомъ, вздумали ихъ задержать на таможенномъ дворѣ. При подобныхъ столкновеніяхъ никогда не слѣдуетъ разсуждать съ низшими, но немедленно обращаться къ высшей власти.

Но такъ какъ отвѣтъ отъ главнаго губернатора таможи позамедлился, то друзья наши прехладнокровно устроили стрѣльбу изъ пистолета на томъ самомъ дворѣ, ворота котораго были для нихъ закрыты, и тотчасъ же имъ посчастливилось открыть свободный выходъ.

При всемъ томъ наши послѣднія прогулки не нарушались никакимъ непріятнымъ приключеніемъ, никакимъ опаснымъ столкновеніемъ: вездѣ, въ самыхъ людныхъ улицахъ, въ преддверіяхъ самыхъ модныхъ храмовъ, также какъ въ общественныхъ садахъ, мы находили пріемъ, исполненный благосклонности и скромнаго любопытства.

Съ своей стороны, наши якуинцы выказывали такую необычайную любезность и до того ослабили первоначальный надзоръ, что мы не могли удержаться, чтобы не высказать сомнѣній, относительно дѣйствительной опасности, заявленной намъ правительствомъ. Но они объявили, что положеніе серьезно попрежнему, хотя въ Иеддо сдѣлалось и спокойнѣе со времени отъѣзда князей, и что, во всякомъ случаѣ, улицы столицы совершенно безопасны до захождения солнца.

Наша морская резиденція доставляла намъ возможность свести близкое знакомство съ рыбаками залива. За исключеніемъ йетасовъ, они составляютъ самый низшій классъ населенія въ Иеддо. Они разсыпаны по всему громадному периметру южныхъ предмѣстій города и Хонджо. Безчисленныя лодки, занимающіяся ловлею рыбы въ морѣ, за отдѣльными фортами, возвращаясь домой, причаливаютъ вдоль острововъ и набережныхъ, расположенныхъ при устьѣ О-Гавы.

Въ часы отлива, вода открываетъ массы скалъ и верхнюю часть свай вокругъ пяти фортовъ. Суда, пользующіяся отливомъ для выхода въ море, оставляютъ на обнажившихся пунктахъ часть своего экипажа, особенно молодежь, со всѣмъ необходимымъ снарядомъ для ужения. Тутъ, стоя на каменной глыбѣ или примостившись на сваѣ, не смотря на раскаленное небо надъ головою и ослѣпительное отраженіе моря подъ ногами, они остаются неподвижными, какъ зисты и хохлачи раздѣляющіе съ ними одиночество. У кого хватитъ терпѣнія не спускать съ нихъ глазъ, тотъ увидитъ, какъ они по временамъ осторожно снимаютъ полавшую на крючекъ рыбу, кладутъ ее въ длинный сѣтчатый мѣшокъ, висящій у пояса и полоскающійся въ морѣ, что позволяетъ имъ сохранять такимъ образомъ, добычу живою и свѣжею до продажи на базарѣ. Между тѣмъ приливъ гонитъ лодки къ фортамъ; онѣ подбираютъ, мимоходомъ, бѣдныхъ изгнанниковъ, а добычу ихъ прячутъ въ садки трюма.

Суда болѣе легкія, въ продолженіе отлива, плаваютъ въ оградѣ залива. Сидящіе на нихъ рыбаки вооружены длинною жердью, съ желѣзнымъ, слегка загнутымъ наконечникомъ, которымъ они шарятъ по тѣнистому дну, чтобы поймать угрей; это движеніе замѣняетъ греблю весломъ и заставляетъ лодку медленно подвигаться впередъ.

Въ нѣкоторыхъ мало удаленныхъ отъ берега мѣстностяхъ можно видѣть цѣлыя ряды большихъ лодокъ, привязанныхъ къ прочнымъ жердямъ, въ видѣ козель, утвержденныхъ въ морѣ; длинный бамбуковый шестъ, положенный поперекъ козель, замѣняетъ кормысло и поддерживаетъ четырехугольную сѣть, которую погружаютъ въ воду и оставляютъ тамъ надолго; но такъ какъ вокругъ, лодки такихъ рыболовныхъ снастей много, то безпрестанно видно, какъ онѣ то поднимаются, то опускаются.

Въ другомъ мѣстѣ медленно закидываютъ длинную, полукруглую сѣть, и когда та достигнетъ должной глубины, рыбаки запасаются звонкими дощечками и колотятъ по нимъ въ тактъ палками: эта трескотня дѣлается съ цѣлю испугать рыбу и погнать ее въ разстѣленную западню.

Но самый живописный ловъ производится тѣми сѣтями, которыми мы называемъ кужами. Въ

лодку садятся только два человека: одинъ рыбакъ, другой приманщикъ; послѣдній гребетъ какъ можно тише, останавливается по знаку товарища, схватываетъ большую перламутровую раковину, погружаетъ ее въ резервуаръ лодки и вынимаетъ нагруженную кормомъ для рыбы, то есть мелкими ракушками, разбитыми такъ, что живущее въ нихъ крошечное животное выходитъ до половины наружу. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ кормъ распыланъ въ морѣ, рыбакъ, стоя на носу, свертываетъ и старательно подбираетъ сѣти, отверстие которой держитъ въ правой рукѣ; потомъ, разомъ, съ такимъ жестомъ, какъ пахарь, бросающій зерно въ борозду, выдаетъ сѣть такъ ловко, что та описываетъ полукругъ надъ мѣстомъ, куда приманена рыба; не менѣе ловко онъ вслѣдъ за тѣмъ же собираетъ ее, и тогда сквозь ячейки сѣти можно замѣтить серебристую чешую попавшихся лакомокъ.

Разъ мы пристали къ двумъ лодкамъ. Хозяинъ первой сдѣлалъ два такихъ удачныхъ улова, что наши якунцы немедленно купили всю добычу для своего стола. Я думаю, весь счетъ на мелкую желѣзную монету не составилъ и одного тембо (пятнадцати сантимовъ). Когда я, въ свою очередь, сталъ сговариваться съ хозяиномъ второй лодки, тѣ же якунцы торговали отъ моего имени двѣ большія рыбы и давали за нихъ двѣ четверти итпебу, что составляетъ вмѣстѣ одинъ франкъ двадцать пять сантимовъ; но за свою услугу они получили только горсть мелкой рыбы и сколько угодно крабовъ. Мнѣ было извѣстно, что, получая дурное жалованье, они сдираютъ все, что можно съ лодокъ, рынковъ и лавокъ. Иностранецъ не можетъ купить ни одной вещи безъ того, чтобы купецъ не прибавилъ къ своей цѣнѣ что нибудь для якунца. То же самое дѣлается въ отношеніи платы кули за переноску лицъ и багажа: можно быть смѣло увѣреннымъ, что не все получаемое ими поступаетъ полностью въ кошельки. Милостыня, подаваемая бѣднымъ, не избѣгаетъ также этого произвольнаго побора.

Иедскій заливъ и ночью оживленъ, не меньше чѣмъ днемъ рыбацкими лодками; при этомъ случаѣ можно полюбоваться картиною, потому что ловъ производится съ огнемъ. Каждое судно имѣетъ на носовой части рѣшетку, гдѣ горитъ бамбукъ и смола. Лодки составляютъ иногда огромный полукругъ, который издали кажется набережною, блестящею тысячами огней.

Это рыбацье населеніе иедскихъ береговъ; эти несчастныя касты, лишеныя наслѣдія, привлекающаго человека къ почвѣ, страстно любить стихію, дающую имъ пропитаніе. Морякъ не знаетъ праздника лучше того, театромъ котораго избираетъ море. Когда прибрежныя предмѣстья Синагавы празнуютъ годовщину своего любимаго Тенгу, крылатаго бога, веселаго и шутовскаго посланника небесъ, они ничѣмъ больше не умиютъ доказать своей вѣрности, какъ переносятъ его на море. Пова ветераны бонзерии и ихъ прислужники хлопочутъ о годичномъ очищеніи храма и всей храмовой подвижности, наиболѣе здоровые жрецы взваливаютъ на плечи носилки, на которыхъ повонитъ рака или микози ихъ божественнаго патрона; потомъ, дойдя до берега, снимаютъ съ себя священные одежды и идутъ по волнамъ въ странный порядкъ. Но толпы шумно слѣдующихъ за ними рыбаковъ скоро окружаютъ со всѣхъ сторонъ кортежъ: схвативъ сильными руками ковшекъ цдола, они приподнимаютъ его надъ лакированными токами бонзъ, и, не смотря на дѣйствительныя или притворныя усилія официальныхъ стражей, борющихся съ толпою посреди лѣнивыхъ волнъ, микози, хотя и покачивается, по все-таки благополучно совершаетъ на рукахъ народа морское странствование. Это празднество называется матсури Готсъ-Тенноо. Совершается оно на шестой день шестаго мѣсяца и продолжается съ различными обрядами до конца осьмаго дня, когда бонзы раздѣютъ, въ заключеніе, своей духовной наставѣ древесныя вѣтви съ плодами, какіе любить народъ, то есть только что начинающими дозрѣвать.

Замѣчу при этомъ странный фактъ, противорѣчащій, повидимому, тому, что я говорилъ о религіозномъ обожаніи моря японцами: на сколько удалось мнѣ замѣтить, морскія купанья не употребляются между ними вовсе. Кромѣ обмыва мыться ежедневно въ теплой банѣ, они охотно выдвигаютъ на себя утробъ ведро воды дома, въ ванной комнатѣ, гдѣ дѣлается покатый полъ со множествомъ просверленныхъ дыръ. Вода для обливанія ставится постоянно на ночь въ ванную комнату. Коскисъ каждый вечеръ наполняютъ водою огромный чанъ, который въ течение дня весь осушается.

Когда мы, съ своей стороны, пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы насладиться купаньемъ въ гавани, то ни разу не видали, чтобы туземцы бросались въ море съ тою же цѣлью. Подобную воздержность нельзя же объяснить страхомъ морскихъ чудовищъ, потому уже, что въ вѣдѣстныхъ случаяхъ, какъ-напримѣръ при матсури Синагавы, все прибрежное мужское населеніе не боится вовсе совершать въ волнахъ моря продолжительную процессію.

ГЛАВА XL.

Ф У К А Г А В А.

Рыбные рынки. — Уличные представлѣнія. — Пляска корейскаго льва. — Жонглеры. — Тряпичники. — Странствующие цыгане. — Другіе лавки фукагавскаго квартала. — Солнечные часы.

Фукагавскій кварталъ, образующій округъ или южное предмѣстье Хонджо, служилъ не разъ пѣлю нашихъ морскихъ экскурсій.

Мы отправлялись обыкновенно поутру, съ наступленіемъ прилива; гребцы направляли насъ

сампанъ къ сѣверу, и вскорѣ, миновавъ стоянку военныхъ кораблей, проходили подъ пушками отдѣльныхъ фортовъ и вступали въ ограду рейда.

По мѣрѣ приближенія къ городу, сѣва начинали развѣтываться, поочередно, набережныя Та-канавы, Амаготень, Тетпоцобъ и масса торговаго города, превышающая огромную крышу храма Мон-зеки. Мы становились почти на высотѣ острова Исава, у устья великой рѣки, и затѣмъ, повернувъ вправо, высаживались позади укрѣпленій и верфей правительства, выстроенныхъ на юго-западной оконечности Хонджо.

Сосѣднія съ рейдомъ улицы служатъ центромъ разнообразной промышленности, главные матеріалы которой доставляются преимущественно океаномъ. Здѣсь вы замѣтите обширныя сушильни для рыбы, моллюсковъ и водорослей, идущихъ въ продажу; также большія помѣщенія для приготовленій такъ

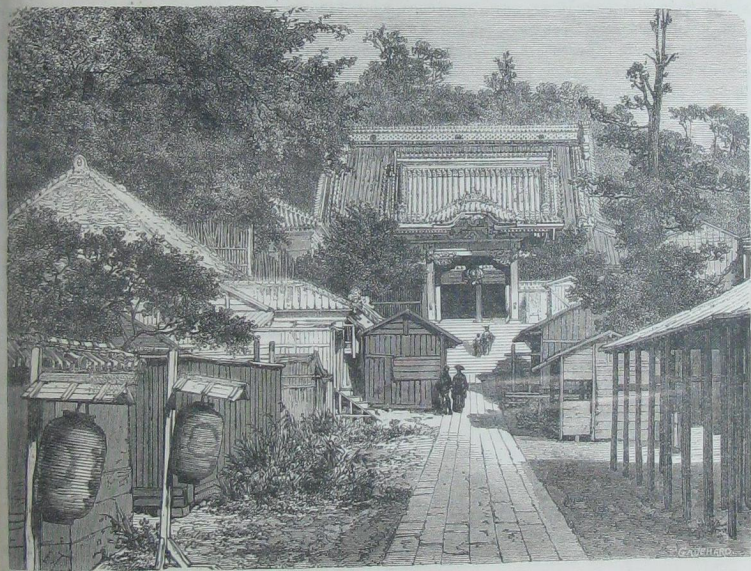
называемой *абура-ками*, — т. е. матеріи изъ пропитанной масломъ бумаги, что для японцевъ замѣняетъ наши непромокаемыя ткани. Туземные рабочіе великолѣпно выдѣлываютъ рыбій клей и, посредствомъ липкаго сока нѣкоторыхъ морскихъ травъ, съ замѣчательнымъ искусствомъ поддѣлываютъ употребляемые въ пищу гнѣзда яванскихъ ласточекъ. Крупные городскіе купцы вывозятъ эти гнѣзда въ Китай, пуская въ ходъ, при ихъ укладкѣ, всевозможныя хитрости, могущія ввести въ заблужденіе гастрономовъ Небесной имперіи. Я не поручусь въ томъ, что и Европа вполне обезпечена отъ такого страшнаго надувательства.

Однако самый лучший продуктъ этого квартала составляютъ рыбы сосиски. Онѣ приготовляются различныхъ сортовъ, изъ которыхъ каждый отличается особымъ цвѣтомъ. Въ большую печь, стоящую посреди просторной кухни и выдѣленную известью, ставятъ, предварительно разогрѣвъ печь надѣжащимъ образомъ, желѣзный сосудъ, въ которомъ и варятъ рыбу извѣстныхъ сортовъ. Другія рыбы рубятся сырыми, а нѣкоторыя — изъ мелкой породы — растираются въ порошокъ въ бѣлѣхъ деревянныхъ ступкахъ, когда окажутся достаточно просушенными. Затѣмъ приступаютъ къ разсортировкѣ, приправѣ и скатыванію приготовленнаго такимъ образомъ мяса, начиная его въ рыбью кожу и перевязкѣ послѣдней веревочками: потомъ вынимаютъ готовый продуктъ.

По мѣрѣ того какъ мы проникаемъ далѣе въ улицы и многолюдныя площади предмѣстья, нашимъ взорамъ открывается цѣлый міръ мелкихъ ремеслъ и мелкихъ развлеченій. Тамъ-и-сямъ мы различаемъ скромныя жилища ходячихъ промышленниковъ различныхъ классовъ; всѣ они до восхода солнца направляются въ городъ, откуда возвращаются домой не раньше какъ позднюю ночью. Тутъ есть чеботари, занимающіеся починкою деревянныхъ сандалій, лудильщики, мѣдники, продавцы битой фарфоровой посуды, торговцы старымъ платьемъ, разносчики дешевыхъ тканей, идущихъ на женскіе поясы и *киримоны*, — словомъ, люди испытанные въ терпѣніи и умѣньи разсчитывать полущикъ: когда оказывается недостаточно однихъ счетовъ, они указательнымъ пальцемъ лѣвой руки начинаютъ высчитывать на всевозможныхъ предметахъ, причемъ дѣло доходитъ иногда и до торчащей у нихъ на головахъ косички.

Не забудемъ, однако, и процвѣтающаго въ Иеддо тряпичника, который, самъ того не вѣдая, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ доставлялъ матеріалъ для англійскаго писчебумажнаго производства. По утрамъ и вечеромъ гуляетъ и шаритъ онъ по городскимъ площадямъ и люднымъ улицамъ Хонджо и промышленнаго города, вооружившись корзиною въ родѣ тѣхъ, какія ставятся подъ письменный столъ, — которую онъ носитъ на лѣвой рукѣ. Въ правой рукѣ онъ держитъ двѣ длинныя палки, помощью которыхъ нѣжно захватываетъ и поднимаетъ съ земли, чтобы положить къ себѣ въ корзину все, что найдетъ для себя подходящимъ.

Люди, занимающіеся ходичими профессіями, никогда не останавливаются передъ диковинками, встрѣчающимися имъ по дорогѣ. За то въ Иеддо можно видѣть, какъ они перекидываются нѣсколькими привѣтствіями, сопровождаемыми двумя-тремя клубами табачнаго дыма, съ природными друзьями своими, странствующими цыганами, которыми изобилуетъ этотъ городъ. Вотъ одинъ заставляетъ плясать на мостовой какого-то полишинеля или, точнѣе, складную куклу, одѣтую въ костюмъ, какой носятъ члены секты *пашуиши* деревней. Другой выставилъ на столъ модель храма Амиды бѣлая мышь карабкается по его лѣстницамъ, дергаетъ звонокъ въ порталѣ и молится передъ алтаремъ. Третій показываетъ дрессированныхъ птицъ, выученныхъ стрѣлять изъ лука, воровать

Входъ въ помѣщеніе американскаго посольства.

рвать, доставать изъ колодца воду, возить повозочку, нагруженную хлопчатобумажными мячиками. Уличный жонглеръ, стоя на двухъ высокихъ деревянныхъ подставкахъ, перебрасываетъ у себя надъ головою три-четыре бутылки или фарфоровыя чашки; онъ разбиваетъ яйцо и вытаскиваетъ оттуда двадцать аршинъ шнура; растираетъ въ рукахъ доскутокъ бумаги — и черезъ минуту изъ рукъ его вылетаетъ цѣлое облако искусственныхъ мошекъ.

Большинство этихъ фокусниковъ расчитываетъ не столько на выручку за представленіе, сколько на сбытъ разныхъ дрянныхъ и ненужныхъ вещей, которыя даютъ имъ на комиссію городскіе купцы: маріонетки и чертенята привлекаютъ къ ящику, служащему ихъ подмостками, толпы дѣтей, которыя живо замѣчаютъ, что этотъ ящикъ наполненъ свертками со сладостями. Продавецъ вѣровъ отрываятъ,

один из своих вѣровъ, добротачественностью котораго хочетъ поразить публику, и на ребрѣ е начинаетъ перекачивать взадъ и впередъ какой нибудь волчекъ или мячъ. Другіе фокусники развѣсать произведенія предмѣстій по аристократическимъ кварталамъ города.

Во многихъ лавкахъ предмѣстья Фукагавы выдѣлываютъ и пускаютъ въ продажу, въ видѣ пакетъ, изычно перевязанныхъ шолковыми тесемками, палочки изъ крѣпкаго дерева или бамбука (хази), которыя замѣняютъ наши вилы, а также зубочистки, приготовленныя изъ нѣжнаго и пріятнаго на вкусъ дерева (*virburnum kambok*), которое, повидимому, нарочно создано для той роли, какую назначаетъ ему японцы во время обѣда. Кромѣ того, здѣсь продаются щетки, вмѣсто щетины у насъ японцы шпильками изъ благаго дерева, концы которыхъ заострены и слегка извилисты.

У японцевъ есть изобрѣтенный ими самими зубной порошокъ, въ составъ котораго входитъ говорятъ, пыль слоновой кости. Онъ продается въ маленькихъ коробочкахъ, раздвижная крышка которыхъ бываетъ украшена раскрашенными картинками, мѣняющимися сообразно тому, перваго изъ втораго качества товаръ заключается въ коробочкѣ. Порошокъ, которымъ женщины женщины чернятъ себѣ зубы, продается въ болѣе роскошномъ видѣ, причемъ коробочка замѣняется даже металлическою шкатулкою.

Рабочіе, самой скромной наружности, столары, мебельные мастера, токари, выдѣлываютъ множество красивыхъ вещей изъ вяза, древесной коры, бамбука, простой и слоновой кости, оленяго рога, интард, морскихъ раковинъ, черепахи и кокосоваго орѣха. Китайскіе рабочіе, занимающіеся выдѣлкою издѣлій изъ слоновой кости, стараются обыкновенно взять терпѣливымъ, приготовляя, напримѣръ, какія нибудь три или четыре рѣзныхъ шарика, вращающихся одинъ въ другомъ. Напротивъ того японскіе ремесленники вовсе не полагаютъ своей славы въ предолѣніи трудностей и одушевляющіеся гораздо болѣе благороднымъ стремленіемъ: прежде всего они стараются достигнуть совершенства въ подражаніи природѣ. Если же они иногда и уступаютъ капризу фантазіи, то вышедшая изъ ихъ рукъ вещь обыкновенно носитъ на себѣ отпечатокъ юмора и веселаго настроенія духа, а не вкуса къ страннымъ и оригинальнымъ формамъ. Во всякомъ случаѣ, изъ всѣхъ фигурокъ, выдѣлываемыхъ въ Іеддо токарями слоновой кости, наиболѣе изычными являются, безспорно, тѣ, которыя изображаютъ животныхъ и въ особенности тигра, буйвола, медвѣдя, обезьяну и мышь. Эти маленькія изычныя вещицы, не имѣющія въ нашихъ глазахъ никакого интереса, кромѣ интереса диковинки составляютъ непремѣнную составную часть прибора туземныхъ курителей обоого пола. Чтобы носить при себѣ трубку въ футлярѣ и кигесъ съ табакомъ, они привязываютъ тотъ и другую къ толстому шнурку, другой конецъ котораго украшается однимъ или двумя подобными брелоками, которые при держиваютъ шнурокъ и не даютъ ему сползати, когда его притянутъ къ поясу. Тѣ же брелоки употребляются и при ношеніи ящичковъ съ лекарствами.

Въ предѣлахъ одной изъ большихъ городскихъ площадей я замѣтилъ чрезвычайно любопытно скрѣпленіе крупныхъ и мелкихъ ремеслъ, по большей части очень грубыхъ, но которыя всѣ, безъ исключенія, заслуживаютъ — каждое въ своемъ родѣ — вниманія наблюдателя.

Мастерскія рабочихъ, плетущихъ вещи изъ ивовыхъ прутьевъ, выдѣлывателей цыновокъ, переплетчиковъ и футлярщиковъ, — все это представляетъ живописную смѣсь работниковъ, всѣхъ возрастовъ и обоеихъ половъ. Бочары сваливаютъ въ просторныхъ магазинахъ кадки и бочки различныхъ размѣровъ, обитыя бамбуковыми обручами и предназначенныя исключительно для отпавовой продажи. Лавки съ коробочными издѣліями изобилуютъ всевозможными сундуками и деревянными ларчиками, между которыми въ особенности нужно замѣтить ящики изъ камфарнаго дерева, навсегда сохраняющіе свой ароматическій запахъ. Одинъ приборъ такихъ ящичковъ состоитъ изъ полудюжины ларчиковъ, вкладывающихся одинъ въ другой, такъ что ихъ можно отправить въ видѣ одного тѣла. Есть также ассортименты очень прочныхъ ящичковъ изъ лакированнаго картона, безконечный рядъ различныхъ хозяйственныхъ принадлежностей и мелкой складной мебели; нѣкоторыя вещи, въ родѣ чашъ для риса, — лакированы, другія сдѣланы изъ благаго или бамбуковаго дерева. Въ числѣ посуды, внутренность которой раздѣляется на отдѣленія и которая закрывается крышкою, есть множество съ секретнымъ запоромъ, тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что въ послѣдніе вы не замѣчаете и шарнировъ, ни пружинъ: весь фокусъ заключается въ самой деревянной работѣ.

Одно изъ свойствъ японскихъ ремесленниковъ, наиболѣе поражающихъ европейца, заключается въ крайней скудости техническихъ средствъ, которыми они располагаютъ.

Вблизи только что описанныхъ мною лавокъ и магазиновъ можно было видѣть четыре или пять балагановъ, въ которыхъ помѣщалось столько же различныхъ производствъ. И-убіренъ, что инст-

рументы всѣхъ этихъ пяти мастерскихъ не стоили и ста франковъ. Первый балаганъ, какъ мнѣ показалось, былъ посвященъ производству особаго рода куколъ изъ папье-маше, особенно любимыхъ въ японскихъ семействахъ. Онѣ состоятъ изъ головы и бюста, закутанныхъ въ пуццовый плащъ, и, говорить, въ этомъ видѣ онѣ служатъ для передачи изъ рода въ родъ воспоминанія объ одномъ великомъ поклонникѣ Будды, который совершенно лишился погѣ отъ усердія въ благочестивомъ бичеваніи своей плоти. Опрокинуть такую куклу невозможно: она тотчасъ же приходитъ въ равновѣсіе подобно нашимъ кукламъ, дѣлаемымъ изъ бузины или гутаперчи. Такія куклы бывають неслыханно величинъ и устрѣбляются жонглерами во время фокусовъ.

Далѣе, двое рабочихъ, вооружившись маленькими молотками и пилами, занимаются пробиваніемъ металлическихъ трубокъ и нарѣзкою деревянныхъ чубуковъ, что совершается посредствомъ простой доски, въ которой сдѣлано шесть дырокъ неравной величины, снабженныхъ желѣзною спиральною нарѣзкой.

Вотъ выдѣлываетъ дугъ подставляетъ на минуту къ жару пылающихъ стружекъ деревянные брусья, чтобы придать имъ необходимый изгибъ, между тѣмъ какъ товарищъ его устраниваетъ, посредствомъ клея и веревокъ, шелковыхъ, волосняныхъ или бумажныхъ кисти, которые обыкновенно прививаются на верхушкѣ длинныхъ шестовъ для обозначенія на далекое разстояніе ранга или должности разныхъ военныхъ и гражданскихъ властей.

Въ сосѣдней мастерской помѣщается стариканка, который, дѣйствуя одними только щипцами, прикрѣпляетъ къ бумажнымъ фонарямъ проволочные обручи и крючки.

При входѣ въ одну изъ боковыхъ улицъ, подлужины рабочихъ заняты приготовленіемъ деревянныхъ башмаковъ и сандалій. Здѣсь замѣтно раздѣленіе труда; у каждого своя особая специальность: одинъ, вооружившись пилою, рѣжетъ полѣнья на ровные куски, которые другой распиливаетъ на дощечки, придавая имъ видъ подошвъ; третій скоблитъ и скругляетъ массивные деревянные башмаки и простыя сандаліи; четвертый дѣлаетъ въ нихъ дырки, черезъ которыя должны проходить соломенные веревки. Буравчикъ, которымъ онъ дѣйствуетъ, подымается и опускается по его усмотрѣнію вслѣдствіе давленія обѣихъ рукъ, производимаго на горизонтальную рукоятку, къ концамъ которой прикрѣплены два ремня, поочередно закручивающіеся и раскручивающіеся около этого страннаго инструмента. Наконецъ, остальные рабочіе лакируютъ болѣе роскошную обувь или готовятъ связки по десяти паръ башмаковъ, предназначаемыхъ къ отправкѣ въ мелочныя лавки.

Мнѣ оставалось осмотрѣть наиболее оригинальную лавку этого квартала, принадлежащую мастеру, дѣлающему солнечныя часы и такіе, которые могутъ соперничать съ шварцвальдскими «кубушками», съ тою только разницею, что они дѣлаются по системѣ непостоянныхъ часовъ увеличивающихся или уменьшающихся, смотря по времени года. Нагнувшись надъ маленькою, вѣдланною въ землю наковальнею, часовщикъ самъ дѣлаетъ всѣ части механизма своихъ хронометровъ, за исключеніемъ чашки, служащей для боя. Его инструменты, расположенные вокругъ него на покрывающихъ полъ циновкахъ, состоятъ изъ молотка, двухъ или трехъ палильниковъ, пары щипчиковъ и нѣсколькихъ буравчиковъ. Что касается переносныхъ солнечныхъ часовъ, величину и форму похожихъ на большой кампантъ, то въ нихъ онъ дѣлаетъ только внутреннія части, а коробка фабрикуется мѣдниками. Такіе часы открываются какъ орѣхъ, у котораго двѣ половинки скручены соединены между собою шарниромъ. Въ срединѣ одного изъ полушарій укрѣпленъ двѣнадцать равныхъ частей, котораго ложится на плоскую поверхность круга, раздѣленнаго на двѣнадцать равныхъ частей, сообразно японской двѣнадцатичасовой системѣ, причемъ каждый японскій часъ равняется двумъ нашимъ. Въ другой половинѣ коробочки, въ цилиндрическомъ углубленіи, находится магнитная стрѣлка, свободно двигающаяся по горизонтальной плоскости. Подъ стрѣлкою помѣщены четыре значка, отстоящіе одинъ отъ другаго на девятидесято градусовъ и означающіе четыре главные страны свѣта. Круглая, плоская поверхность этого полушарія также раздѣлена на двѣнадцать частей, соответствующихъ дѣленіямъ противоположнаго полушарія и отмѣченныхъ тѣми же знаками, только въ обратномъ порядкѣ. При употребленіи этихъ солнечныхъ часовъ, достаточно установить ихъ при помощи магнитной стрѣлки, послѣ чего направленіе тѣни отъ маленькаго указателя даетъ возможность приблизительно опредѣлить часъ.

ГЛАВА XLII.

ГИМНАСТЫ И БОРЦЫ.

Уличные акробаты и кіотскіе гимнасты. — Состояніе борцовъ. — Циркъ. — Описаніе зрѣлища. — Торжество побѣдителя.

Къ возгласамъ, пѣснямъ и стуку рабочихъ инструментовъ, раздающимся въ мастерскихъ, примѣшиваются крики и удары барабана, производимые двумя труппами акробатовъ, стоящими на двухъ углахъ площади. Одна изъ нихъ даетъ представленіе подъ открытымъ небомъ; дѣйствующими лицами являются здѣсь шнаглотатель и удивительный прыгатель. Послѣдній безпрепятственно проскакиваетъ черезъ два кольца, поставленные крестъ-на-крестъ и привязанныя къ верхушкѣ шеста, на которомъ, сверхъ того, уравнивается кружка, поставленная на точкѣ пересѣченія колецъ. Но самый эффектный скачокъ состоитъ въ томъ, чтобы съ разбѣга пролетѣть сквозь большой цилиндръ, составленный изъ бамбуковой рѣшетки, длиною около двухъ метровъ, поставленный на двухъ подставкахъ. Желая окончательно поразить зрителей удивленіемъ, акробаты разставляютъ внутри цилиндра, на равныхъ одна отъ другой разстояніяхъ, четыре большія свѣчи, надъ пламенемъ которыхъ и проносится съ удивительною быстротою, не затушивъ и даже не шевельнувъ ихъ. Нѣжная супруга его, возсѣдающая на лѣчкѣ около цилиндра, аккомпанируетъ различныя отдѣленія представленія игрою на гитарѣ. Къ дребезжащимъ звукамъ этого инструмента она, время отъ времени, присоединяетъ и собственный свой голосъ, издавая то глухіе, то визгливые возгласы, смотря по тому, находятъ ли нужнымъ поощрить или возвеличить подвиги удивительнаго человѣка, котораго существованіе, преисполненное опасностей, она усиливаетъ собою.

Другая труппа акробатовъ состоитъ изъ кіотскихъ гимнастовъ. Тутъ представленіе дается въ обширномъ сараѣ, гдѣ устроены различныя лѣса, въ родѣ мачтъ, шестовъ и перекладинъ, немногими отличающихся отъ тѣхъ, которые устанавливаются въ нашихъ гимнастическихъ залахъ. Почти всѣ эти орудія сдѣланы изъ бамбука. Труппа довольно многочисленна, самоувѣренна и опытна въ умѣньи поддѣлывать на публику. Особого спеціального комика въ ней не имѣется: вслѣдствіе самаго себя изображаетъ клоуна и съ величайшею легкостью поминутно переходитъ отъ смѣшнаго къ торжественному и обратно. Глазъ европейца наиболѣе поражается въ такихъ представленіяхъ простотою костюма актеровъ; такъ какъ они донинѣ не имѣютъ понятія о трико, то весь ихъ общій гардеробъ легко могъ бы помѣститься въ двухъ носовыхъ платкахъ. Прическа ихъ, служащая юмористическимъ подраженіемъ чепцамъ даймѣсовъ и токамъ даири, никогда не покидаетъ ихъ, даже во время исполненія фокуса, состоящаго въ захватываніи двумя пальцами ноги съ земли соломеннаго угля и надѣванія его на голову, не теряя равновѣсія и стоя со скрещенными на груди руками.

Жители Іеддо, какъ кажется, не особенно любятъ представленія гимнастовъ, которыя не заключаютъ въ себѣ достаточно драматическаго интереса. Японы ищутъ возбужденія, даваемого зрѣлищемъ борьбы человѣка съ человѣкомъ или съ законами матеріальнаго міра. Они любятъ, чтобы фокусники, въ угоду имъ, преодолевали большія препятствія и серьезныя опасности. Наконецъ, кромѣ всего этого, они требуютъ безпрестанно новой пищи ихъ ненасытной страсти къ фантастическому и чудесному. Въ силу этихъ разнообразныхъ причинъ, никакія представленія не пользуются въ Іеддо такою благосклонностію публики, какъ публичныя игры борцовъ по профессіи.

Атлетическія битвы принадлежать къ числу самыхъ старинныхъ забавъ японскаго народа. Состояніе борцовъ считалось свое основаніе съ седьмага мѣсяца третьяго года царствованія Зинму, — перваго микадо, т. е. съ 658 г. до Р. X.

Состоя подъ покровительствомъ императора, корпорація борцовъ, по соглашенію съ правительствомъ, опредѣляетъ ежегодно программу своихъ представленій, давая ихъ въ различныхъ мѣстностяхъ отдѣльными труппами, разбѣзжающими по главнымъ городамъ Японы. Постоянныхъ цирковъ она не имѣетъ нигдѣ. Постройки, воздвигаемыя для представленій въ городахъ и большихъ селе-

нихъ, пригласившихъ къ себѣ труппу, бываютъ иногда значительнаго размѣра, но сооружаются совершенно безъ всякой роскоши. Цирки борцовъ устраиваются всегда по одному образцу: рѣдко случается, чтобы въ нихъ дѣлали болѣе одного ряда галлерей; Послѣднія всегда имѣютъ сообщенія съ партеромъ, посредствомъ простыхъ бамбуковыхъ лѣстницъ. Мужчины и женщины садятся вѣдѣтъ. За исключеніемъ небольшого числа ложъ, предназначенныхъ для властей, въ циркахъ не допускается другаго устройства, кромѣ двухъ разрядовъ мѣстъ, причемъ мѣста на галлерейхъ цѣнятся дороже партера. Толпа наполняетъ циркъ за олодо до начала представленія. Исходъ борьбы служитъ предметомъ горячихъ пари, и зрители, имѣющіе обыкновеніе интересоваться этими спорами, стараются занять наиболѣе удобныя для наблюденія мѣста, какими обыкновенно оказываются послѣдніе ряды амфитеатра, образуемаго партеромъ вокругъ арены борцовъ. Изъ послѣднихъ ни одинъ не является въ циркъ, пока публика не кончитъ усаживаться по мѣстамъ. Всѣ они ждутъ въ костюмерной комнатѣ, гдѣ занимаются раздѣваніемъ, повязываніемъ вокругъ средней части тѣла тонкихъ шелковыхъ

Уличные жонглеры передъ колбасною заавою.

шарфовъ съ длинною бахромою, и надѣваніемъ на себя бархатныхъ передниковъ, на которыхъ вышиваются изображенія ихъ оружія и привѣшиваются дипломы ихъ побѣдъ. Въ представленіи, гово- рить г. Лендо, участвуютъ различныя общества борцовъ. Самый искусный и ловкій изъ нихъ въ каждомъ обществѣ считается, въ то же время, его начальникомъ; какъ герои англійскаго *ring*, онъ носитъ почетный поясъ, который обыкновенно дается ему владѣтелемъ его родной провинціи и на- дѣвается при началѣ и въ концѣ представленія. Приготовленія эти обыкновенно танутся до без- конечности. Безъ помощи товарищей, благородные атлеты никогда не сумѣютъ ни хорошенко затя- нуть себѣ пояса, ни взбить на затылкѣ надлежащимъ образомъ прическу, ни повязать съ подобаю- щимъ званію достоинствомъ передникъ. А потомъ, — каждый изъ нихъ принимается обоборывать всѣ сочлененія своихъ рукъ и ногъ, заставляя ихъ хрустѣть одно за другимъ, и вытягиваетъ свои члены, цѣпляясь за висающіе съ потолка костюмерной соломенные вальки. Наконецъ на вершинѣ башни или,

скорбе, высокой деревянной кѣтки, возвышающейся надъ главнымъ входомъ цирка, раздается звукъ барабана. Шумное нетерпѣливое толпы смѣняется тишиною, ибо публика ожидаетъ появленія чего-то феноменальнаго. Красующіяся на афишахъ изображенія уже заранѣе успѣли въ высшей степени возбудить воображеніе зрителей. Можно думать, что въ циркѣ появятся не простые смертные, но какіе нибудь гиганты, колоссы, сказочные герои, по своимъ размѣрамъ превосходящіе весь родъ Человѣческій.

Между тѣмъ появляется режиссеръ — гнуснаго, маленькаго фигурка, одѣтая съ величайшею изысканностью, и, дѣлая поклоны на всѣ стороны, съ видомъ самой утонченной вѣжливости, садится въ центръ арены, откуда и начинается, яснымъ и мѣрнымъ голосомъ, провозглашать программу представленія, а также имена и достославные титулы членовъ обѣихъ соперничающихъ труппъ, имѣющихъ выйти на состязаніе. Раздается вторичный бой барабана, что служитъ сигналомъ параднаго выхода актеровъ. Медленной поступью, опустивъ руки и высоко поднявъ голову, одинъ за другимъ выходятъ борцы, во весь ростъ возвышающіеся надъ лѣзящими по ступенямъ партера зрителями. Ихъ торжественное шествіе сопровождается глухимъ ропотомъ удивленія. Надо сказать, что какой нибудь другой страніи было бы трудно устроить процессію, подобную шествію атлетовъ въ Іеддо. У нихъ отъ отца къ сыну передаются какія-то гігеническія, изъ вѣка въ вѣкъ совершенствующіяся, средства, результаты которыхъ могутъ соперничать съ результатами, какихъ сами даже англійскіе спортсмены успѣли достигнуть только относительно жвачныхъ животныхъ.

Послѣ эффектнаго параднаго выхода, борцы раздѣляются на два лагеря, снимаютъ съ себя перчатки и садятся на нихъ, по правую и по лѣвую сторону арены. Послѣдняя образуетъ небольшой круглый холмъ, возвышающійся почти на аршинъ надъ основаніемъ амфитеатра. Арена посыпана пескомъ, орожена двойнымъ рядомъ соломенныхъ вѣзюкъ и прикрывается щегольской крышей, поддерживаемою четырьмя деревянными раскрашенными столбами. Вся остальная часть цирка находится подъ открытымъ небомъ. Къ одному изъ стоящихъ на аренѣ столбовъ привѣшено кропило (гокей) къ другому — бумажный мѣшокъ съ солью; третій украшенъ почетною саблей; у подножія четвертаго, съ наружной стороны, поставлено ведро воды, съ плавающимъ въ ней ковшикомъ.

Передъ представленіемъ являются четверо особыхъ судей боя, и каждый изъ нихъ садится у подножія (или по близости) столба. Режиссеръ не сходитъ съ арены. Держа въ рукахъ служажій для командованія вѣеръ съ длинными шелковыми шнурками, онъ приглашаетъ по одному представителю отъ обѣихъ соперничающихъ труппъ войти на арену, послѣ чего съ одушевленіемъ провозглашаетъ, при аплодисментахъ толпы, титулы обоихъ славныхъ борцовъ. Однако, представленіе начинается не сразу. Искусство дѣлать замедленія составляетъ одну изъ главныхъ заслугъ японскаго атлета. Наши герои предварительно начинаютъ осматривать другъ друга; но это не болѣе какъ простое сведеніе знакомства, послѣ котораго каждый изъ нихъ отходитъ въ сторону, принимается раскачивать, выпиваятъ лютюкъ воды, беретъ щепотку соли и посыпаетъ ею землю, чтобы заручиться отъ неудачи. Затѣмъ оба борца, какъ бы случайно, встрѣчаются и становятся въ позицію, т. е. при сѣдаютъ одинъ передъ другимъ на корточки и въ упоръ глядятъ другъ другу въ глаза. Удовольствовавшись этимъ, они съ большимъ спокойствіемъ снова выпрямляются, опять подходятъ къ мѣшку съ солью или къ ведру воды, пробуютъ, хорошо ли подвязанъ животъ, мѣрно похлопываютъ себя по ляжкамъ или кобѣнямъ, приподнимаютъ послѣдовательно сперва правую, потомъ лѣвую ногу. Наконецъ они, вновь становятся въ прежнюю позицію, и, на этотъ разъ, переходятъ ко второму дѣйствію: съ виду у нихъ тотъ же взглядъ, та же неподвижность; но вы замѣчаете что, мало-по-малу ноги ихъ поднимаются, руки вытягиваются и пальцы, до сихъ поръ согнутые, выпрямляются на встрѣчу противника. Мгновенно происходитъ нападеніе; руки одного отталкиваютъ руки другаго, ни одинъ не даетъ противнику схватить себя за руку и самъ никакъ не можетъ сдѣлать съ нимъ того же. Судьи спѣшатъ удостовѣрится, что оба борца — одинаковой силы, и борцы отправляются отдыхать.

Представляю вѣрный образчикъ боя, котораго я самъ былъ свидѣтелемъ, и могу сказать, что это зрѣлище далеко не безынтересно. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы вытолкать или выбросить противника за черту круга, обведеннаго соломенными вѣзюками. Стоять ему только переступить эту границу — и онъ проигралъ битву. Японскіе борцы стараются одержать побѣду не столько посредствомъ мускульной силы или ловкости, сколько тяжестью своего тѣла, т. е. постояннымъ натѣкомъ одной мясистой массы на другую, совершенно подобную ей. Я никогда не видалъ, чтобы японскій атлетъ былъ поваленъ на землю. Оживленныя схватки, драматическія положенія, живописныя позы, —

все это составляет совершенно исключительные случаи. Правда, чрезвычайно редко бывает, чтобы из двух, одинаково огромных единоборцев которыйнибудь не устоял на ногах или был поднят на воздух. Впрочем, при малейших признаках опасности, едва битва начнет принимать одушевленный характер, маленький режиссер, со множеством патетических ужимок, тотчас же старается вмешаться в дело. В крайнем случае он допускает развѣ только то, чтобы наиболее успешно действующий атлет схватил своего соперника за ногу и заставил его пятиться на одной ногѣ. Это уже вполне достаточно для возбужденія въ зрителяхъ неописаннаго восторга. Побѣдитель всегда получаетъ щедрое вознагражденіе отъ людей, которымъ онъ доставилъ случай выпрыгнуть пари. Они кидаютъ ему подарки, въ родѣ поясовъ и платковъ, которые онъ потомъ вымѣниваетъ у ихъ владѣльцевъ на деньги. Борцы, пользующіеся знаменитостію, имѣютъ доступъ не только въ буржуазные но даже и въ аристократическіе дома. Правительство даруетъ имъ право носить саблю. На улицахъ дѣти называютъ ихъ по имени, и если имъ вздумается явиться на общественное гулянье, то они встрѣчаютъ тамъ, со стороны лицъ обоего пола, приемъ достойный тѣхъ почестей, которыми, въ испанскихъ городахъ, окружены *тореро*.

ГЛАВА XLII.

МАТСУРИ.

Годовые престольные и храмовые праздники. — Отсутствіе мистическаго смысла въ матсури. — Колесница Мюджина. — Процессія бѣлаго слона. — Другія процессіи.

Во все время пребыванія нашего на рейдѣ я присоединился только къ морскимъ экспедиціямъ нашего кружка, предоставивъ молодымъ сотоварищамъ дѣлать большія прогулки верхомъ, которые постоянно начинались отъ якуинскаго поста въ Джоддзи.

Такимъ образомъ они обѣхали всѣ округа къ сѣверу и западу отъ Замка до знаменитыхъ садовъ Оджи и въ окрестности Сенджоо-Басси, въ сѣверномъ предмѣстьи Иедо.

Западные округа лежатъ между большимъ шоссе, которымъ они отдѣляются отъ южныхъ кварталовъ, и протоками, идущими изъ западнаго предмѣстья и наполняющаго рвы наружной ограды Замка. Этихъ округовъ три: Окубо, Изигаи-Узигоме и Кобината.

Тутъ не встрѣчается ни одного замѣчательнаго зданія, и дворцовъ перваго класса только два; но іаски гаттамотосовъ преизобилуютъ въ сосѣдствѣ рва, который составляетъ раздѣльную черту назначенныхъ округовъ отъ квартала гвардіи.

Дома ремесленниковъ скучиваются на западѣ и нерѣдко отдѣляются отъ военныхъ помѣщеній тѣснымъ полемъ или бѣгомъ. На всемъ протяженіи крайней западной зоны своей, эти народныя кварталы сливаются съ предмѣстіемъ и принимаютъ на себя отличающій его сельскій характеръ.

Напротивъ, сѣверные округа я дѣлю на двѣ группы по ихъ отличительнымъ признакамъ и физиономіи: съ одной стороны, у береговъ О-Гавы: Асаксы, о которыхъ поговоримъ впоследствии, кварталы богатыхъ бонзерій и увеселительныхъ мѣстъ; съ другой — пять большихъ улицъ въ одномъ мѣстѣ и народныя кварталы, пересѣченные площадями, множество дворцовъ перваго класса или іаски низшаго разряда, и обширныя бонзеріи, напримѣръ Тохіѣзанъ, принадлежащая тайкуну, и Рокзанъ, посвященная культу ками, или скорѣе Робу-синто, который представляетъ смѣсь древней религіи съ буддистскими обрядами.

Богъ названія этихъ пяти округовъ: Отова, Конскава, Комакумэ, Хонджо-йузима, и Стайя или Оказа-стайя.

Если проѣзжать ихъ съ запада на востокъ, то они начинаютъ, такъ сказать, постепенно преобразовываться и представлять постепенную картину всѣхъ фазъ общественной жизни Иеддо: у западной оконечности рисовыя плантаціи, огороды, сады, населеніе, занимающееся обработкой хлѣбныхъ растений, овощей, фруктовъ и цвѣтовъ; потомъ—улицы, мастерскія, лавки тысячи ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ; далѣе, ярмарочныя площади, аристократическія резиденціи, парки, бонзерій, народные сады, и, наконецъ, отъ Стайя до рѣки — только сады, храмы и чайные дома.

Каждая, или почти каждая, изъ городскихъ бонзерій Иеддо имѣетъ свой *матсури* или годовою престольный праздникъ. Впрочемъ, изъ числа самыхъ значительныхъ, есть такіе, которые празднуютъ разъ въ два года. Большая часть этихъ торжествъ интересуютъ только округъ, кварталъ, улицу и небольшую группу прихожанъ, помогающихъ бонзеріи приношеніями. Но есть особенныя исключительныя матсури, любимыя всею частью города какъ напримѣръ—всѣмъ Хонджо или Торговымъ-Городомъ, и даже такіе, которые пользуются безграничною популярностію цѣлаго города.

Разумѣется, матсури въ Иеддо вовсе не сохранили патріотическаго величія и благородной простоты, отличавшей ихъ во время полнаго блеска національнаго культа ками.

Мистическій смыслъ торжества утраченъ, нравственное значеніе его пришло въ упадокъ. Ярмарки и увеселенія, бывшія прежде аксессуаромъ праздника, теперь обратились въ главный его предметъ, или скорѣе — единственный интересъ. Точно такимъ же образомъ исчезли нѣкоторые среднѣвѣковые праздники, оставивъ однако же намъ свои кермессы, народныя ярмарки, развивавшіяся изъ года въ годъ подъ ихъ покровительствомъ. Большая монастырская ярмарка до сихъ поръ носитъ названіе Дзутья, въ память того, что первоначально здѣсь производился торгъ индугенціями. Въ Иеддо точно также нѣкоторые праздники напоминаютъ имена древнихъ національных божествъ: богини солнца—Тень-сэжо-данцинь; бога луны—Сосано-во-но-микото; бога воды—Мидзу-но-камэ; покровителя риса,—Инари; бога моря,—Тэбиса; бога войны,—Гатчимана, память котораго празднуется въ первый день Зайда втораго мѣсяца (марта). По характеристической чертой этихъ торжествъ служить театральная пышность и всякаго рода соблазны: здѣсь процессіи, хоры музыки, танцы и пантомимы жрецовъ, тамъ — маскарады и сценическія представленія на открытомъ воздухѣ; подальше — иллюминаціи, или нѣкоторыя специальности народныхъ игръ: стрѣльба изъ лука, конскія скачки, борьба атлетовъ, народныя лотереи, и почти повсемѣстно—рыночный торгъ фруктами, рыбой, сладкими пирожками, конфетами, цвѣтами, и даже общепотребительными предметами, какъ: вѣерами зонтиками, вещами изъ плетеной соломы, бумажными фонарями и дѣтскими игрушками.

Какъ бы то ни было, предметъ матсури въ такомъ городѣ, какъ Иеддо, гдѣ храмы считаются сотнями, ставить въ тупикъ не только перечисленіе, но и всякое подробное описаніе. Нѣсколько бглыхъ очерковъ, однако же, достаточны, чтобы дать о нихъ понятіе, а потому выберу такіе праздники, которые пользуются болѣе прочихъ привилегіей поднимать на ноги почти все населеніе громаднаго города.

На пятый день пятаго мѣсяца (июнь-июль) отправляются толпою спозаранку въ рощи предмѣстья Футуцү, для собиранія травъ, считающихся самымъ дѣйствительнымъ лекарствомъ въ приличныхъ болѣзняхъ. Импровизированный на опушкѣ лѣса рынокъ приглашаетъ богомольцевъ застѣись всѣмъ необходимымъ и даже излишнимъ, чтобы провести этотъ день безъ всякихъ лишеній.

Съ наступленіемъ вечера жрецы Рокза-міа, находящагося по близости, внезапно приступаютъ къ годичному очищенію святыхъ мѣстъ. Пока производится чистка храма, торжественная процессія должна носить по лѣсу, въ теченіе всей почти ночи, мощи и мебель святилища. Костры смолистого дерева заготавливаются во дворахъ священнаго убѣжища, у главныхъ торі входа, на прогалинахъ, и перекресткахъ лѣса, словомъ, по всему пути слѣдованія процессіи.

По данному сигналу, костры зажигаются сразу, при звукахъ флейтъ, гонговъ и большихъ барабановъ бонзеріи, и процессія пускается въ путь, обильно снабженная разноцвѣтными фонарями изъ прозрачной бумаги. Толпа сбѣгается со всѣхъ сторонъ къ кортежу съ криками радости, на которые отвѣчаютъ тысячи испуганныхъ птицъ, разбуженныхъ блескомъ зарева и нестройными восклицаніями.

Впереді процессіи, за первымъ хоромъ музыки, конюхи, одѣтые въ древній національный костюмъ, ведутъ подъ усты почетныхъ лошадей ками. За ними выступаютъ великіе жрецы съ своими учениками, и прислуга ихъ, несущая священное оружіе, трофеи древнихъ героевъ; наконецъ, предшествуемые *юхей* — древній крошканынъ, — двое лицъ въ маскахъ, изображающихъ головы корейской

собаки, потомъ вся толпа жрецовъ и прислужниковъ, употребляемыхъ для носки микози, мебели и утвари храма и его службъ.

Когда процессія обойдетъ всѣ наружныя станціи, то поворачиваетъ назадъ къ святилищу, и костры тухнутъ. Толпа разсыпается по армарочнымъ ресторанамъ и по дорогамъ, ведущимъ въ городъ; темнота и безмолвіе снова подвояются въ рошѣ, а затѣмъ и птицы, одна по одной, возвращаются въ свои убѣжища.

Въ двадцать-четвертый день осьмага мѣсяца (сентябрь — октябрь), братство храма Темманго, (въ Хонджо), очищеніе котораго совершается на двадцать-пятый день втораго мѣсяца, возить на колесницѣхъ запряженной однимъ буйволомъ, изображеніе своего бога по главнымъ улицамъ Іеддо. Значительнѣйшіе чиновники изъ семействъ, покровительствующихъ этой бонзеріи, и служащіе при ней жрецы, идуть впереди и сзади колесницы, въ сопровожденіи кули, несущихъ сундуки и корзины съ посудой и прочими священными предметами храма.

Тохіёзанъ празднуетъ свою годичную процессію на второй день десятаго мѣсяца (декабрь—январь). По возвращеніи, бонзы читаютъ народу отрывки изъ священныхъ книгъ, угощаютъ его чаемъ, приготовленнымъ и благословленнымъ ихъ руками, и безвозмездно открываютъ ему входъ въ сады и священную рошу, принадлежащую монастырю. Седьмой день посвященъ пантомимамъ на предметы изъ древней исторіи Ниппона.

Во время великой духоводичной процессіи храма Канда-Мюдзинъ, находящагося подъ покровительствомъ Канды, патрона Іеддо, участвуетъ цѣлая кавалькада историческихъ лицъ и въ томъ числѣ Тайкозама.

Чтобы придать параду еще болѣе рельефности, жрецы приглашаютъ на него нѣсколько куртизанокъ, которыя фигурируютъ въ кортежѣ въ изящныхъ пананкинахъ.

Колесница святаго Мюджина везется двумя буйволами и неограниченнымъ числомъ вѣрныхъ, добровольно припрягающихся къ соломеннымъ веревкамъ священной колесницы. Въ нѣсколькихъ шагахъ позади ея, несутъ на блудѣ отвратительную, колоссальную голову демона, побѣжденного святымъ. Добрыя души изъ простаго народа смотрятъ со страхомъ на громадные рога и всклокоченную гриву, показываютъ другъ другу на налившіеся кровью глаза, на пунцовое лицо и страшная челюсти чудовища. Для вышлаго эффекта бонзы, въ нѣсколькихъ шагахъ позади, трубятъ въ гобои, павлакая изъ нихъ самыя зловѣщія завыванія. Немного подальше несутъ огромную сѣкуру, которою побѣдоносный герой отрубилъ голову демону.

Но всѣ вмѣстѣ чудеса процессіи Мюджина блѣднѣютъ передъ великолѣпнѣмъ праздникомъ, даваемого каждый годъ жрецами храма Санноо, посвященной памяти Цинму, основателя имперіи великаго Ниппона. Это самый величественный матсури въ Іеддо. Онъ совершается на пятнадцатый день шестаго мѣсяца.

Процессію открываетъ вѣрный сторожъ и посланникъ боговъ, Теугу. Одетый въ свой красивый нарядъ небеснаго герольда, онъ распускаетъ нѣсколько паръ большихъ крыльевъ синяго цвѣта. Улыбающийся видъ, лукавыя глаза, багровое лицо, непомѣрной величины носъ его, располагаютъ народъ въ неселости и обезпечиваютъ кортежу самый сочувственный пріемъ. Когда злые духи завидятъ образъ Теугу у дверей храмовъ національной религіи, то горючатся какъ можно скорѣе ударить. Слѣдовательно процессіи нечего опасаться опасной встрѣчи съ ними.

Муниципальная полиція принимаетъ на себя отвѣтственность за сохраненіе порядка въ народѣ. Болѣе милліона зрителей соблюдаютъ въ этотъ день величайшую дисциплину. На всѣхъ улицахъ и площадяхъ, гдѣ долженъ кортежъ проходить, устроены амфитеатромъ возвышенія для женщинъ, стариковъ, дѣтей; есть нумерованныя мѣста для тѣхъ, кто пожелаетъ платить опредѣленную цѣну, свободныя станціи для пролетаріевъ; но каждый обязанъ оставаться спокойною тамъ, гдѣ стоитъ, во все продолженіе праздника. Разносчики продаютъ фрукты, пирожки, чай и саки, и только одни пользуются правомъ ходить за веревками, отдѣляющими толпу отъ дороги, назначенной для процессіи.

Процессія Санноо есть родъ національной энциклопедіи въ лицахъ, гдѣ собраны въ одну кучу и ссызаны неизвѣстно какимъ образомъ всѣ возможные историческія воспоминанія, міеологическіе символы, преданія и народныя обычаи, въ родѣ того, какъ это дѣлается на древнѣхъ празднѣхъ вейевскихъ винодѣловъ, гдѣ вы видите въ одно и тоже время Вахуса, Силена, старинныхъ швейцарцевъ и Новѣея ковчегъ, Цереру, Помону и знаменитый швейцарскій рогъ. Въ томъ и другомъ случаѣ—полнѣйшая сценическая свобода. Когда искусство достигаетъ такой демократической широты, критикѣ

ничего не остается больше как откланяться. Переходимъ къ самымъ живописнымъ деталямъ церемоніи.

Вотъ патруль священныхъ плясокъ даири. Изображеніе, одѣтое въ старинный театралъный кіотскій костюмъ, приподнято на высокомъ барабанѣ, и несется фигурантами въ праздничной одеждѣ и увѣнчанныхъ цвѣтами шляпахъ.

Затѣмъ слѣдуетъ процессія благаго слона. Животное изъ картона движется ногами своихъ носильщиковъ, которая едва мелькаетъ изъ подъ ступней колоса. Передъ нимъ идетъ татарскій музыкантъ, мѣшающая звуки флейтъ и трубъ съ грохотомъ турецкаго барабана, тарелокъ, гонговъ и тамбуриновъ. Лица, составляющія эту группу, носятъ бороду, остроконечную шапку съ плюмажемъ сапоги, длинный халатъ съ поясомъ, причемъ нѣкоторые несутъ въ рукахъ развѣвлющіеся китайскіе знамена, покрытыя изображениями драконовъ.

Далѣе, ползетъ колоссальный морской ракъ, на которомъ возсѣдаетъ верхомъ жрецъ культа ками. Группу эту составляетъ толпа негровъ.

За нимъ сотня земледѣльцевъ тащутъ воловий возъ: на немъ стоитъ царь домашнихъ животныхъ, подъ тѣнью сосны и раздѣвшаго персика, въ сообществѣ полубога, который ввезъ его въ Японію.

Въ шести другихъ повозкахъ разложены живописные трофеи орудій и продуктовъ, употребляемыхъ при обработкѣ риса.

Кортежъ жрецовъ культаками составляетъ почетную стражу кареты, похожей на карету микадо и великолѣпной колесницы, надъ которой возвышаются священный гонгъ и пѣтухъ даири.

Древнія знамена, изъ числа которыхъ нѣкоторые украшены эскизами лошадей, предшествуютъ кавалькадѣ высшихъ сановниковъ, костюмированныхъ по большей части сообразно модѣ кіотскаго двора.

Но вотъ появляются два страшныя чудовища, съ мордой тигра и бычачьими рогами. Громадныя круглыя ихъ приподнимаются высоко надъ касками окружающихъ оруженосцевъ. Быть можетъ, они напоминаютъ, въ фантастической формѣ, тѣхъ тигровъ, которые во время корейской войны надѣлали столько бѣды солдатамъ геройской матери Гатчимана.

Въ этой группѣ несется также древнее оружіе изъ арсенала Сансио: копья и алебарды, двуручныя сабли, луки, стрѣлы, военные вѣера и отличительныя знаки командованій.

Мало-по-малу, однакоже, эта выставка теряетъ свой воинственный характеръ, и передъ вами развертывается кортежъ со знаменами, покрытыми іероглифическими знаками и состоящій изъ жрецовъ и коскеисовъ, несущихъ микози, сосуды святилища и всю утварь храма и принадлежащихъ къ нему службѣ.

Другая толпа коскеисовъ несетъ на длинныхъ жердяхъ бумажные фонари, составляющіе граціозное собрание разнообразныхъ транспарантовъ. Въ числѣ ихъ видны гербы квартала Синъ-Юзивара, и вотъ наконецъ букетъ праздника!

Семь красивѣйшихъ женщинъ изъ этой особой части столицы движутся величаво, одна за другою, въ своихъ парадныхъ костюмахъ. За каждою слѣдуетъ горничная и коскеисъ, держащій въ рукахъ высокій и полный шелковый зонтикъ, для защиты красавицы отъ солнечныхъ лучей.

На головѣ ея возвышается куафюра изъ волосъ, образующая горделивое двухъ—и трехъ-этажное зданіе, которое поддерживается широкими гребнями, обвитыми крепомъ, и укрѣпляется цѣлымъ ореоломъ гигантскихъ булавокъ изъ свѣтлой черепахи.

Лицо сияетъ блескомъ самыхъ мудреныхъ косметическихъ препаратовъ.

Туалетъ ея позволяетъ счесть число платьевъ, благодаря пяти или шести воротникамъ, если только не больше, выставленнымъ вдоль груди.

Всѣ онѣ прикрываются широкимъ киримономъ, шлейфъ котораго подметалъ бы землю, еслибы не былъ приподнятъ такъ, чтобы образовать вокругъ талии буфъ, при помощи громаднаго пояса изъ цѣльнаго куска шелковой или бархатной матеріи.

Наконецъ, кокетка не забыла надѣть ради такого торжественнаго дня высокую обувь на дощечкахъ, которая придаетъ, незамѣтно, нѣсколько лишнихъ сантиметровъ ея величественному росту.

Впрочемъ, семь куртизанокъ хорошо извѣстны народу. При ихъ проходѣ, онѣ называютъ каждую по именамъ, и имена эти вышиты на ихъ богатомъ парадномъ костюмѣ. Вотъ эта — дама *Военнаго вѣера*: она держитъ его, на-показъ, на широкомъ бархатномъ поясѣ, и присоединяетъ сюда-же, въ видѣ аграманта, четыре пѣтуха съ различными перьями, — изъ нихъ два бѣлые, вышитые рельефомъ на подолѣ и широкихъ рукавахъ киримона; шелковыя перья пѣтушечьихъ хвостовъ граціозно развѣваются при каждомъ движеніи красавицы. Вторая дама — дама *Золотыхъ*.

Работки; эти рыбки, по одной съ каждой стороны ея платя, вышиты серебряною битью на фонѣ, представляющемъ волны и пѣну; второстепенныя вышивки представляютъ дѣтей, играющихъ разноцвѣтными лентами, которыя порхаютъ свободно по ея кирикону.

Описывать ли даму *Мертвыхъ Головъ*, даму *Канделябръ*, даму *Журавля*, даму *Златоцвѣта*? Но тогда пришлось бы писать безъ конца, потому что надо будетъ вдаваться во всѣ подробности картины всенародныхъ почестей, воздаваемыхъ куртизанкамъ жрецами и народомъ въ Иеддо? Встрѣчая подобныя нравы, можно только преклоняться передъ той находчивостью, съ которою великій мазури Санноо принимаетъ въ число своихъ идоловъ и торжественно разгуливаетъ съ нею по городскимъ улицамъ, шутовскую статую обезьяны, съ краснымъ рыломъ, въ первосвященнической митрѣ и съ крошительникомъ въ лапкахъ.

Съ высоты своего барабана, украшеннаго богатою драпировкой, этотъ насмѣшливый образъ взираетъ на толпы и, кажется, приглашаетъ зрителей полюбоваться злой карикатурой религіознаго парада, которой тянется передъ ихъ глазами.

ГЛАВА XLIII.

КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Пять большихъ годовыхъ праздниковъ. — Праздникъ флаговъ. — Шійюки. — Праздникъ лампъ или фонарей. — Танцы. — Рисовый хороводъ. — Рейбисы. — Переходъ чрезъ рѣку.

Матсури, или кермесы, японскихъ храмовъ оказываютъ мѣстному правительству ту услугу, за которую дорого бы дали въ Европѣ: они избавляютъ его отъ труда забавлять своихъ подданныхъ. Послѣдніе, съ своей стороны, дополняютъ собственнымъ коштомъ то, чего въ нихъ недостаетъ. Такимъ образомъ, есть японскіе праздники, состоящіе не изъ представлений и дивертисментовъ, даваемыхъ бонзами народу, но изъ дѣйствительныхъ народныхъ увеселеній, въ которыхъ самъ народъ является и единственнымъ актеромъ и настоящимъ героемъ дни.

Сюда относятся, во-первыхъ, Го-Секи, или пять большихъ годовыхъ праздниковъ. Веда свое установленіе отъ даири, они имѣли первоначально религіозный оттѣнокъ, нисколько не вредившій веселости наружныхъ манифестацій, потому что нравственное ученіе культа ками провозглашаетъ, что веселость сердца доказываетъ его чистоту.

Разумѣется, первый день перваго мѣсяца — главный изъ новгоднихъ праздниковъ. Это — праздникъ поздравительныхъ визитовъ и подарковъ. Послѣдніе состоятъ, по малой мѣрѣ, изъ трехъ или четырехъ вѣровъ, которые приносятъ посѣтитель, по обычаю, въ лакированномъ ящикѣ, перевязанномъ шелковыми шнурами; но каковы бы ни были свойство и цѣнность главнаго подарка, онъ сопровождается неизмѣнно бумажнымъ сверткомъ, съ кусочкомъ засохшаго мяса раковины, называемой аваби, или зибэи, самой простонародной пищи; эта манифестація есть набожная почесть, воздаваемая умѣренности древнихъ національных обычаевъ. Съ другой стороны, семья, принимающая визитъ, отплачиваетъ за него небольшимъ угощеніемъ изъ саки, рисоваго хлѣба и анельсиновъ — мандариновъ. Морской ракъ играетъ также важную роль при раздѣлѣ подарковъ. Въ каждой семьѣ савато хранится одинъ до слѣдующаго года: тѣмъ не менѣе, въ случаѣ надобности, его толкутъ въ порошокъ и принимаютъ какъ дѣйствительное лекарство отъ нѣкоторыхъ болѣзней.

Второй Го-Секи, *Праздникъ Куколъ*, бываетъ на третій день третьяго мѣсяца. Я видѣлъ его въ

Нагасаки 20 апрѣля 1863 г. Онъ посвящается женской юности. Мать семейства убираетъ парадную комнату вѣтками персика въ вѣту и устраиваетъ тутъ выставку куколъ, которыя получили ея молоденькія дочери при своемъ рожденіи. Между куклами этими встрѣчаются премиленькія фигурки изящно костюмированныя и представляющія микадо, кизаки и прочихъ личностей императорскаго двора. Для нихъ устраивается полный пиръ, приготовляемый дѣвочками, когда онѣ уже на возрастѣ, собственноручно, а къ вечеру это пируество весело истребляется съ друзьями дома.

На пятый день пятаго мѣсяца (юнь) бываетъ праздникъ не столь интимнаго характера: его называютъ праздникомъ *Флаговъ*, и посвящаютъ мальчикамъ. Представьте себѣ такой городъ какъ Иеддо, весь разукрашенный съ ранняго утра высочайшими бамбуковыми вѣтками, верхушка которыхъ оканчивается пучкомъ перьевъ, или волосатымъ султаномъ, или шаромъ изъ золотой бумаги, а немного пониже навязывается на однѣхъ — пучъ длинныхъ раздвоенныхъ полосъ бумаги, развѣвающихъ по вѣтру; на другихъ рыбы изъ плетеной соломѣ или лакированной бумаги; на большихъ же — высокіе флаги, въ видѣ штандартовъ, натянутыхъ на тростиновую раму и разрисованныхъ гербами, названіями фамилій, патріотическими сентенціями и героическими фигурами. Картина очаровательна, особенно если смотрѣть на нее съ галереи, выходящей на одну изъ большихъ улицъ Торговаго города. Между изображеніями флаговъ мелькаютъ и исчезаютъ прохожіе. Магазины бронзы выставляютъ на показъ каски, полное вооруженіе, исполнскія алебарды фантастической формы. Низкопоклонный купецъ встрѣчаетъ или провожаетъ на порогъ офицеровъ, приходящихъ посмотреть на новый выборъ военныхъ вещей, или заказать какойнибудь предметъ, въ число подарковъ этого дня. Толпы мальчиковъ въ праздничной одеждѣ спуютъ по улицѣ, одни съ двумя маленькими саблями за поясомъ, въ родѣ якуинскихъ сабель, другіе — съ огромной деревянной саблей на плечѣ, разрисованной красками, перевязанной красивыми лентами изъ бумаги; третіе съ маленькими знаменами, представляющими любимые сюжеты флаговъ, которыми развѣчены улицы. Въ этомъ отношеніи народный вкусъ явно склонился на сторону одной изъ самыхъ живописныхъ фигуръ древняго Ниппона, на сторону храбраго Шійоки, рыцаря безъ страха и упрека во время первой Корейской войны. Тогда смотритъ любовно на его суровое лицо, всегда безстрашное среди опасностей, вѣтеръ колышетъ его бородой и длинными волосами, и развѣваетъ надъ головой два классическихкія шнура древняго тока дапри; но большіе глаза его спокойны и бдительны; правая рука держитъ обнаженный мечъ, а твердая поза дѣлаетъ изъ него полнѣйшій типъ храбрости, соединенной съ осторожностью. Спусти долгое время послѣ своей смерти, Шійоки продолжалъ еще одерживать победы противъ нихъ свои лучшія войска, но приказано было развернуть передъ ними множество знаменъ съ изображеніемъ Шійоки, и одинъ этотъ видъ поразилъ ихъ ужасомъ.

Но, не смотря на неизмѣнную вѣрность, съ которою японцы воспроизводятъ условныя черты лица своихъ великихъ національных типовъ, они разнообразятъ до безконечности позы, движенія, положенія, всѣ аксесуары, словомъ — все, что только можетъ не компрометировать тождество лица. Такимъ образомъ, старій Шійоки, во время своей бурной жизни, сражался съ врагами самими разнообразными, между прочимъ съ легионами маленькихъ краснокожихъ демоновъ, чрезвычайно надобливыхъ, упрямыхъ и злыхъ: они преслѣдовали его шагъ за шагомъ, прысая на деревьяхъ, за скалами, подъ мостами и въ тростникахъ. Рассказъ о томъ, какъ онъ за ними охотился, и какъ его добыча то ускользала, то попадалась въ его сѣти, составляетъ предметъ шутовской эпопеи, въ которой, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, мѣстные художники безпрестанно прибавляли какойнибудь эпизодъ собственнаго изобрѣтенія. Ихъ рисунки китайской тушью иногда просто верхъ совершенства по части героико-комической веселости.

Четвертый большой годовой праздникъ, приходящійся въ седьмой день седьмаго мѣсяца, извѣстенъ въ Японіи подъ названіемъ «Праздника *ламъ* или *фонарей*». Въ этотъ день, въ Иеддо маленькія дѣвочки толпами ходятъ по иллюминированнымъ улицамъ города, громко распѣвая и держа въ правой рукѣ бумажные фонари, соразмѣрные ихъ росту. Въ нѣкоторыхъ южныхъ городахъ народъ отправляется въ этотъ праздникъ на могилы и проводить ночь между надгробными памятниками. Въ дни тринадцатаго, четырнадцатаго и пятнадцатаго праздниковъ публики ходитъ въ храмы, молится тамъ за усопшихъ и сожигаетъ въ честь ихъ восковыя свѣчи. Между тѣмъ, такъ какъ пятнадцатый праздникъ служить временемъ повѣрки счетовъ за первую половину года, то слѣдующія за совершеніемъ этой трудной работы народныя увеселенія бываютъ до чрезвычайности разнообразны. Изъ нихъ въ первомъ планѣ стоятъ маскарады, сопровождаемые національными танцами. Каждая маска имѣетъ

свое особое значеніе, свой традиціонный характер. Между ними есть типы благородныхъ людей: во-первыхъ, скромныя лица кавалеровъ и дамъ даири, во-вторыхъ — свирѣлыя фізіономіи героевъ гражданскихъ войнъ. Бываютъ также и фантастическія маски, сдѣланныя изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей, съ подвижными челюстями, наподобіе тѣхъ, которые носятъ актеры микадо. Иныя маски представляютъ изображеніе смѣшнаго и божественнаго Тенгу, доброй Окаме, — самой толстошеюй изъ всѣхъ японокъ, о которыхъ упоминаетъ исторіа, — или же несчастной Гійутоко, служащей идеаломъ безобразія. Нѣкоторые изображаютъ цѣлый рядъ извѣстныхъ типовъ изъ породы демоновъ, а именно: одноглазыхъ, двухглазыхъ, безрогихъ и однорогихъ, двухъ и даже трехъ-рогихъ, начиная отъ маленькихъ чертенятъ и кончая гигантами и отвратительною *ханджією*, — демономъ женскаго рода. Наконецъ, послѣднюю категорію составляютъ маски, походящія на господина Киттяе (т. е. лисицу), или на сару (обезьяну), или на корейскаго льва, или на человѣка — лягушку кашиу, который, какъ гласитъ преданіе часто посѣщаетъ японскіе утесы.

Киотскіе гимнасты.

Что касается танцевъ, то они бываютъ весьма разнообразны въ одномъ *рисовомъ хороводѣ* считается до тридцати фигуръ, исполняемыхъ только мужчинами, облаченными, вмѣсто одежды, въ хосъ изъ рисовой соломѣ, круглую, изъ того же матеріала, шляпу, навинутую на глаза, и небольшую развѣвающуюся накидку, широкія рукава которой должны служить изображеніемъ крыльевъ ночной бабочки.

Въ девятый день девятаго мѣсяца приходится праздникъ *Златоцвѣта*. За каждымъ семейнымъ столомъ ошипываютъ въ этотъ день лепестки этого прекраснаго цвѣтка либо надъ чашками чая, либо надъ чашками саки. Приготовленные такимъ образомъ напитки имѣютъ свойство продолженія жизни. Гражданинъ Иедо счелъ бы нарушеніемъ съ своей стороны обязанностей супруга и отца, если бы пересталъ употреблять этотъ драгоценный напитокъ.

По мнѣнію Кемпфера, древніе японцы назначили свои пять большихъ годовыхъ праздниковъ въ нечетные дни, которые считались наиболѣе несчастливymi; при этомъ они имѣли цѣлью не только

развеселять своих боговъ забавами, которыми всё предаются въ эти дни, но также отвратить всякія дурныя вліянія тѣмъ пожеланіями добра и счастья, которыми обмѣнивается между собою народъ.

Не довольствуясь этимъ, японцы сочли еще нужнымъ соединить пять большихъ празднествъ рядомъ праздниковъ низшаго порядка, специально предназначенныхъ для выраженія общественнаго веселья. Такъ какъ у японцевъ годъ раздѣленъ на лунные мѣсяцы, то весьма естественно, что противустояніе луны, ея регулярное появленіе на небѣ и полнолуніе были сочтены за такія явленія, которыя должны служить сигналомъ ежемѣсячныхъ увеселеній и опредѣлять ихъ сроки. Ихъ называютъ «рейбисами», и считаютъ въ годъ тридцать восемь, именно: первое, патнадцатое и двадцать восьмое число каждаго мѣсяца, да еще дни зимняго и лѣтнаго солнцестоянія.

Собственно говоря, рейбисы не служатъ днями гуляній. Правда, всякій надѣваетъ въ этотъ день парадное платье, впрочемъ только на время утренней молитвы, совершаемой въ любомъ храмѣ, и нѣсколькихъ дѣлаемыхъ поздравительныхъ визитовъ къ старшимъ родственникамъ, гражданскимъ или военнымъ начальникамъ и патронамъ, отъ которыхъ зависитъ дѣлающій визиты. Вообще же каждому предоставляется полная свобода либо приниматься за работу, либо доставлять себѣ развлеченія въ кругу семейства или въ общественныхъ садахъ. Таковы, въ общихъ чертахъ, характеръ ежемѣсячныхъ праздниковъ. Различіе же между ними состоитъ въ извѣстныхъ особенностяхъ, сообразныхъ климату и естественнымъ произведеніямъ различныхъ временъ года. Такъ, напр. въ первомъ мѣсяцѣ въ японскій столъ непременно должна входить каша изъ бобовъ (*Phaseolus radiatus*), а во второмъ мѣсяцѣ — блюдо свѣжей зелени. Молодые мальчики принимаютъ дѣтельное участіе въ увеселеніяхъ, которыми сопровождаются весеннія полевые работы. Имъ позволяють носить небольшія кропила и надѣвать на лицо маску въ видѣ льсѣй морды, въ память «бога риса», который привезъ это драгоценное растение изъ Китая въ Японію, сѣдя верхомъ на лошади съ льсѣй головою.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ толпы дѣвочекъ отправляются объ-руку съ младшими братьями, на берега Семидагавы. Въ противоположность мальчикамъ, дѣвочки не надѣваютъ при этомъ масокъ, но являются напудренными, нарумяненными и убранными множествомъ булавочъ и разныхъ наколотовъ, нестрѣющихъ у нихъ въ волосахъ и на поясѣ. Такимъ образомъ отправляющіеся онѣ собираютъ букеты цвѣтовъ, словно соперничая яркими красками своего дѣтскаго костюма съ весенней роскошью луговъ и фруктовыхъ садовъ.

Изъ числа праздниковъ четвертаго мѣсяца восьмой день посвящается крещенію Будды, фигура котораго, въ видѣ новорожденнаго, изображается стоящею и указывающею одною рукою на небо, а другою — на землю. Набожные люди обливаютъ священнымъ чаемъ бронзовое изображеніе святаго ребенка, которое обыкновенно выставляется въ кунеллахъ буддистскихъ храмовъ; кроме того, особые коскеисы, носить по улицамъ небольшую, укрѣпленную въ серединѣ кадочку, статуэтку Будды, съ тѣмъ, чтобы церемонія обливанія могла производиться желающими на дому: нося статуэтку изъ дома въ домъ, коскеисы, разумеется, получаютъ за это приличное вознагражденіе.

Въ теченіе двадцати восьмаго дня каждый погружается въ созерцаніе кустиарника фузи-ми (*Dachios polystachios*), причемъ всевозможныя возлѣнія дозволяется дѣлать не иначе, какъ въ тѣни этого растенія, которое, къ счастью, очень часто встрѣчается въ общественныхъ садахъ.

Праздники шестаго мѣсяца относятся къ уборкѣ хлѣбовъ: риса, пшеницы, проса, или *падди*. Въ эти дни священники благословляютъ небольшіе четвероугольные лоскутки бумаги, укрѣпленные на шестахъ, а земледѣльцы покупаютъ ихъ и втыкаютъ на четырехъ углахъ своихъ полей, въ полной увѣренности, что эти мистическіе значки необходимы для увеличенія плодородности почвы.

Для жителей Иедо это время года служить эпохою общественныхъ гуляній, театромъ которыхъ являются прохладныя мѣстности по берегамъ Семидагавы, или сады Оджи, украшенные зелеными бесѣдками, орошаемыми брызгами каскадовъ, или, наконецъ, площадь воды самой рѣки Семидагавы гдѣ городское населеніе празднуетъ свои венеціанскія ночи, пока, съ наступленіемъ послѣдняго дня этого мѣсяца, не придетъ время всеобщаго очищенія грѣховъ.

Въ честь Водянаго бога — самаго древняго у поклонниковъ ками, — во всѣхъ концахъ Японіи устраиваются празднества въ продолженіе всего седьмаго мѣсяца, который составляетъ собою почти всю дождливую часть года. Вблизи источниковъ, колодезей и оросительныхъ каналовъ втыкаются высокія бамбуковыя жерди, украшенные ихъ собственными верхними вѣтвями, стеклянными колокольчиками и клочками осыщенной бумаги; ежедневно утромъ и вечеромъ, при звонѣ молельн., тамъ и сямъ воздвигаются флаги, съ надписью: «честь и уваженіе водяному богу!» Сельскіе жители,

Приготовление къ единоборству.

воздвигая въ своихъ домахъ алтари въ честь kami, кладутъ на нихъ жертвоприношеніе, состоящее изъ риса, рыбы и мелкихъ денегъ.

Восьмой мѣсяцъ открывается чрезвычайно скучнымъ обмѣномъ привѣтствій между кліентами и ихъ патронами, высшими и низшими властями, подчиненными и начальствующими.

Пятнадцатый день посвящается богу Луны. Полагаютъ, что въ это время года луна свѣтитъ наиболее ярко. По рѣкамъ и каналамъ шныряютъ лодки, на которыхъ семейства горожанъ предаются созерцанію полной луны. Тишина воздуха и теплая температура сентябрьскихъ и октябрьскихъ вечеровъ благоприятствуютъ свиданіямъ и ночнымъ прогулкамъ въ общественныхъ городскихъ и загородныхъ садахъ.

Десятый мѣсяцъ посвящается *Iebisu*, который считается въ одно и тоже время богомъ рыбной ловли и однимъ изъ любимѣйшихъ покровителей купцовъ. Последніе, истинно по товарищески, осаждаютъ другъ друга привѣтствіями и подарками, въ числѣ которыхъ непременно находятся пироги изъ проса и большая красная рыба, по прозванію *tam*, высоко цѣнимая на японскихъ праздничныхъ обѣдахъ, по причинѣ изъяснаго вкуса и красиваго вида ея. Въ честь этой рыбы часто выдѣлываются большіе лакированные ящики, имѣющіе форму красной рыбы; въ нихъ подаютъ на столъ десертъ, употребляемый съ напиткомъ *saki*.

Городскія дамы не менѣе мужчинъ усердны въ исполненіи тѣхъ обязанностей, которыя возлагаются на нихъ ихъ общественнымъ положеніемъ. Онѣ дѣлаютъ одна другой визиты, не забывая, при томъ поставить свѣчку передъ образомъ *Iebisa*, въ видахъ преуспѣнія торговыхъ предпріятій ихъ мужей. Съ ранняго утра можно видѣть какъ онѣ толпами направляются къ какой нибудь модельѣ, въ которой есть алтарь, — хотя бы и очень скромный; онѣ спѣшатъ поклониться богу, который преимущественно передъ другими пользуется почетомъ со стороны горожанокъ. Ходятъ онѣ туда въ костюмѣ странницъ, повязавъ голову ослѣпительно-бѣлымъ бумажнымъ платкомъ, артистически расположеннымъ на густыхъ волосахъ.

Около середины мѣсяца каждый считаетъ себя нравственно обязаннымъ ходить по сосѣдямъ сообщая имъ новость относительно того, что листья лапчататаго клена начинаютъ измѣняться въ цвѣтъ.

Въ началѣ одиннадцатаго мѣсяца кленъ является во всемъ великолѣпнн своей весенней одежды и тогда въ садахъ модельнъ и чайныхъ домовъ собираются толпы любопытныхъ, чтобы полюбоваться этимъ деревомъ.

Во время зимняго солнцестоянія всюду слышатся всеобщія поздравленія: это время служить праздникомъ замужнихъ женщинъ. Никакія дѣла, никакія торговыя поѣздки, — вообще никакая причина или предлогъ не могутъ удержать мужей въ эти дни вдали отъ супружеской кровли. Они стекаются со всѣхъ сторонъ, и вечеромъ городъ иллюминируется, во всѣхъ домахъ раздается шумъ семейныхъ ужиновъ, звуки гитары и радостные возгласы.

Пятнадцатый день носитъ названіе «перехода черезъ рѣку», по причинѣ совершаемой въ это время религіозной церемоніи, символизирующей теченіе времени и переходъ къ новому году. Наконецъ, съ наступленіемъ двѣнадцатаго мѣсяца, у японцевъ поднимается такой водоворотъ дѣятельности, начинаются такіа передѣлки движимаго имущества и домашняго хозяйства, такіа формальности, празднества и увеселенія, что можно бы написать цѣлую книгу о томъ, какъ проводятся четыре или пять недѣль конца января и начала февраля въ городахъ и селеніяхъ великаго Ниппона. Однако, въ этомъ отношеніи, я ограничусь описаніемъ тѣхъ сценъ, которыхъ мнѣ удалось быть очевидцемъ во время моего втораго пребыванія въ Іеддо.

ГЛАВА XLIV.

УВЕСЕЛЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ИЕДДО.

Гимнастическія заведенія. — Манежи. — Бѣга. — Увено. — Чайные дома. — Уличныя лотерей. — Ямаста.

Въ видахъ сокращенія промежутка времени между однимъ праздникомъ и другимъ, слѣдующимъ за нимъ, догадливые жители Иеддо создали себѣ тысячи источниковъ забавъ и увеселеній, которые бываютъ какъ періодическими, такъ и постоянными. Есть особая развлеченія для дня, и особая — для ночи. Однѣ изъ нихъ производятся на улицѣ, другія — въ храмахъ и ихъ придѣлахъ, третьи — въ особыхъ зданіяхъ, балаганахъ, циркахъ или театрахъ. Большая часть увеселеній доступна по цѣнѣ людямъ всѣхъ состояній; даже самая *Сибайя*, соответствующая европейской оперѣ, — и та доступна простонародью, а между тѣмъ не получала и даже не просила ни малѣйшей субсидіи ни отъ города, ни отъ правительства.

Сообразно характеристическимъ группамъ, образуемымъ кварталами Иеддо, мыѣ удалось подмѣтить извѣстную градацію въ характерѣ, вкусѣ и артистическомъ достоинствѣ народныхъ увеселеній въ различныхъ частяхъ города. Въ предмѣстьѣ Фукагава обыкновенно подызаются фигляры низшаго разряда; въ кварталѣ Хонджо два раза въ годъ бываютъ превосходнѣйшія представленія борцовъ; въ Ямастѣ есть постоянная ярмарка, придающая этой части города характеръ Елисейскихъ Полей; Асакса служитъ Атенеумъ и вмѣстѣ Пандемоніемъ Японіи.

Небольшая рѣчка, перерѣзывающая по діагонали съ сѣверо-запада на юго-востокъ, сѣверные округа, образуетъ чрезвычайно красивое озеро въ Хонджо-Иуэмиѣ, къ западу отъ Стай, и впадаетъ на югъ отъ огава-батскихъ доковъ въ Великую рѣку. Поперечное шоссе ведетъ почти по прямой линіи съ восточнаго берега этого озера къ Адсума-Басси, гдѣ соединяется съ сѣверной дорогой въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдняя выходитъ отъ огавскихъ мостовъ.

Вся зона, лежащая ниже шоссе и озера, представляетъ невыразимое смѣшеніе буржуазныхъ улицъ, публичныхъ садовъ и чайныхъ домовъ, складовъ правительства, храмовъ, гербовыхъ дворцовъ и хатгаматоскихъ іяски.

Все лежащее выше исключительно входитъ въ категорію увеселительныхъ мѣстъ, считая тутъ же храмы, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ почти непрерывно на всемъ протяженіи шоссе.

Въ нижней зонѣ лежатъ бѣга и сады для стрѣльбы изъ лука въ цѣль, предназначенные для самураи, живущихъ въ сѣверныхъ кварталахъ.

Хотя эти учебно-гимнастическія мѣста рекреаций недоступны для народа, тѣмъ не менѣе они заслуживаютъ описаній, какъ интересующія собой почетнѣйшую часть городского населенія.

Однѣ служатъ исключительно для высшаго дворянства, другія для мелкаго дворянства созданнаго сіюгунами.

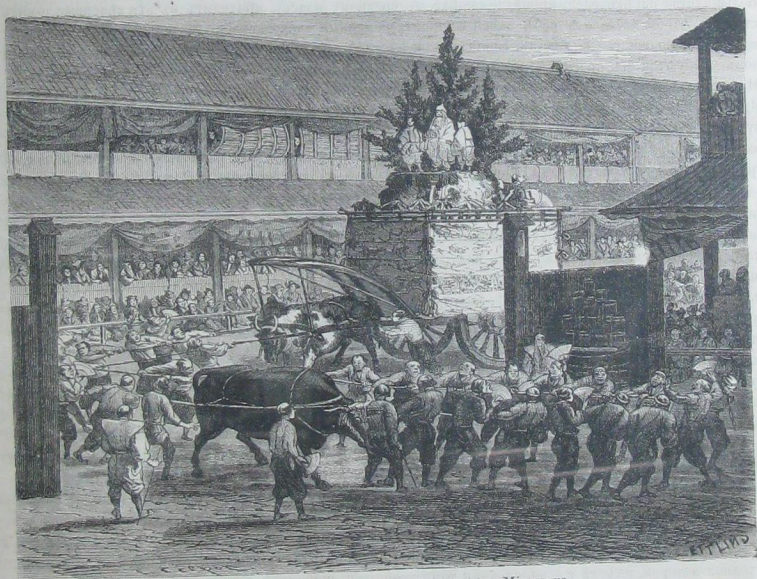
Манежъ Бажирокио-Баба принадлежитъ офицерамъ послѣдняго класса. Онъ открытъ со всѣхъ сторонъ. Стоящіе по близости буржуазные рестораны доставляютъ хатгаматосамъ все необходимое, по ихъ желанію, во время и послѣ конныхъ учений. Къ одному концу площади примыкаетъ паркъ съ высокими деревьями; на другомъ, противъ парка, поднимается одна изъ самыхъ высокихъ казанчей Иеддо. Эти странная зданія состоятъ изъ простыхъ, но прочныхъ подмостковъ съ сквознымъ отверстиемъ и эскападой на верху, куда поднимаются, отъ одного этажа къ другому, по лѣстницамъ, идѣлааннымъ въ подмостки. На верху обсервационнаго пункта дежурятъ по почамъ дозорные, которые обязаны давать сигналъ о началѣ пожара ударами молотка о привѣшенный подъ кровлею зданія мѣдный колоколъ.

Бѣга феодальной аристократіи обнесены сплошнымъ рядомъ сосновыхъ построекъ, гладкихъ и безъ всякихъ отверстій снаружи, кромѣ проходныхъ воротъ для людей и лошадей. Впрочемъ трупамъ бродячихъ музыкантовъ и уличнымъ пѣвицамъ легендъ дозволяется примыкать къ нимъ подвижные бараки свои изъ досокъ и соломы. Напротивъ внутри строеніе представляетъ открытую четырехугольную галлерею, раздѣленную на отдѣленія, въ родѣ театральныя ложъ. Каждый членъ

общества имѣть здѣсь такую ложу, убранную обивкою съ фамилными гербами и примыкающую къ людской, гдѣ находится прислуга; на послѣдней лежитъ обязанность заботиться о всемъ необходимомъ для своихъ господъ, не исключая неизбѣжной закуски и прохладительныхъ напитковъ.

Владѣльцы ложъ дѣлаютъ здѣсь другъ другу церемоніальные визиты, и мавежная дисциплина совершается по всѣмъ правиламъ самаго строгаго общежитія.

Въ Иеддо нѣтъ ни жокей-клуба, ни собственно такъ называемаго турфа, ни какой бы то ни было англomanіи. Якунины считаютъ совершенно достаточнымъ причинить лошади кѣ простымъ маневреннымъ экзерциціямъ. Простой народъ скорѣе долженъ сожалѣть о нихъ, чѣмъ завидовать, видя какъ они хватаются за сѣдло, нагибаютъ голову и прижимаютъ обѣими руками къ груди поводья своихъ маленкихъ лошадеенокъ. Вотъ почему они предпочитаютъ несравненно болѣе цирки, устраиваемые на ярмарочныхъ площадяхъ. Тамъ опытные пафзники ѣздятъ безъ сѣдла на дрессированныхъ лошадяхъ и продѣлываютъ всѣ штуки эквилибристики, волжитированія и фокусничанія. Женщины никогда не

Триумфальная колесница японскаго святаго Мюджина.

принимаютъ дѣятельнаго участія въ представленіяхъ труппы. Послѣднія часто принадлежатъ къ разряду кочующихъ, и переносятъ свой циркъ изъ квартала въ кварталъ; впрочемъ, этотъ случай рѣдокъ, обыкновенно же она остается постоянно въ томъ округѣ, который былъ театромъ первыхъ ея успѣховъ. И никогда не видѣлъ, чтобы японскій олимпійскій циркъ ѣздилъ по провинціальнымъ городамъ. Вѣроятно, въ такихъ городахъ какъ Кіото и Осака есть свои постоянные цирки. Но не подлежитъ сомнѣнію, что труппы комедіантовъ, гимнастовъ, волгигеровъ и акробатовъ, эксплуатирующихъ ярмарочныя площади сѣверныхъ кварталовъ Иеддо, рѣшительно нигдѣ бы не могли найти, болѣе благоприятныхъ условий для своего промысла, потому что встрѣчаютъ здѣсь величайшее въ Японіи круговращательное движеніе какъ городскаго населенія, такъ и богомольцевъ и путешественниковъ. Съ одной стороны, производится движеніе по сѣверной дорогѣ, также по Хонджо на правую сторону берегу, и обратно; а съ другой — по дорогѣ, соединяющей южныя и западныя кварталы съ сѣвѣрною дорогѣю, минуя Торговой городъ, къ востоку отъ Замка.

общества имѣть здѣсь такую ложу, убранную обивкою съ фамиліными гербами и примыкающую къ людской, гдѣ находится прислуга; на послѣдней лежитъ обязанность заботиться о всемъ необходимомъ для своихъ господъ, не исключая неизбѣжной закуски и прохладительныхъ напитковъ.

Владѣльцы ложъ дѣлаютъ здѣсь другъ другу церемоніальные визиты, и манежная дисциплина совершается по всемъ правиламъ самаго строгаго обществія.

Въ Иеддо нѣтъ ни жокей-клуба, ни собственно такъ называемаго турфа, ни какой бы то ни было англomanіи. Якуинцы считаютъ совершенно достаточнымъ приучить лошадь къ простымъ манежнымъ экзерциціямъ. Простой народъ скорѣе долженъ сожалѣть о нихъ, чѣмъ завидовать, видя какъ они хватаются за сѣдло, нагибаютъ голову и прижимаютъ обѣими руками къ груди поводья своихъ маленькихъ лошадеенокъ. Вотъ почему они предпочитаютъ несравненно болѣе дикии, устраиваемые на ярмарочныхъ площадяхъ. Тамъ опытные наѣзники ѣздятъ безъ сѣделъ на дрессированныхъ лошадяхъ и продѣлываютъ всѣ штуки эквилибристики, волжитированія и фокусничанія. Женщины никогда не

Триумфальная колесница японскаго святаго Мюджина.

принимаютъ дѣятельнаго участія въ представленіяхъ труппы. Послѣдняя часто принадлежитъ къ разряду кочующихъ, и переноситъ свой циркъ изъ квартала въ кварталъ; впрочемъ, этотъ случай рѣдокъ, обыкновенно же она остается постоянно въ томъ округѣ, который былъ театромъ первыхъ ея успѣховъ. Я никогда не видѣлъ, чтобы японскій олимпійскій циркъ ѣздили по провинціальнымъ городамъ. Вѣроятно, въ такихъ городахъ какъ Кіото и Осака есть свои постоянные цирки. Но не подлежитъ сомнѣнію, что труппы комедіантовъ, гимнастовъ, волжигеровъ и акробатовъ, эксплуатирующія ярмарочныя площади сѣверныхъ кварталовъ Иеддо, рѣшительно нигдѣ бы не могли найти болѣе благоприятныхъ условий для своего промысла, потому что встрѣчаютъ здѣсь величайшее въ Японіи круговращательное движеніе какъ городского населенія, такъ и богомольцевъ и путешественниковъ. Съ одной стороны, производится движеніе по сѣверной дорогѣ, также по Хонджо на правомъ берегу, и обратно; а съ другой — по дорогѣ, соединяющей южные и западные кварталы съ сѣверною дорогой, минуя Торговой городъ, къ востоку отъ Замка.

Подобно тому какъ на большихъ китайскихъ рѣкахъ поднимается зеленѣющій островъ среди мутныхъ волнъ, которыя бороздятся тысячами джонокъ, такими кажутся тучные холмы Уенню, между большими рѣчными и сухопутными артеріями сѣверныхъ округовъ.

Уенню—громадная банзерія, заключающая въ себѣ, какъ Сибя, гробницы сіюгуновъ и фамильные склепы Гозанке. Иностранцамъ доступъ сюда воспрещенъ, но съ площади, на которую выходитъ дорога Адеума-Басси, глазъ обхватываетъ всю панораму парковъ и садовъ банзеріи, раскидывающихъ свои свѣжія террасы надъ голубыми волнами озера и его очарованнаго островка, посвященнаго Бентену. Островъ соединяется съ берегомъ посредствомъ шоссе, обсаженнаго деревьями и украшеннаго дугообразными мостами. Обширный храмъ съ высокими галереями, примыкая къ священнымъ рошамъ, образуетъ высшую точку всей картины.

На восточномъ и южныхъ берегахъ озера и по всей окружности острова, въ центрѣ котораго стоитъ храмъ Бентена, разсыпаны сотни чайныхъ домовъ, привлекающихъ ежедневно, а особенно въ то время, когда цвѣтутъ перисовыя деревья, множество посѣтителей обоюдо пола и всѣхъ возрастовъ. Большинство посѣтителей, принадлежащихъ къ среднему классу, приходитъ въ эти красивые домики съ тѣмъ, чтобы доставить себѣ здѣсь невинныя семейныя удовольствія. Маленькіе мальчики и дѣвочки, разсыпавшись по садамъ, верандамъ и плотамъ, среди листьевъ и цвѣтовъ лотуса и кувшинокъ, любятъ на красныхъ рыбъ, толстыхъ карповъ, крабовъ и черепахъ, кипящихъ въ водѣ. Множество прогуливающихся выходятъ на сѣверную дорогу, пересекающую базарную площадь въ Ямастѣ. Это мѣсто представляетъ собою Елисейскія Поля Йеддо. Разнощипы воды поливаютъ мостовую аллей посредствомъ надтреснувшихъ ведеръ, висящихъ на обоихъ концахъ бамбуковаго коромысла, которое эти люди уравниваютъ у себя на плечахъ. Въ тѣнистыхъ аллеяхъ рѣзвятся группы дѣтей; изъ нихъ одни тѣсятся около какого нибудь филгара, показывающаго пляшущую обезьяну; другія рвутся къ продавцамъ подвижныхъ куколъ и искусственныхъ бабочекъ; третьи глядятъ на представленіе продавца трубочекъ, предназначаемыхъ для пусканія мыльных пузырей, или на эксперименты какого нибудъ заѣзжаго изъ Китая химика, пускающаго потѣшные огни, столь же безопасныя, сколько страшныя съ виду. На широкихъ тротуарахъ, обсаженныхъ кленовыми деревьями, которые съ обоихъ сторонъ окомѣляютъ главную дорогу, мелкіе промышленники, сидя каждый на своемъ соломенномъ коврикѣ, безъ устали выхваляютъ лежащій около нихъ товаръ. Что за пріятное разнообразіе представляютъ всѣ ихъ вещицы, выставленныя на показъ публикѣ! Какая живописная смѣсь высюсокъ, усѣянныхъ раскрашенными рисунками и огромными китайскими буквами! Но здѣсь есть вещи, даже болѣе выѣсокъ убѣдительныя: продавецъ состава для истребленія крысъ разложилъ вокругъ себя на землѣ цѣлую коллекцію своихъ жертвъ, трупы которыхъ, страшно раздутыя, могутъ убѣдить даже самыхъ недоверчивыхъ зрителей въ великолѣпномъ дѣйствіи продаваемого состава. Тутъ же, по собѣдству, закутавшись въ шубу, продавецъ медвѣжьего жира показываетъ проходящимъ голову и двѣ лапы медвѣдя, желая доказать несомнѣннѣйшимъ образомъ, что товаръ его, продаваемый, по желанію покупателей, въ морскихъ раковинахъ или длинныхъ сверткахъ изъ непромокаемой бумаги, — есть действительно настоящій медвѣжьій жиръ. Японцы сильно употребляютъ этотъ продуктъ отъ нѣкоторыхъ накожныхъ болѣзней. Не такъ легко понять, на что служатъ имъ лягушечья шкурки, составляющія также предметъ торговли въ Ямастѣ.

Далѣе, на великолѣпномъ прилавкѣ, разложены въ соблазнительномъ разнообразіи выигранныя походной лотереи, вмѣстѣ съ маленькими таинственными книжками гадальщика. Красный, рогатый чертенокъ, ударяя молоткомъ по металлической тарелкѣ, отвѣчаетъ на вопросы, которые дѣлаетъ ему гадальщикъ. Далѣе, множество любопытныхъ поочередно заглядываютъ въ стекла стереоскопа. Тутъ же вдругъ появляется человѣкъ, нѣчто въ родѣ бонзы-жонглера, — специальное знаніе котораго заключается въ томъ, что самъ играя огнемъ, онъ, не горитъ. За нимъ вы встрѣчаете цѣлую массу разнощиповъ: одинъ изъ нихъ торгуетъ ломтями арбуза, другой—тепловойю водою, слегка настоянной чаемъ, третій—продаетъ табакъ, трубки и кисеты, и также привязывается къ прохожимъ, протягивая имъ зажженную палочку,—что, впрочемъ, дѣйствительно служитъ лучшимъ средствомъ привлечь всеобщее вниманіе, такъ какъ въ этой странѣ, хотя и всѣ курятъ, однако никто не знаетъ употребленія огнива. Наши фосфорныя спички не употребляются въ Японіи, куда онѣ привозятся испорченными отъ дѣйствія почти постоянно сырой атмосферы. Здѣсь въ каждомъ домѣ день и ночь поддерживая огонь на очагѣ; путешественники же закуриваютъ трубку у перваго встрѣчающаго курильщика. Включеніе надо сказать, что туземцы разводять огонь на манеръ дикихъ, т. е. посредствомъ тренія двухъ деревяшекъ различной плотности.

По мѣрѣ приближенія къ большой площади Ямасты, толпа становится гуще. Тротуары нагружены переносными лавочками, устраиваемыми изъ бамбуковыхъ тростей и циновокъ. Мѣстами виднѣтся, однако, нѣсколько храбрыхъ торговцевъ, торгующихъ безъ всякой лавки и, между тѣмъ, умѣющихъ держать публику на благородной отъ себя дистанціи. Таковы, между прочими, уличный астрономъ и продавецъ новѣйшихъ извѣстій. Первый излагаетъ передъ кружкомъ слушателей ученіе о самолучшей планетной системѣ, сопровождая свою прекрасную лекцію показываніемъ длиннаго бинокля, посредствомъ котораго каждый, при самыхъ незначительныхъ издержкахъ, можетъ производить какія угодно наблюденія надъ солнцемъ, луною и звѣздами. Второй, — почтенный старецъ, произносящій слова въ носъ, — машинально повторяетъ по нѣскольку разъ разсказъ о послѣдней смертной казни и, ни на минуту не останавливаясь, раздаетъ по листкамъ, всякому прохожему, подавшему ему монету, печатные бюллетени, перекинутые у него черезъ плечо и лѣвую руку. Эфемерныя произведенія японской прессы являются иногда прибавкою къ городскимъ извѣстіямъ, въ видѣ короткаго разсказа, украшеннаго гравюрами, въ которыхъ изображаются наиболѣе интересныя событія западныхъ странъ. Хотя, собственно говоря, въ этихъ листкахъ никогда не затрогиваются политическіе вопросы, такъ какъ даже національная исторія не вышла еще здѣсь изъ пеленокъ летоисчисленія, однако въ этихъ газеткахъ нельзя не видѣть зародыша періодической прессы. Я сбросилъ нѣсколько брошюркъ, въ которыхъ толкуется объ американской войнѣ, о президентѣ Линкольнѣ, о битвѣ *Мерримэка* съ *Мониторомъ*; свѣдѣнія подобнаго рода должны, вѣроятно, открыть японской буржуазіи доступъ къ нѣкоторому политическому образованію. Да и можно ли еще сказать, что образованіе это не началось уже? Не замѣтно ли, напротивъ, ежедневное развитіе его въ школахъ драматурговъ и комиковъ Йеддо? На подмосткахъ національнаго театра, на ярмаркахъ и даже въ маленькихъ театрахъ марionетокъ, расположенныхъ въ аллеяхъ Ямасты, во всѣхъ драматическихъ представленіяхъ Йеддо встрѣчаются оригинальныя сцены, дышащія болѣе или менѣе скрытою политическою или религіозною сатирою. Японскій полишинель осмѣиваетъ бога богатства; странствующій филлиры вводитъ въ свои фантастическія представленія древнихъ мифовъ. Придворный костюмъ даймёсовъ фигурируетъ въ кукольныхъ пляскахъ и самыхъ шуточныхъ маскарадахъ. Однимъ изъ любимѣйшихъ типовъ героически-комическихъ пьесъ является хвастунъ, — юмористическое изображеніе мелкаго царька, спорища, свѣсивца и кровопийцы по характеру.

Базарная площадь Ямасты вмѣщаетъ въ себѣ отъ двадцати до тридцати театровъ шутковъ, жонглеровъ, эскамотеровъ, разскащиковъ сказокъ и актеровъ, разыгрывающихъ буржуазные фарсы или историческіе маскарады. Сверхъ того, здѣсь можно видѣть одинъ или два цирка, а по четырёмъ угламъ площади, у входа въ общественные сады и вдоль аллей, — множество мелкихъ ресторановъ переносныхъ лавокъ и барачковъ, предназначенныхъ для развлеченій; по аналогіи съ европейскими «*café-chantants*», эти барачки можно бы назвать «*thés-chantants*», т. е. чайными домами, въ которыхъ производится пѣніе, а иногда бываютъ и танцы.

Ни одна изъ стоящихъ на этой площади построекъ не отличается прочностью и массивностью. Идущій на постройку матеріалъ вездѣ одинъ и тотъ же: бревна и вѣтви бамбука, доски, циновки, шелковыя и шерстяныя занавѣски и драпри изъ непромокаемой бумаги. На каждомъ балаганѣ оба фасада украшаются невѣроятно-роскошнымъ убранствомъ афишъ, вывесокъ, картинъ и освѣнительно-яркаго цвѣта флаговъ. Парадные выходы актеровъ, въ свою очередь, привлекаютъ ко всѣмъ этимъ соблазнительнымъ приманкамъ особую прелесть, выражающуюся льющимися безъ устали краснорѣчіемъ, переходящимъ во всѣмъ тонамъ всевозможныхъ гаммъ, подъ аккомпаниментъ большихъ и малыхъ барабановъ, дудокъ и трубъ.

О главныхъ спектакляхъ возвыщается на довольно далекое пространство при посредствѣ высокой четырехсторонней башни, состоящей, изъ бамбуковой клѣтки, обтянутой промасленною бумагой. Съ точки зрѣнія литературнаго достоинства, пьесы, исполняемыя въ балаганахъ, стоятъ гораздо ниже драмъ, которыя даются въ народномъ театрѣ Сибайи. Я думаю, что если бы у насъ былъ вѣрный переводъ нѣкоторыхъ, лучшихъ изъ этихъ драмъ, то онѣ доставили бы намъ драгоцѣнныя данныя для сужденія объ умственномъ развитіи японскаго народа.

Ознакомившись въ Голландіи съ театромъ Юдельса, драматическаго автора и базарнаго актера, который развѣщаетъ по городамъ вмѣстѣ съ своими подмостками, актерами и неистощимымъ юморомъ, я былъ пріятно пораженъ, встрѣтивъ въ Японіи нѣчто аналогическое, именно — базарныхъ комедіантовъ, играющихъ по вкусу народа и въ лонѣ самаго народа почерпающихъ вдохновеніе. Для

націй, у которыхъ существуетъ привилегированное, аристократическое или условное искусство, необходимо, чтобы коренная поэзія народныхъ классовъ могла развиваться особо, въ полной независимости, потому что именно изъ этого источника, оставшагося прежде въ неизвестности и пренебреженіи, рано или поздно должно придти обновленіе обветшалыхъ формъ.

ГЛАВА XLV.

ЯПОНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ.

Сибайя. — Парадный выходъ актеровъ. — Устройство театральнаго зала. — Освѣщеніе. — Порядокъ представленій. — Балетъ. — Фойе. — Театральные рестораны.

Большой театръ современной Японіи, Сибайя, отличается далеко не аристократическимъ характеромъ. Во всемъ Ниппонѣ нѣтъ другаго придворнаго театра, кромѣ театра микадо. Незначительная склонность сіюгуновъ и окружающихъ ихъ людей къ литературѣ была причиною того, что ихъ не коснулось умственное движеніе, происшедшее въ собственной ихъ столицѣ. Лица, причисляющіяся къ замку, обнаруживаютъ презрѣніе къ сценическимъ представленіямъ. Такимъ образомъ Сибайя могла бы находиться въ условіяхъ, наиболее удобныхъ для развитія національной драматической поэзіи. Къ несчастію, народные авторы еще не привыкли стоять на собственныхъ ногахъ и не могутъ вполне отрѣшиться отъ китайской школы и тѣхъ условныхъ типовъ, которые введены на японскую сцену первыми учениками этой школы. Послѣдствіемъ этого является то, что японскій театръ остается на низшей ступени сравнительно съ его образцомъ, тогда какъ, конечно, онъ могъ бы сравниться съ нимъ, если не превзойти его, отвоевавъ себѣ полную самостоятельность.

Сибайя — одна изъ любопатнѣйшихъ вещей въ мірѣ. Если она, ни по литературному достоинству пьесъ, ни по совершенству игры актеровъ, не можетъ сравниться съ китайскимъ театромъ, то она превосходитъ его въ поэтическомъ достоинствѣ, потому что отличается болѣе наивнымъ, страстнымъ и искренно-человѣчнымъ характеромъ. Въ Китаѣ публика смотритъ пьесу и судитъ актеровъ; въ Японіи же публика принимаетъ участіе въ пьесѣ, вмѣстѣ съ актерами, обмѣнивается съ ними впечатлѣніями и сама участвуетъ въ спектаклѣ. Въ этомъ отношеніи Сибайя напоминаетъ маленькіе дневные театры въ Италіи, но только со всею тою разницею въ отношеніи силы впечатлѣній, какая можетъ быть между забавнымъ, легкимъ развлеченіемъ и картиною огромной народной сцены, шумной, оживленной и часто непонятной, въ которой и самое веселье кажется чѣмъ то страннымъ и фантастическимъ.

Хотя Сибайя укоренилась во всѣхъ городахъ Японіи, но главные центры жизни, оживляющей это учрежденіе, находятся въ Іеддо и, преимущественно, въ обѣихъ Асаксахъ, — кварталахъ, назначенныхъ для увеселеній.

Драматическіе писатели Іеддо пишутъ, главнымъ образомъ, для этихъ театровъ. Отсюда то новыя пьесы расходятся по всей имперіи. Труппы асакскихъ комедіантовъ путешествуютъ по провинціи, подобно труппамъ борцовъ изъ Хонджо. Онѣ состоятъ исключительно изъ мужчинъ. Изъ женщинъ на подмостки всходятъ только танцовщицы, да и тѣ являются только въ балетѣ. Вообще комедіанты составляютъ особую касту, къ которой люди «порядочные» относятся съ презрѣніемъ. Житель крайняго Востока не менѣе западнаго жителя любитъ, чтобы его ставили на сцену, но онъ исключаетъ изъ своего общества того, кто его изображаетъ.

И такъ, Сибайя служитъ, по преимуществу, театромъ для среднихъ классовъ японскаго населенія. Бываютъ здѣсь также во множествѣ низшіе классы и пролетаріи, когда могутъ внести плату; но все, находящееся выше буржуазіи, либо вовсе не посѣщаетъ драматическихъ представленій, либо присутствуетъ на нихъ не иначе, какъ садясь въ ложи, загороженные рѣшетками. Нельзя сказать однакоже, чтобы тамъ и самъ, среди народа, не сидѣло нѣсколько *самураевъ* (аристократовъ); но они

заботливо хранить инкогнито. Аристократъ «найбуть», т. е. переодѣтый, безъ оружія и накрывшій себѣ голову креповымъ щепомъ, изъ подъ котораго виднѣются однитолько глаза его, можетъ, впрочемъ, позволять себѣ самыя скандальныя поступки, не теряя своего достоинства.

Парадный выходъ актеровъ происходитъ всегда передъ закатомъ солнца. На подмостки, воздвигнутыя по правую и лѣвую сторону дверей театра, выходятъ депутація отъ труппы комедіантовъ и обращается къ публикѣ съ рѣчью, въ которой излагаетъ содержаніе пьесъ настоящаго вечера, а также и достоинства главныхъ актеровъ, играющихъ въ этихъ пьесахъ. За такимъ вступленіемъ, произносимымъ самымъ восторженнымъ тономъ, слѣдуютъ шутки, шпривия замѣчанія, убѣдительная мимика и пускается въ ходъ великое искусство маханія вѣеромъ. Зажигаются фонари. Входятъ, милостивые государи и государыни! Садитесь на свои мѣста: вотъ наступила минута, сейчасъ начинается представленіе!

Между тѣмъ, никто не торопится, потому что уличное зрѣлище приковало къ себѣ всеобщее вниманіе. Иллюминація сіяетъ во всемъ великолѣпнѣ. Вдоль края крыши блеститъ первый рядъ круглыхъ фонарей; другой рядъ свѣтится подъ крышей верхняго этажа. Между этими двумя рядами расположены украшающія галерею большіе кубки изъ прозрачной бумаги, изъ которыхъ въ каждомъ горитъ по свѣчѣ. Наконецъ, около дверей, огромные продолговатые фонари освѣщаютъ рисунки и надписи, изображающіе содержаніе и главные сцены даваемыхъ на театрѣ пьесъ. Нѣкоторыя афиши, написанныя на деревѣ, тянутся во всю вышину дома; тутъ же воздвигнуты флаги, далеко превосходящіе его вышиною. У каждого театра есть свои гербы и цвѣта, красующіеся на вывѣскахъ, флагахъ, фонаряхъ и изображаемые въ огромныхъ размѣрахъ на трехъ главныхъ сторонахъ четырехсторонней башни, похожей на бельведеръ и помѣщающейся на крышѣ. Всѣ постройки, окружающія Сибайю, заняты ресторанами, и, своею вышностью, соперничаютъ съ наружнымъ убранствомъ театра, не столько по отношенію къ размѣрамъ украшеній, сколько по ихъ художественному достоинству. Эти украшения состоятъ обыкновенно изъ картинъ и лѣпныхъ фигуръ, соответствующихъ названію каждого изъ этихъ заведеній: одно называется рестораномъ *Фуэн-Яма*, другое — рестораномъ *Восточно-Солнца*, а далѣе идутъ чайныя, подъ названіемъ *Рыбы Тигъ*, *Торговой Джонки*, *Журавля*, *Двуухъ*, *Влюбленныхъ* и т. п.

Однако пора идти въ театръ. Мы входимъ по деревянной лѣстницѣ, ведущей во второй этажъ. Прислужникъ открываетъ намъ просторную ложу, куда служанка приноситъ, затѣмъ, на подносахъ — саки, чай, пироги, сласти, трубки и табакъ. До тѣхъ поръ, пока японскіе комедіанты будутъ оказывать подобный приемъ приходящей смотрѣть ихъ публикѣ, они обойдутся безъ учрежденія компаній клакеровъ, какія водятся у насъ, не опасаясь свистковъ, системы которыхъ никто, вѣроятно, и не подумаетъ вводить у нихъ.

Залы для спектаклей устрояются въ видѣ длиннаго четырехугольника; онѣ снабжены двумя рядами галлерей, изъ которыхъ на верхнемъ находятся первыя мѣста. Тутъ можно видѣть много разодѣтыхъ, т. е. закутаныхъ по уши въ свои креповыя платья и шелковыя мантіи, дамъ. Другую галерею и бѣнуары занимаютъ одни мужчины. На авансценѣ помѣщается нѣсколько ложъ, задѣланныхъ рѣшеткою. Ни рамы, ни особаго помѣщенія для оркестра здѣсь не существуетъ. Партеръ изданъ похожъ на шахматную доску: онъ раздѣленъ на отдѣленія, изъ которыхъ въ каждомъ считается по восьми мѣстъ. Большая часть ихъ занимаетъ по годичному абонементу семействами людей средняго сословія, которыя приводятъ съ собою въ театръ своихъ дѣтей, а при случаѣ — также и гостей, наѣхавшихъ изъ провинціи. Обладатели отдѣленія въ партерѣ всегда находятъ средство размѣститься довольно удобно, потому что они достаточно знакомы съ семействами, сидящими въ сосѣднихъ помѣщеніяхъ, куда, при необходимости, и сбываютъ избытокъ посѣтителей своего отдѣленія. Проходовъ между мѣстами здѣсь нѣтъ никакихъ. Желая попасть на свое мѣсто или пройти къ сосѣду, зритель пробирается по балкамъ, окомляющимся отдѣленія и лежащимъ на высотѣ, приходящейся по плечо зрительмъ. Послѣдніе имѣютъ обыкновеніе сидѣть на корточкахъ или на маленькихъ скамейкахъ. Никакихъ лѣстницъ для входа во внутрь отдѣленія не имѣется; мужчинъ подсаживаютъ дамы и дѣтей руками. Эти упражненія составляютъ самую живописную часть общаго движенія, предшествующую представленію. Космексы и служанки, въ теченіе всего вечера, разносятъ зрительмъ табакъ и закуску, пользуясь тѣми же путями сообщенія.

По обѣимъ сторонамъ партера, чрезъ одно отдѣленіе отъ бѣнуара, тянутся двое досчатыхъ подмостковъ, служащихъ продолженіемъ сцены: одинъ подмостокъ, болѣе узкій и находящійся по правую руку отъ входа, доходятъ до дверей залы; другіа, шириною въ четыре доски, образуютъ, около края

бенуара, острый уголъ и теряются подъ занавѣсью, падающею съ первой галлерей. На этихъ-то подмосткахъ являются извѣстные героическія или траги-комическія лица и балетныя танцовщицы.

Залъ освѣщается бумажными фонарями, привѣшенными къ галлереймъ. На потолокъ, совершенно плоскомъ, такъ какъ въ японской архитектурѣ куполы не извѣстны, — не висятъ люстры. Между тѣмъ я видѣлъ въ Йокгамѣ, на потолокъ театра, большіе висячіе фонари, служившіе для освѣщенія, во время антрактовъ, представлений акробатовъ и, между прочимъ, упрежненій летающаго человѣка, который дѣйствительно пролетаетъ чрезъ весь театръ, вися на воздухѣ при помощи подвижнаго механизма, искусно скрытаго отъ взоровъ публики.

Занавѣсь, закрывающая сцену до начала представленія, украшена гигантскою надписью китайскими буквами; поверхъ ея находится картонная мишень, пробитая въ центрѣ стрѣлою. Этотъ символическій знакъ, говорятъ, служитъ предвѣстникомъ или залогомъ таланта, которымъ актеры навѣрно съумѣютъ поразить зрителей.

Между тѣмъ въ толпѣ обнаруживается нѣкоторое нетерпѣніе, а въ отдѣленіи, гдѣ помѣщаются *куан*, — у самой занавѣси, — начинаются даже ссоры, сопровождаемыя ловкою потасовкою. Актеры вышпиливаются въ драку: — одинъ, просовывая головы въ дыры, образовавшіяся отъ времени въ украшающихъ занавѣсь рисункахъ, другіе — выползая изъ-подъ занавѣси, чтобы выйти со сцены. Вскорѣ порядокъ восстанавливается. *Куан* сами вскарабкиваются на досчатые сидѣнья, по приглашенію актеровъ, которые предоставляютъ имъ либо занять мѣста, либо принять на себя какую нибудь обязанность; и, дѣйствительно, при помощи ихъ могучихъ рукъ, тяжелая занавѣсь медленно поднимается къ потолку, между тѣмъ какъ принадлежащіе къ труппѣ музыканты, спрятавшіеся за кулисами, принимаютъ гремѣть въ барабаны, гонги, флейты и трещотки, съ тѣмъ, чтобы прекратить не только громкіе разговоры, но даже самый легкій шепотъ.

Представленіе продолжается обыкновенно до часа утра, и состоитъ изъ комедій, волшебной оперы съ балетомъ и двухъ или трехъ интермедій, заключающихся въ упрежненіяхъ гимназій, фокусниковъ и жонглеровъ. Появленіе на сцену главныхъ дѣйствующихъ лицъ возбуждается громомъ трещотокъ, съ тою особенностью, что въ такихъ случаяхъ стукъ производится не двумя деревянками, ударяемыми одна объ другую, а ударами куска дерева объ полъ авансцены. Появленію мелкихъ дѣйствующихъ лицъ предшествуетъ всегда молнія. Актеры, на которыхъ должно быть обращено наибольшее вниманіе, выходятъ на сцену въ сопровожденіи двухъ коскеенсовъ, изъ которыхъ каждый несетъ по длинной палкѣ, съ прикрѣпленнымъ къ концу ея подвѣшникомъ, украшеннымъ горящею свѣчю. Зрителямъ остается только слѣдить за сложными движеніями двухъ свѣчей, чтобы знать, на что именно слѣдуетъ обратить вниманіе въ данную минуту: на выраженіе ли лица актера, или на его позу, жестъ, а иногда и на извѣстныя подробности его костюма и прически. Та же исторія повторяется и съ танцовщицами.

Въ балетѣ нерѣдко можно видѣть, какъ коскеенсы, сидя на корточкахъ на подмосткахъ и пользуясь непосредственнымъ сосѣдствомъ публики, заставляютъ ее снимать имъ совѣтъ, что производится посредствомъ пальцевъ; на это первый вѣтрѣнный всегда соглашается съ удовольствіемъ. Лейрль совершенно справедливо сказалъ, что нигдѣ невозможно найти въ средѣ театральной публики того веселаго расположенія духа и той любезности, какія замѣчаются въ Японіи. Во время представленія комедій часто случается, что зрители прерываютъ актеровъ и вступаютъ въ разговоръ съ ними. Тѣ и другіе по-своему стараются способствовать успѣху представленія ко всеобщему удовольствію. Усердіе и удовольствіе публики высказываются щедрыми подарками актерамъ сверхъ обыкновенной театральной платы. Лейрль замѣтилъ, что всякая театральная зала бываетъ украшена доскусами бумажными, посредствомъ которыхъ артисты напоминаютъ публикѣ о сдѣланныхъ имъ великодушныхъ пожертвованіяхъ, и заявляютъ имена и адреса жертвователей.

Еще не наступило время для одѣвки японскаго театра съ литературной точки зрѣнія. Ни на одинъ изъ европейскихъ языковъ не переведена еще ни одна японская пьеса. Сэръ Рутерфордъ Алькокъ написалъ подробный разборъ одного представленія въ Осакѣ, на которомъ онъ присутствовалъ. Сравнивая свои собственныя наблюденія съ наблюденіями Рутерфорда и Лейрля, я нахожу возможнымъ вывести заключеніе, что современная Японія находится еще во младенчествѣ по отношенію къ драматическому искусству. Въ силу политическихъ условій этой страны, историческая драма оказывается въ ней невозможною. Все, наиболее подходящее къ ней въ репертуарѣ Сибایی, дѣлается грубою смѣсью исторіи, мифологіи и юмористической фантазіи, смыслъ которой едва ли постигаютъ сами японцы. Опера, еще болѣе безобразная, чѣмъ драма значительно уступаетъ лирической

сценѣ Небесной имперіи, подражая ей только съ самой скучной стороны, именно въ фантастическомъ элементѣ буддистскаго демонологіи. Единственно комедія кажется мнѣ многообещающею въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, потому что она развивается въ условіяхъ натуральности и реальности. Правда, подобно самой оперѣ, она приспособлена невѣроятно грубымъ сценѣ. Съ другой стороны, нашъ театръ кажется японцамъ верхомъ безправственности. Это очевидное противорѣчіе объясняется очень просто. Японскій реализмъ допускаетъ на сценѣ и въ романахъ такія лица, какъ наши «*Dame aux camélias*», и «*Мраморная Дѣва*» служащіе образчиками нашего полусвѣта. За то онъ безусловно исключаетъ самую интригу, хотя бы самымъ легкимъ образомъ посягающую на неприкосновенность чистоты замужней женщины.

Фойе и закулисное отделение въ театрах крѣпкого Востока представляютъ для иностраннаго, наблюдателя не менѣ интереса, чѣмъ самое представлѣніе и присутствующая на немъ публика. Здѣсь въ встрѣтѣ однихъ только мужчинъ, и развѣ только изрѣдка — нѣсколько служанокъ или даже актеровъ, приносящихъ имъ чего нибудь закусить или являющихся для того, чтобы осмотрѣть костюмы артистовъ, готовыхъ къ выходу на сцену въ мужской или женской одеждѣ. Такимъ образомъ общій видъ закулисной картины представляетъ то пріятное зрѣлище, которое обыкновенно называется «хозяйствомъ холостяковъ». Среди всеобщаго безпорядка глазъ различаетъ, наконецъ, отдѣльныя группы, изъ которыхъ каждая отличается своимъ особеннымъ характеромъ: въ одномъ углу расположились музыканты, занятые ужиномъ и равнодушные ко всему остальному, пока голосъ режиссера не побудитъ ихъ занять свои мѣста; въ сторонѣ — двое актеровъ репетируютъ позы и жесты, долженствующіе возбудить удивленіе зрителей; передъ зеркаломъ помѣстился третій актеръ и румянитъ себѣ щеки, поправляя на головѣ женскую наколку. Тутъ же, около него, забросивъ себѣ за плечи свою маску съ рогами и гривой, стоитъ артистъ, изображающій молодого чертенка, и обмахивается вѣеромъ, пока хозяйня труппы спокойно покуриваетъ трубку, сидя въ кругу акробатовъ. Между тѣмъ лица безъ рѣчей снуютъ во все стороны, вооружившись орудіями, посредствомъ которыхъ производится постепенная перемена декорацій. Механикъ пробуетъ дѣйствіе люка, черезъ который на сцену обыкновенно появляются видныя и подъ которыми онъ вскорѣ произведетъ пламя. А въ это время неслышимо идетъ себѣ своимъ чередомъ, подъ аккомпанѣментъ барабановъ и разговоровъ помѣщающихся въ партерѣ зрителей и незанятыхъ актеровъ.

Въ ресторанѣ происходитъ удивительная суматоха. Всѣ, за исключеніемъ прислуги, сидятъ на пивоваркѣ, причемъ каждая группа, каждый кружокъ знакомыхъ развлекаются на свой собственный манеръ. Можно бы подумать, что тутъ сдѣлано примѣненіе метода ланкастерскаго взаимнаго обученія, съ тою разницей, что все занятіе этихъ многочисленныхъ юношей обоего пола состоитъ въ питьѣ, ѣдѣ, веселыхъ разговорахъ, играхъ и брэнчаніи на какомъ нибудь инструментѣ для увеселенія двухъ-трехъ друзей. Тутъ идетъ игра въ шашки, трипакъ, мурру (игра пальцами) и кости, сдѣланныя прочно, въ видѣ длинныхъ, покрытыхъ лакомъ, кубовъ; для двухъ играющихъ необходимы четыре такихъ кости, по одной въ каждую руку; игроки стучатъ ими одна о другую въ тактъ относящейся къ случаю пѣсни, постепенно возрастающей въ быстротѣ. Всякая ошибка въ игрѣ влечетъ за собою наказаніе, обыкновенно состоящее въ томъ, что проигравшій долженъ выпить до-верху полный стаканъ саки.

Между тѣмъ трупна пѣвицъ, не смущаясь общимъ шумомъ, располагается близъ домашняго алтара, подлѣ изображеніемъ бога удовлетворенія. Вскорѣ за тѣмъ звуки гитаръ и голоса возбуждаютъ восторгъ въ какомъ-нибудь юномъ лѣвѣ высшаго круга, и, поднявшись, онъ, на глазахъ дамъ своего общества, граціозно распаркивается, причемъ, однако, по дрожанію его вѣера, замѣтно, что распаркиваться ему не особенно легко.

При недостаточности имеющейся в театре закуски, весьма приятно, — особенно после пятиактного или шестиактного представления, — найти в ресторане превосходную вареную рыбу или ароматную рисовую кашу. Зрители, не чувствуя угрызений совести, жертвуют гастрономическим удовольствием наиболее знакомыми сценами представления, и десерт продолжается до тех пор, когда гоним не возбуждает начало большой интермедии акробатов. Тут ресторан совершенно измывает свой вид. Все общество бросается занимать места в театре. Драматические авторы, литераторы по профессии, меценаты и дилеттанты Сибайи, — отправляются со своими дамами в уединенные залы, как будто артистическая совесть их не позволяет им смотреть на то, как священные драматические подмошья мгновенно превращаются в арену фокусников. В уединенных «литературных» комнатах, в тиши этих ночных, веселых совещаний в театральных ре-

сторонахъ, чаще всего получаютъ развитие молодые столичные писатели, авторы, пользующіеся известностью, вовлекаются въ благотворные публичные споры, причемъ переработка старыхъ учений и традицій идетъ медленно, но безостановочно въ области литературы и даже религиозныхъ учрежденій. Всеобщимъ уваженіемъ здѣсь, повидимому, пользуется единственно только политическое и социальное устройство Японіи. Если сатира не боится нападать на наиболѣе выдающіеся типы феодальнаго слоя общества, то это, безъ сомнѣнія, происходитъ оттого, что въ этомъ ей покровительствуетъ исключительно благосклонность власти, доселѣ враждующей еще съ этимъ учрежденіемъ, пещи, съ другой стороны, буржуазія осмѣливается смѣяться надъ правительственными чиновниками, то правительство не запрещаетъ ей этого, въ виду ея услугъ и ради дѣтскаго, не влекущаго за собою послѣдствій, удовлетворенія массы.

Въ тотъ день, когда обѣ политическія партіи ринутся въ борьбу, на нихъ, какъ изъ райки, будетъ любоваться народъ, одаренный фрондерскими наклонностями, не питающій не малѣйшей симпатіи къ кому-бы то ни было изъ сражающихся и совершенно равнодушный къ успѣху оружія того или другаго. Однажды г. ванъ-Витъ, нидерландскій генеральный консулъ, спросилъ у стараго іеддскаго буржуа: что сталъ бы дѣлать народъ, если бы имперія начала войну съ какой нибудь иностранной державой. — «А мы спрячемся внутри страны», отвѣчалъ старикъ, не задумываясь. — Какъ! спрячешься? — «Разумѣется, воевать не наше дѣло; это дѣло людей съ двумя саблями». — А еслибъ они между собой стали сражаться? — «Мы тоже спрячемся и будемъ смотрѣть издали». — Какъ бы ни было, а я думаю, продолжалъ г. Витъ, что ваши люди съ двумя саблями не дурно бы сражались. — Ну, въ этомъ случаѣ, отвѣчалъ японецъ, съ ними можетъ быть, какъ воть съ этими строеніями, выбѣленными глиной: мы думаемъ, что они въ состояніи противиться огню, а это дѣло темное и ругаться за нихъ не слѣдуетъ, пока не увидишь, точно ли они такія, какими ихъ считаютъ».

ГЛАВА XLVI.

ЖОНГЛЕРЫ.

Корпорация сибайскихъ гимнастовъ. — Эквилибристика. — Жонглеры. — Кудесники. — Необыкновенная ловкость. — Волчки. — Зависть бонзъ. — Храмъ Ожи-Иари.

Состоящіе при Сибай гимнасты образуютъ корпорацію, независимую отъ общества актеровъ. Собственно говоря, въ число ихъ входятъ жонглеры, эквилибристы, акробаты, о которыхъ легко составить себѣ понятіе тому, кто видѣлъ подобныхъ имъ на всемірной выставкѣ въ Парижѣ. Нечего много говорить объ ихъ упражненіяхъ, главными орудіями которыхъ служатъ трапеція, кольцо палка, шестъ и различныхъ размѣровъ лѣстницы.

Въ Іеддо наиболѣе замѣчательны разнообразныя эквилибристическія упражненія, исполняемыя при посредствѣ искусственнаго, непомѣрно-длиннаго носа или даже бамбуковаго шеста, богъ-вѣсть какимъ образомъ укрѣпляемаго ими посреди лица. Одинъ изъ акробатовъ, нипр., ложится на спину, а на носъ къ нему взбирается мальчикъ, который и устанавливается тамъ въ равновѣсіи на одной ногѣ, балансируя въ тоже время на своемъ собственномъ носу зонтикъ. Не довольствуясь этимъ, тотъ же акробатъ, ни въ чемъ не измѣняя прежней позы, поднимаетъ вверхъ ногу и другой мальчикъ, упершись носомъ ему въ подошву, постепенно поднимается, пока не станетъ вверхъ ногами; затѣмъ онъ остается неподвижнымъ въ такомъ положеніи. Упражненія съ шестомъ, замѣняющимъ искусственный носъ, до того паразитичны, что навѣрное заключаютъ въ себѣ какой нибудь обманъ, въ родѣ точки опоры, скрываемой театральными декораціями.

Группа, совершающая эти подвиги, находится подъ покровительствомъ божественнаго Тенгу и

носить главные его атрибуты, т. е., кроме длиннаго носа, еще пару крыльевъ, саблю и костюмъ герольда.

Другую, несравненно болѣе любопытную, корпорацію составляютъ жонглеры-престидижитаторы. Наиболѣе искусныя труппы ихъ подвизаются на ярмаркѣ въ Имаствѣ и въ окрестностяхъ большаго храма Каннона въ Асаксѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ совершаютъ поѣздки и по провинціямъ. Г. Польд-брукъ пригласилъ одну изъ такихъ труппъ въ Бенпанъ для представленія передъ западными сано-вниками, находившимися въ то время въ Иокотамѣ. Такъ какъ моя рабочая комната находилась рядомъ съ заломъ, предназначенною для представлений, и такъ какъ двери обѣихъ комнатъ выходили на веранду, гдѣ жонглеры устроили себѣ костюмерню и дѣлали репетиціи, то я имѣлъ удовольствіе присутствовать при всѣхъ приготовленіяхъ ихъ къ представленію. Подвижные припасы ихъ, между прочимъ, состояли изъ высокихъ треножниковъ, различныхъ штативовъ и изящныхъ низенькихъ столовъ, превосходно наведенныхъ краснымъ лакомъ; тутъ же находились большія фарфоровыя вазы, посуда изъ желтой мѣди, сундуки и коробки разной величины, выдѣланныя подъ черныи и бѣлый лакъ и снабженныя двойнымъ дномъ и потайными ящичками. Оттуда они вынимали подсвѣчники, свѣчи, маленькій волшебный фонарь, фарфоровыя чашки, замѣняющія употребляемые нашими фокус-никами кубки, вытаскивали неопрокидывающихся куколъ, маріонетки, шарфы, ленты, тюрбаны, шнурки, бумагу, трубки, сабли, вѣера, разнаго рода кубари, величиною отъ суповой тарелки до орѣховой скорлупы.

Оркестръ состоялъ изъ самсина, двухъ деревянныхъ трещетокъ и маленькаго и большаго барабановъ. Нужно сказать, что оркестръ имѣлъ цѣлью только заглушать тимпанъ и, въ извѣстныя минуты, отвлекать вниманіе зрителей, равно какъ и возбуждать его въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ, особенно когда какой нибудь глава труппы, начиная новую серію фокусовъ, долженъ былъ обратиться къ публикѣ съ соотвѣствующею важности предмета рѣчью.

Находя, что фокусъ становится перемѣщеніемъ предметовъ исполняется въ Европѣ не хуже, чѣмъ на крайнемъ Востокѣ, я не стану говорить объ этой части представленія. Что же касается до всего представленія вообще, то я думаю, что лучшимъ опредѣленіемъ ему можетъ служить названіе очаровательной мистификаціи. Дѣйствительно, трудно съ большимъ удовольствіемъ поѣхашь надъ до-вѣрчивостію народа и его склонностію къ чудесному, нежели какъ это дѣлаютъ жонглеры въ Иедо. За исключеніемъ актовъ ловкости и эскамотажа, въ чемъ они обнаруживаютъ поразительное искусство, все остальное у нихъ, съ начала до конца, — и въ словахъ, и въ дѣйствіяхъ, — оказывается не болѣе какъ извѣстнымъ родомъ перемѣшанія или отрицанія чудснаго, производимаго путемъ изобрѣтенныхъ ими самими фокусовъ, удивительныхъ по простотѣ и вздорности. Если прибавитъ къ этому достоинства испытанной въ своемъ искусствѣ труппы, ловкую постановку, изысканный вкусъ ил, точнѣе, величайшій тактъ въ костюмировкѣ, декорацияхъ, устройствѣ машинъ и орудій; наконецъ — важность, снисходительность и непоколебимую комическую серьезность, соединенную съ ловкостью и сдержаннымъ увлеченіемъ: — тогда станетъ понятно, почему эта, совершенно особенная категорія жонглеровъ занимаетъ одно изъ видныхъ и самыхъ почетныхъ мѣстъ среди многочисленныхъ компаній подобнаго ремесла.

Всего замѣчательнѣе въ ихъ упражненіяхъ та ловкость, съ которою они переходятъ отъ простыхъ фокусовъ къ продѣлкамъ высшаго жонглерскаго искусства и наоборотъ, причемъ зритель не только не видитъ, но даже не подозреваетъ сдѣланной ими перемѣны. Одинъ изъ нихъ садится, напр., на ворточкахъ передъ высокимъ подсвѣчникомъ и, одною рукою помахивая вѣеромъ, хватаетъ другою зажженую свѣчу, подбрасываетъ ее на воздухъ, ловитъ ее и, не гася пламени, заставляетъ ее подпрыгивать наподобіе мячика, въ тактъ пѣсни, напѣваемой имъ подъ аккомпаниментъ оркестра. Затѣмъ, поставивъ свѣчу на мѣсто, онъ задуваетъ ее, и вдругъ изъ свѣчи, какъ будто дѣйствіемъ его вѣера, начинаютъ бить фонтанъ воды, которую онъ и ловитъ въ фарфоровую чашу. Товарищъ его, стоя на колѣняхъ передъ табуретомъ, покрытымъ ковромъ и освѣщеннымъ, по бокамъ, двумя большими бумажными фонарями, показываетъ на немъ двухъ красивыхъ маріонетокъ, которыя у него разыгрываютъ комедію съ пѣніемъ и танцами. Въ комедіи четыре дѣйствующихъ лица, вторыя изъ нихъ появляются и исчезаютъ безъ малѣйшаго движенія со стороны жонглера. По окончаніи пьесы, по-слѣдній передаетъ куклы другому, который тщательно укладываетъ ихъ въ ящики, а самъ перемѣняетъ костюмъ, послѣ чего, махая распростертыми широкими руками своей куртки, похожими на птичьи крылья, онъ мгновенно вскакиваетъ на одинъ изъ бумажныхъ фонарей и неподвижно устанавливается на носкахъ. Стоящій около него товарищъ вновь открываетъ ящики съ куклами и

вынимает оттуда полный завтрак. Схватив чайникъ, онъ предлагаетъ зрителямъ выпить, подавая имъ на подносѣ доверху полную чашку; но едва протянешь къ ней руку, она оказывается уже пустою. Жонглеръ съ удивленнымъ видомъ прикасается къ ней губами, но тотчасъ же съ отвращеніемъ отворачивается и выбрасываетъ цѣлый рой мухъ. Подаваемые вслѣдъ за тѣмъ яйца не отличаются ничѣмъ въ особенности, кромѣ того, что жонглеръ умѣетъ ставить ихъ стоями у себя на лбу да еще прикрывать сверху бюдечкомъ, сохраняя и то, и другое въ равновѣсіи.

Антрактъ оживляется комическими интермедіями, изъ которыхъ наиболѣе любопытно служатъ отдохновеніе жонглеровъ. Въ молчаніи сидя передъ бѣлою перегородкой и дыма трубками, они чертятъ на ней большія китайскія буквы. Разнообразныя движенія, которыя они дѣлаютъ вѣерами, становятся постепенно быстрѣе и быстрѣе, пока не сольются въ какую-то оптическую фантамагорію. Такъ, въ заключеніе серіи первыхъ упражненій, жонглеръ показываетъ публикѣ большой вѣеръ, который стоитъ у него на наружной сторонѣ правой руки; потомъ онъ подбрасываетъ его вверхъ, ловитъ его на ладонь лѣвой руки, съеживается, обмахивается имъ, повернувъ голову въ профиль, выпускаетъ продолжительный вздохъ, вслѣдствіе котораго изъ его рта вылетаетъ изображеніе скачущей лошади. Продолжая обмахиваться, онъ вытираетъ изъ праваго рукава цѣлый полъ маленькихъ чепчиковъ, которые, подплывая и присѣдая, исчезаютъ въ воздухѣ. Онъ нагибается, складываетъ вѣеръ и держитъ его обѣими руками; въ это время голова его исчезаетъ, послѣ чего появляется вновь, но въ колоссальныхъ размѣрахъ, за тѣмъ опять въ натуральную величину, но за то въ трехъ или четырехъ экземплярахъ. Передъ нимъ ставятъ особый сосудъ въ родѣ амфоры, и вскорѣ зрители видятъ, какъ онъ выдѣлывается изъ узкаго горлышка этой бутылки и затѣмъ исчезаетъ въ висащихъ на потолкѣ облакахъ.

Между тѣмъ готовится большое представленіе съ волчками. Одинъ изъ жонглеровъ выбираетъ два самыхъ большихъ волчка и, взявъ ихъ за ножки, нѣсколько минутъ вертитъ ихъ между ладонями. Съ этой минуты сообщенное имъ волчкамъ вращательное движеніе уже не прерывается. Товарищъ его схватываетъ первый изъ пущенныхъ волчковъ, и тотъ ребромъ бѣжитъ по чубуку затѣмъ онъ подбрасываетъ его въ воздухъ и ловитъ въ трубку; наконецъ отправляетъ его вертѣться на отведенномъ ему мѣстѣ и волчокъ повинуется, переходя даже на лакированный столъ черезъ дугообразную перекладину. Въ то же время другой жонглеръ приноситъ высокую подставку, на которую и ставитъ фарфоровую чашу, до краевъ наполненную водою. На поверхности воды онъ разстилаетъ листокъ лотуса; поднимаетъ съ пола второй волчокъ и ставитъ его на этотъ листокъ; волчокъ и тутъ продолжаетъ вертѣться. Вскорѣ изъ верхняго конца его начинается бить красивый фонтанъ. Пока два большіе волчка вертятся каждый на своемъ мѣстѣ, фокусники приносятъ другіе, средней и малой величины. Простаго толчка, почти незамѣтнаго прикосновенія къ первымъ, достаточно уже, чтобы привести весь отрядъ въ движеніе. Но жонглерамъ мало того, что волчки вертятся на полу. Режиссеръ показываетъ публикѣ нѣсколько обыкновенныхъ ящичковъ, совершенно гладкихъ, желѣзныхъ проволокъ и сабель, лезвие которыхъ онъ всякому даетъ ощупать. Затѣмъ онъ подаетъ сигналъ къ танцамъ: трое актеровъ выходятъ на сцену, отвѣтивъ публикѣ низкій поклонъ и немедленно приступаютъ къ дѣлу подъ звуки полного оркестра. Одинъ заставляетъ три или четыре волчка проходить сквозь кольцо, другой — прыгать въ ящичи, выскакивать оттуда и вращаться въ круговой линіи; третій кидаетъ волчки на протянутыя проволоки, по которымъ они и начинають бѣгать взадъ и впередъ, смотря по его указанію. Тоже самое дѣлается и на лезвѣ сабли. Въ продолженіе всѣхъ этихъ упражненій ни одинъ волчокъ — большій ли, средній или малый — не перестаетъ вращаться, и хотя это совершенно невѣроятно, однако вполне вѣрно. Не знаю, на сколько онъ участвуетъ обманъ въ каждомъ изъ этихъ упражненій; я замѣтилъ его, во время репетицій фокусниковъ на верандѣ, относительно фокусовъ съ саблею и проволокою: показываемые публикѣ экземпляры весьма ловко замѣняются другими, совершенно одинаковыми, но снабженными тонкимъ желобкомъ. Жонглеры показывали мнѣ также потайной аппаратъ, посредствомъ котораго большіе волчокъ переносится въ фарфоровую чашу. Но какъ бы то ни было, устройство японскихъ волчковъ или, собственно говоря, механизмъ, удерживающій ихъ въ равновѣсіи, отличается удивительнымъ совершенствомъ. Да и вообще, какъ все впечатлѣніе, производимое всѣми описанными мною фокусами такъ и мелкія частности ихъ, напоминаютъ собою что-то волшебное. Доводительствомъ можетъ служить та сцена, когда жонглеръ небрежно, разрывая листъ бумаги на маленькіе четырехугольные кусочки и, бросивъ ихъ на воздухъ, начинаетъ подгонять ихъ вѣеромъ, послѣ чего они постепенно превращаются въ стаю улетающихъ птицъ. Очаровательно также видѣть, какъ другой лоскутокъ бу-

маги вылетаетъ изъ его рукъ въ образъ бабочки, которая вскорѣ начинаетъ порхать вокругъ головы и которую онъ, повидимому, совершенно готовъ уже поймать, а она, смѣясь надъ его усиліями, садится даже на грозившій ей вѣтеръ жонглера и наконецъ улетаетъ на букетъ цвѣтовъ. Минуту спустя, она вылетаетъ изъ букета въ сопровожденіи другой бабочки и, поднявшись вверхъ, обѣ носится въ воздухъ опускаясь, поднимаясь и преслѣдуя одна другую, пока наконецъ жонглеръ не изловитъ ихъ въ ящикъ и торопливо не захлопнетъ его крышки. Но едва приподнимается онъ крышку, обѣ пташечки вылетаютъ снова и опять начинается ловля, съ новымъ усердіемъ. Наконецъ, жонглеръ схватываетъ обѣихъ бабочекъ рукою, съ торжествомъ подходитъ къ зрителямъ, чтобы показать имъ свою добычу, но когда открываетъ свою горсть—оттуда вылетаетъ только легкое облако золотистой пыли.

Этотъ фокусъ, по справедливости, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые доводятъ восторгъ публики до высшей степени. Впрочемъ японцамъ не свойственны неистовые аплодисменты: держа въ правой рукѣ сложенный вѣеръ, они ударяютъ имъ, болѣе или менѣе быстро, по ладони лѣвой руки, сопровождая этотъ жестъ легкими криками удовольствія.

Кажется, можно сказать, что въ Іеддо успѣхи комедіантовъ и жонглеровъ возбуждаютъ зависть въ бонзахъ. Въ нѣкоторыхъ храмахъ сенты ками, священники воздвигли театры маріонетокъ. Правда, представленія въ нихъ даютъ только по храмовымъ праздникамъ, причемъ разыгрываются пьесы, заимствованныя изъ исторіи древнихъ микадо. Недостатокъ драматическаго интереса спектакля возмѣщается оркестромъ, который иногда составляется изъ двадцати музыкантовъ. Сверхъ того, любительство публики возбуждается священными танцами. Во время праздника Оджи-Гонена весь монастырь пляшетъ и скачетъ, не исключая музыкантовъ и старика, бьющаго въ большой барабанъ. Тутъ же, въ предѣлахъ церковной ограды, празднуется, посредствомъ характерныхъ танцевъ, сборъ жатвы. Участвующие въ танцахъ навязываютъ себѣ на спину связки колосевъ, а на голову надѣваютъ четырехугольную шляпу изъ рисовой соломы, закрывающую имъ лицо. Почетные стражи театра носятъ каски, кирасы и, ни болѣе ни менѣе, какъ по пяти сабель при бедрѣ. Входъ безплатный, но при входѣ устроена торговля, гдѣ каждый, въ воспоминаніе праздника, считаетъ необходимымъ запастись маленькою раскрашеною деревянною пиквою или другими военными доспѣхами, составляющими произведенія монастыря и годящимися на игрушки дѣтямъ.

Бонзы Омеоджи, každогодно по разу, дѣлаютъ довольно значительный сборъ денегъ, расходуясь съ своей стороны, только на большіе разрисованные фонари и театральныя декорации, которыми они убираютъ свои сады. Съ темныхъ галлерей священныя зданія передъ зрителями открывается нѣчто въ родъ діорамы. Этотъ спектакль продолжается семь ночей сряду и служитъ поводомъ многочисленныхъ пріятныхъ свиданій.

Храмъ Оджи-Инари славится своими комическими представленіями. Въ нихъ случаются такіе сцены, которыя не подлежатъ описанію. Тоже самое замѣчаніе можно отнести къ священнымъ предметамъ и даже дѣтскимъ игрушкамъ, употребляемымъ въ честь Инари, на праздникъ жатвы. Этотъ богъ считается патрономъ земледѣльческихъ продуктовъ и покровителемъ плодородія; онъ охраняетъ земледѣльца отъ воровства и пожара. Въ прежнее время онъ былъ спутникомъ Луны, но въ видѣ лисицы, ему придаютъ, въ видѣ атрибута и прислуживающаго духа—лисицу. Поклоненіе, воздаваемое одному, относится въ равной степени и къ другому, такъ что передъ храмами Инари въсегда видне дѣя статуи лисицы, лежація у подножія тори, покрытаго краснымъ лакомъ.

Празднество въ храмѣ Іебиса совершается на двадцатый день одиннадцатаго мѣсяца. Богъ, которому поклоняются тутъ, былъ младшимъ братомъ Солнца. Изгнанный изъ небеснаго двора ради своего безобразія, Іебисъ занялся рыбной ловлей и нажилъ огромное богатство. Во время годичной ярмарки, установленной въ честь его, купцы приманиваютъ праздношатающихся чрезвычайно низкими цѣнами, и затѣмъ полученный при этомъ случаѣ чистый барышъ, или экономія, тратится въ ту же ночь на разныя грѣховныя удовольствія.

Другой храмъ, принадлежащій къ культѣ ками, заданъ спеціальностью освѣжить древніе маскарады даири, въ родѣ пѣтушьяго хоровода, напримѣръ: танцоръ, съ громадными грѣбами на головахъ, носитъ маску въ видѣ клюва, къ которому непремѣнно привѣшивается бубенчикъ.

Священники храма Фунабасъ, выбравъ хорошей дѣвѣ, выставивъ своихъ идоловъ на солнце въ серединѣ бамбуковой ограды, богато украшенной цвѣтами и бумажными украшеніями. Затѣмъ юноши

вычурцы, вооружившись гонгами, металлическими тарелками или барабанами, принимаются скакать вокруг священного мѣста съ неистовымъ крикомъ.

Братство просителей милостыни изъ секты ками усложняетъ свое богослуженіе совершенно неожиданными эволюціями и хореографическими фигурами. Употребляемое ими кропило укрѣпляется на концѣ песта, имѣющаго видъ копы и украшеннаго кистью изъ разныхъ символическихъ знаковъ. Размахивая правою рукою вѣеромъ, танцоръ кладетъ себѣ лѣвою рукою кропило на затылокъ, держитъ рукоятку кропила въ горизонтальномъ положеніи наравнѣ съ плечами и, выдѣливая антраша за антраша, касается носками то одного, то другаго конца копы.

Но лучше обратимся къ молебнымъ, заключающимъ въ своихъ обширныхъ оградахъ всѣ соблазны и фокусы, всѣ промыслы и чудеса, которые только возможно совмѣстить въ учрежденіи, имѣющемъ цѣлью общую эксплуатацію сусѣбрія и человѣческихъ страстей.

ГЛАВА XLVII.

АСАКСКИЕ ЧАЙНЫЕ ДОМА.

Различіе между аристократическими и буржуазными чайными домами. — Женщины чайныхъ домовъ. — Свобода языка въ Японіи. — Роль полиціи въ дѣлѣ нравственности.

Большая рѣка О-Гава раздѣляющая Іеддо на два отдѣльные города, обширнымъ кругомъ замыкаетъ пространныя кварталы, тянущіеся къ сѣверу отъ Замка. Перерѣзавъ, почти по прямой линіи отъ запада къ востоку, всю сѣверную часть Іеддо, она круто поворачиваетъ къ югу, орошая, по направленію къ сѣверу до самаго моря, раскинутые на лѣвомъ берегу ея сады и набережныя кварталовъ Семидагава-Мукошима, Хонджо и Фукагава; правый же берегъ уукрашается набережными Асакса-Имато и Асакса-Окурамай, равно какъ и тѣми кварталами города, которые отдѣлены отъ послѣдняго притокомъ О-Гавы, Таморинке. Эта прекрасная рѣка, составляющая натуральный ровъ вокругъ Замка, служитъ основаніемъ огромнаго треугольника, вершину котораго образуетъ котѣно О-Гавы и который обнимаетъ собою не только обѣ Асаксы, но также два другіе сѣверныя квартала, расположенные параллельно имъ съ западной стороны, — именно: кварталы Негисъ-Танинакахенъ и Стайя. Всѣ эти четыре части Іеддо специально посвящены столичнымъ удовольствіямъ, приспособленнымъ ко всѣмъ классамъ, ко всѣмъ вкусамъ, отвѣчающимъ всѣмъ прихотямъ и требованіямъ. Сотни храмовъ соперничаютъ съ чайными домами, цирки — съ театрами, базары — съ роцями, озерами и каналами, служащими убѣжищемъ скромныхъ увеселеній, между тѣмъ какъ дальше къ сѣверу, въ уединеніи рисовыхъ полей квартала Асакса-Имато, большой квадратъ, называемый Синъ-Иосивара, который можно бы назвать цѣлымъ городомъ, служитъ мѣстомъ, гдѣ, съ разрѣшенія правительства и къ стыду жителей, эксплуатируется развратъ.

Перехватъ мостъ Рюгоку-Басси, мы достигаемъ, у самаго Хонджо, основанія треугольника О-Гавы. Мостъ Рюгоку-Басси, имѣющій въ длину не менѣе трехсотъ метровъ, выходитъ на площадь, по сосѣдству съ которою находятся главные театры столицы. Вскорѣ затѣмъ мы подъѣзжаемъ къ сліянію Таморинке съ большою рѣкой. Правый берегъ рѣки, весь поросъ отличною аллеей плакучихъ ивъ. Въ кварталѣ Асакса можно перебраться на лѣвый берегъ черезъ укрѣпленный мостъ, служащій възднымъ пудетомъ со стороны сѣверной дороги, идущей параллельно рѣки О-Гавы, отъ которой вплоть до моста Адсума, она отдѣляется длиннымъ рядомъ массивныхъ построекъ, которыя служатъ доками и рисовыми магазинами тайкуна. На узкой мостовой, тянущейся вдоль этихъ строеній, часто встрѣчаются странники, возвращающіеся утомленной походкою изъ Фузи-Имы, съ навьюченными на спинѣ сосновыми ящиками, въ которыхъ они держатъ свой запасъ чаю и рису, необходимую для варки кушанья посуду и циновки и одѣла для ночлеговъ подъ открытымъ небомъ.

Рыбаки, которых можно видѣть въ этихъ частяхъ города въ большомъ количествѣ, занимаются ужениемъ въ обширныхъ, тихихъ бассейнахъ доковъ, наполняемыхъ изъ большой рѣки. Ихъ восемь, а ниже небольшой каналъ, одинъ изъ рукавовъ котораго простирается до округа Стаинъ, между тѣмъ какъ другой пересѣкаетъ съ юга на сѣверъ, къ западу отъ Оскіюандо, два округа Асаксы. Противъ большихъ бассейновъ, посреди рѣки, лежитъ священный островъ, гдѣ часовня и чайный домъ пріютились подъ тѣнь исполнискаго кедра.

За Огава-Бата сѣверная дорога дѣлится на двѣ вѣтви: одна образуетъ самую прямую улицу большой тѣра Асаксы; другая идетъ по берегу рѣки до Театрального квартала, лежащаго къ сѣверо-востоку отъ бонзѣри; отсюда она вступаетъ въ рисовыя плантаціи и направляется на Сенджоб-Басси. Впрямую и влѣво отъ главнаго шоссе, вдоль всей улицы Асакса-тѣра, по берегу О-Гавы и въ боковыхъ улицахъ, выходящихъ на большую дорогу, видны только храмы, чайные дома, общественные сады, павильоны съ сѣстнымъ и прохладительнымъ, модельни, лавки и алтари, выставки освященныхъ четоу и грѣховныхъ рѣдкостей, словомъ все, что только можетъ предложить самая изобрѣтательная

Кортежъ куртизанокъ въ процессіи матсури.

спекуляціи путешественникамъ, богомольцамъ, театраламъ и всякаго возраста празднишатающимся, которые снуютъ тысячами въ этихъ отдаленныхъ кварталахъ столицы, днемъ и ночью.

А между тѣмъ, почти въ тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ, и вообще въ южномъ районѣ Огавскаго третюльника, есть два рода заведеній, процвѣтающихъ только при условіи нѣкотораго удаленія отъ главныхъ путей сообщенія, потому что специальность ихъ именно и состоитъ въ томъ, чтобы держаться въ сторонѣ отъ двигающейся толпы и развѣ изрѣдка позволять своимъ обычнымъ посѣтелямъ смѣшиваться на нѣсколько минутъ съ этою толпою, когда имъ захочется, но лишь въ качествѣ прогуливающихъ и не слишкомъ утомляя себя.

Первыя относятся къ разряду аристократическихъ чайныхъ домовъ. По наружному виду они едва-едва отличаются отъ такихъ же заведеній, посѣщаемыхъ буржуазіей. Все ихъ преимущество состоитъ въ лучшемъ распредѣленіи залъ, мебелировки, сада, и особенно въ церемоніалѣ прислуживанія.

При входѣ въ заведеніе, горделивый самурай видитъ у ногъ своихъ хозяйку дома и сопровождающихъ ее экономокъ. Потомъ, самая молодая, приподнявшись, умоляетъ о позволеніи нести саблю благороднаго посѣтителя. Тотъ, дѣйствительно, удостоиваетъ ее этой милости и подаетъ саблю.

Тогда она поспѣшно вынимаетъ шелковый платокъ, обертываетъ имъ правую руку, беретъ оружіе у самой оконечности ноженъ и держитъ его такъ передъ своею грудью до тѣхъ поръ, пока всѣ не войдутъ въ гардеробную, гдѣ она кладетъ его осторожно на лакированную рѣшетку. Дѣжельмень немедленно приступаетъ, съ помощью женской свиты, къ самымъ мелочнымъ приготовленіямъ своего ночнаго туалета. Средняя прядь волосъ завязывается креповымъ бантомъ въ видѣ ночнаго колпака, затылокъ и плечи обертываются, вмѣсто шали, толстымъ шелковымъ фуляромъ, городской плащъ замѣняется пышнымъ плафромъ, застегнутымъ на груди изящно переплетенными шелковыми шнурками. Наконецъ пара бѣлыхъ носковъ, замѣняющихъ туфли, дополняетъ костюмъ, и самурай, вымывъ лицо и руки въ душистомъ умывальникѣ, направляется величественно въ гостиную, гдѣ приготовлено угощеніе. Обыкновенно комната эта выбирается въ отдаленной части дома, но соединяется съ переднею длинными галлереями, которыя проходятъ надъ частью сада.

Въ домахъ этого разряда поставляется правиломъ содержать довольно многочисленный личный составъ, чтобы удовлетворить собственными средствами всѣмъ развлеченіямъ, какія любятъ встрѣчать здѣсь сыны богатыхъ родителей. Напримѣръ, они сочли бы униженіемъ для своего достоинства прибѣгнуть къ услугамъ пѣвицъ, гитаристокъ и танцовщицъ по профессіи. Нанимать ихъ на всю ночь или просто по часамъ — предоставляется только ресторанамъ низшаго сорта и другимъ публичнымъ мѣстамъ.

Съ своей стороны такія женщины не показываютъ и носу въ подобныя заведенія, развѣ лишь вслѣдствіе самыхъ настоятельныхъ приглашеній. Какъ въ этомъ отношеніи, такъ и относительно скромности, онѣ отличаются отъ уличныхъ пѣвицъ и ярмарочныхъ танцовщицъ. Законъ запрещаетъ имъ входить въ частные дома. Приглашать ихъ можно только въ мѣста, подчиненныя надзору полиціи. Театры принадлежатъ также къ этой категоріи. Онѣ являются сюда, по просьбѣ труппы комедіантовъ, чтобы фигурировать въ балетѣ или занимать фойе.

Прочіе чайные дома, о которыхъ я упоминалъ, коснувшись аристократическихъ, причисляются также къ разряду почетныхъ. Обыкновенные посѣтители ихъ состоятъ изъ заслуженныхъ чиновниковъ, не честолюбивыхъ офицеровъ или сговорчивыхъ купцовъ, все людей смиренныхъ, весьма исключительныхъ, но довольно уважаемыхъ, для которыхъ днемъ нужна тѣнь, прохлада, уединеніе, тишина, а по вечерамъ — спокойный разговоръ на верандѣ, противъ тѣнистыхъ бесѣдокъ и садоваго пруда. Нерѣдко случается, что хозяйка, или которая нибудь изъ ея молоденькихъ экономокъ, приглашается раздѣлить бесѣды. Женщины этого класса славятся умѣнемъ остро отиѣчать. Скромныя и граціозныя съ людьми хорошаго общества, онѣ съ тою же легкостью бравируютъ казарменными выходками якунищевъ. И въ этомъ вовсе нѣтъ съ ихъ стороны никакого безстыдства: на это слѣдуетъ смотрѣть какъ на проявленіе народнаго воспитанія, допускающаго безразлично оба пола говорить обо всемъ, безъ малѣйшаго перифразы, не стѣсняясь ни кѣмъ, ни даже присутствіемъ дѣтей. Такая чрезвычайная свобода языка — обща японцамъ всѣмъ сословій; а потому ее не должно смѣшивать съ распушенностью нравовъ, которая, даже у незамужнихъ женщинъ, далеко не такъ распространена какъ вообще воображаютъ.

Притомъ же безстыдство вовсе не употребляетъ въ Японіи тѣхъ провокирующихъ аллюровъ, какъ въ Европѣ; лирией порока узмается здѣсь развѣ только по нѣкоторой исключительной роскоши прически и наряда. Виѣ синъ-юзварскихъ стѣтъ, особенно въ сѣверныхъ кварталахъ, она встрѣчается въ различныхъ формахъ, но никогда не цѣголяетъ цинической непристойностью костюма.

Быть можетъ, среди тысячи судовъ, спующихъ по Огавѣ, замѣтите въ изящную гондолу, гдѣ, небрежно облокотившись на кровлю каюты, стоитъ молодая дѣвушка, обращающая вниманіе своимъ изысканнымъ нарядомъ. Особенно длинное платье ея бросается въ глаза какому нибудь страннымъ шитьемъ, и, вызывая любопытство, заставляетъ угадывать къ какому сорту принадлежитъ его обладательница; напримѣръ, описано двойною гирляндю летучихъ мышей — одна бѣлыхъ, другая черныхъ. Вдругъ красавица вынимаетъ изъ-за пояса свертокъ шелковой бумаги, замѣняющей у японскихъ женщинъ батистовый платокъ, и, махая имъ правой рукою, подаетъ таинственный сигналъ, который, безъ сомнѣнія, былъ понятъ, потому что гондола тотчасъ же мѣняетъ направленіе и торопится пристать къ стоящему у берега чайному дому, на фонарѣ котораго большими буквами обозначена вывѣска или номеръ.